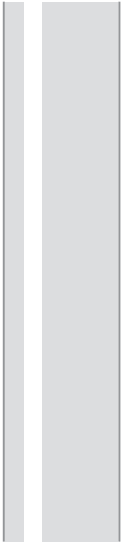

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МАЙКОПСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Ежеквартальный научный рецензируемый журнал МГТУ

ВЕСТНИК МАЙКОПСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 15 № 1 2023

Журнал издается с 2009 года

Майкоп 2023

<i>Периодичность:</i>	4 выпуска в год, журнал издается с 2009 года
<i>Префикс DOI:</i>	10.47370
<i>ISSN</i>	ISSN 2078-1024
<i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации</i>	Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-36998 от 29 июля 2009 г.
<i>Условия распространения материалов</i>	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
<i>Подписка на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета»</i>	Подписку на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета» можно оформить по индексу Э66022 на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru , в электронном каталоге Почты России по индексу ПК399, а также по индексу 66022 в электронном каталоге УРАЛ-ПРЕСС https://www.ural-press.ru/ Стоимость подписки на полугодие – 2280 руб.
<i>Учредитель / издатель:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191
<i>Редакция:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8 (8772) 52 30 03 e-mail: mgtu_konf@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Типография:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8 (8772) 52 30 03 e-mail: mgtu_konf@mkgtu.ru
<i>Дата публикации:</i>	30.03.2023
<i>Копирайт</i>	© Вестник Майкопского государственного технологического университета, 2023
<i>Индексирование:</i>	Российский индекс научного цитирования – библиографический и реферативный указатель, реализованный в виде базы данных, аккумулирующий информацию о публикациях российских ученых в российских и зарубежных научных изданиях.
<i>Тираж</i>	500 экз. <i>Цена свободная</i>

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATEBUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «MAIKOP STATE TECHNOLOGICAL UNIVERSITY»

Quarterly scientific peer-reviewed journal MSTU

**VESTNIK
MAJKOPSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
TEHNOLOGIČESKOGO
UNIVERSITETA**

Volume 15 No 1 2023

First published 2009

Maikop 2023

<i>Frequency:</i>	4 issues a year, the journal has been published since 2009
<i>DOI prefix:</i>	10.47370
<i>ISSN</i>	2078-1024
<i>The certificate of registration of mass media</i>	Registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate PI № FS77-36998, July 29, 2009
<i>Terms of distribution of materials</i>	The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License
<i>Subscription to «New Technologies» journal</i>	You can subscribe to «Вестник Майкопского государственного технологического университета» journal on the website of the «Press of Russia» United Catalog www.pressa-rf.ru under the E66022 index and in the electronic catalog of the Russian Post under the PK399 index, and in the electronic catalog of the Ural Press under the 66022 index https://www.ural-press.ru/ On the territory of Russia the cost of a six-month subscription is 2280 rubles.
<i>Founder:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str.
<i>Editorial office:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8 (8772) 52 30 03 e-mail: mgtu_konf@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Printing house:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8 (8772) 52 30 03 e-mail: mgtu_konf@mkgtu.ru
<i>Publication date:</i>	30.03.2023
<i>Copyright</i>	© Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta, 2023
<i>Indexation:</i>	The Russian Science Citation Index is a bibliographic and abstract index implemented in the form of a database that accumulates information on publications by Russian scientists in Russian and foreign scientific journals.
<i>Circulation:</i>	500 issues circulation
	<i>Price free</i>

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Тхакушинов Асланчери Китович, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «МГТУ»

Зам. главного редактора:

Овсянникова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и инновационному развитию ФГБОУ ВО «МГТУ»

Члены редакционной коллегии:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «КалмГУ им. Б.Б. Городовикова», Россия);

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «АГУ», Россия);

Азашиков Г.Х., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», Россия);

Сиюхова А.М., доктор культурологии, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Кудаева С.Г., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Сефербеков Р.И., доктор исторических наук, профессор (ФГБУН ИИАЭ ДФНЦ РАН, Россия);

Мухаджиев С.-Х.Х., кандидат исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Поддубная Т.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУФКСТ», Россия);

Захарова Ж.А., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУ им. Н.А. Некрасова», Россия);

Алиева С.И., доктор исторических наук, профессор (Азербайджанский государственный педагогический университет, Азербайджанская Республика);

Сопов А.В., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Шувакович У.В., доктор политических наук, профессор (PhD), (Приштинский университет, Сербия);

Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Республика Беларусь);

Амирова Л.А., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», Россия);

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор (РУДН, Россия);

Омер Туран, доктор исторических наук, профессор (Технический университет Ближнего Востока, Турция);

Хагуров А.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», Россия);

Пивненко П.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «РостГМУ», Россия);

Бегидова С.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «АГУ», Россия);

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор (ОУП ВО «АТиСО», Россия);

Панеш А.Д., доктор исторических наук, доцент (ГБУ РА «АРИГИ им. Т.М. Керашева», Россия);

Чумичева Р.М., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «ЮФУ, Академия психологии и педагогики», Россия);

Лукьяненко В.П., доктор педагогических наук, профессор, (ФГАОУ ВО «СКФУ», Россия);

Мусханова И.В., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ЧГУ», Россия);

Гапуров Ш.А., доктор исторических наук, профессор, (ГКНУ «Академия наук Чеченской республики», Россия);

Соловей Т.Д., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия);

Карлов В.В., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия);

Бенин В.Л., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», Россия);

Жаркынбаева Р.С., доктор исторических наук, профессор (Казахский национальный университет им. аль Фараби, Казахстан);

Бобкова Е.М., доктор социологических наук, доцент (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Институт государственного управления, права и социально-гуманитарных наук, Молдова, Приднестровье)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Chief Editor

Tkhakushinov Aslancheriy Kitovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, a full member (academician) of the Russian Education Academy, President of FSBEI HE «MSTU», head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics of FSBEI HE «MSTU»

Deputy Chief Editor

Ovsyannikova Tatiana Anatoljevna, PhD, Professor, prorector for scientific work and innovative development of FSBEI HE «MSTU»

Members of Editorial Board:

Badmayev V.N., Ph.D., professor (FSBEI HPE «KalmSU named after B.B. Gorodovikov», Russia);

Nekhay V.N., Doctor of Sociology, an associate professor (FSBEI HE «ASU», Russia);

Azashikov G.H., Ph.D, a professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Khagurov T.A., Doctor of Sociology, a professor (FSBEI HE «KubSU», Russia);

Siyukhova A.M., Doctor of Culturology, an associate professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Kudayeva S.G., Doctor of History, a professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Seferbekov R.I., Doctor of History, a professor (FSBIS IHAE DFSC of the RAS, Russia);

Muskhadzhiyev S.-H.H., Candidate of History, an associate professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Poddubnaya T.N., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HE «KSUPCS», Russia).

Zakharova Z.A., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HPE «KSU named after N.A. Nekrasov», Russia);

Alieva S.I., Doctor of History, a professor (Azerbaijan State Pedagogical University, the Azerbaijan Republic);

Sopov A.V., Doctor of History, a professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Shuvakovich U.V., Doctor of Politics, a professor (Pristina University, Serbia);

Kechina E.A., Doctor of Sociology, a professor (Be-larusian State University, the Republic of Belarus);

Amirova L.A., Doctor of Pedagogics, an associate professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Akmulla», Russia);

Narbut N.P., Doctor of Sociology, a professor (PFUR, Russia);

Omer Turan, Doctor of Historical Sciences (Prof. Dr) (Middle East Technical University, Turkey);

Khagurov A.A., Doctor of Sociology, a professor (FSBEI HE «KubSU», Russia);

Pivnenko P.P., Doctor of Pedagogic Sciences, professor (Southern Federal University, Russia)

Begidova S.N., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HE «ASU», Russia);

Volkova O.A., Doctor of Sociology, a professor (EITU HE «ALandSR», Russia);

Panesh A.D., Doctor of History, an associate professor (SBI RA «ARIHR named after T.M. Kerashev», Russia);

Chumicheva R.M., Doctor of Pedagogics, a professor (FSAEI HE «SFU, Academy of Psychology and Pedagogy», Russia);

Lukyanenko V.P., Doctor of Pedagogics, a professor (FSAEI HE «NCFU», Russia);

Muskhanova I.V., Doctor of Pedagogics, an associate professor (FSBEI HE «ChSU», Russia);

Gapurov Sh.A., Doctor of History, a professor (SOSI «The Chechen Republic Academy of Sciences», Russia);

Solovey T.D., Doctor of History, a professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Russia);

Karlov V.V., Doctor of History, a professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Russia).

Benin V.L., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Aknulla», Russia);

Zharkynbayeva R.S., Doctor of History, a professor, (Kazakh National University named after al-Farabi, Kazakhstan);

Bobkova E.M., Doctor of Sociology, an assistant professor (Trans-Dniester state university named after T.G. Shevchenko, Institute of Public Administration, Law and Social and Human sciences, Moldova, Trans-Dniester).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Амирханова М.М.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА ДАГЕСТАНЦЕВ
КАК АТРИБУТ СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ.
1920–1960-е гг. 15

Иванов В.А.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОДПОЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
В СЕВЕРНОМ КРЫМУ (1941–1943 гг.). 23

Кандор Р.С.

ЧЕРКЕССКИЙ КОННЫЙ ПОЛК:
КОМПЛЕКТОВАНИЕ СОТЕН И БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА
ПЕРВОГО СОСТАВА ВСАДНИКОВ
(август – октябрь 1914 г.) 31

Мирзабеков М.Я.

НАУКА В ДАГЕСТАНЕ. 1960-Е ГГ. XX В.:
ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ 42

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бибикова Э.В.

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ НАВЫКАМ
ЧЕРЕЗ ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ
МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ) 54

Гучетль И.Н., Манченко Т.В.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ 61

Колесниченко А.Н.

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ ПРИ ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 70

Корзенкова Е.В., Джабатырова Б.К., Крафт Н.Н.

МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ВЫГОРАНИЯ МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ 77

Панина Е.А.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО КУРСА
В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
БУДУЩИХ РАБОТНИКОВ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ 85

Поддубная Т.Н.

ДОСТУПНЫЙ ТУРИЗМ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС
ДЛЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ 95

Спичак Н.Г., Фёдорова И.В.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ 103

Суетина Н.М.

ПРОЕКТНЫЙ ПРАКТИКУМ КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ БАКАЛАВРИАТА
ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ
40.03.01 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ) 110

Чистобаева Л.В.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РАБОТНИКА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ 117

Шадже З.М.

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ 126

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зимин А.Э.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ 134

Продиблох Н.Е., Болокова М.А.

ИННОВАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ
И МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ 141

Салова Т.Л.

КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ
СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ 149

Шахбанова М.М.

ФАКТОР ДОВЕРИЯ В ФОРМИРОВАНИИ
РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ 155

Правила направления и опубликования научных статей	163
Правила рецензирования научных статей в журнале «Вестник Майкопского государственного технологического университета»	166

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Amirkhanova M.M.

DAGESTAN NATIONAL CLOTHES
AS AN ATTRIBUTE

OF RURAL EVERYDAY LIFE. 1920–1960s 15

Ivanov V.A.

FORMATION OF THE UNDERGROUND MOVEMENT
IN THE NORTHERN CRIMEA (1941–1943)

23

Kandor R.S.

THE CIRCASSIAN HORSE REGIMENT: RECRUITMENT
OF SOTNIAS AND COMBAT TRAINING
OF THE FIRST HORSEMEN

(AUGUST – OCTOBER 1914) 31

Mirzabekov M.Ya.

SCIENCE IN DAGESTAN. THE 1960s:
HISTORY, PROBLEMS

42

PEDAGOGICAL SCIENCES

Bibikova E.V.

TRAINING PROFESSIONAL SKILLS USING
THE LATIN LANGUAGE

(THE CASE OF MEDICAL SPECIALTIES) 54

Guchetl I.N., Manchenko T.V.

PROBLEMS OF TEACHING PHYSICAL CULTURE
IN A MODERN SCHOOL

61

Kolesnichenko A.N.

ADVANTAGES OF USING MENTAL MAPS
WHEN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

70

Korzenkova E.V., Dzhabatyrova B.K., Kraft N.N.

A MODEL OF YOUNG TEACHERS' PROFESSIONAL
BURNOUT PREVENTION

77

Panina E.A.

DESIGNING AN ELECTRONIC LEARNING COURSE
IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL TRAINING
OF FUTURE EMPLOYEES IN THE TOURIST INDUSTRY 85

Poddubnaya T.N.

ACCESSIBLE TOURISM AS AN EDUCATIONAL
RESOURCE FOR THE SOCIALIZATION
OF CHILDREN WITH DISABILITIES 95

Spichak N.G., Fedorova I.V.

REVISITING THE FORMATION OF UNIVERSAL
COMPETENCES OF FOREIGN STUDENTS 103

Suetina N.M.

PROJECT WORKSHOP AS AN EDUCATIONAL SUBJECT
IN THE EDUCATIONAL ACTIVITY OF A UNIVERSITY
(THE CASE OF THE BACHELOR'S TRAINING
PROGRAM 40.03.01 LEGAL STUDIES) 110

Chistobaeva L.V.

FEATURES OF PROFESSIONAL ACTIVITY
OF AN ACADEMIC STAFF IN THE CONDITIONS
OF A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT 117

Shadzhe Z.M.

THE ROLE OF TRANSLATION IN TEACHING
A FOREIGN LANGUAGE
IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY 126

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Zimin A.E.

GENESIS OF VOLUNTEERING IN RUSSIA:
HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS 134

Prodiblokh N.E., Bolokova M.A.

INNOVATIONS IN STATE AND MUNICIPAL
MANAGEMENT AS A NECESSARY CONDITION FOR
THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE STATE 141

Salova T.L.

CONVERGENCE AS THE CENTRAL CONCEPT
OF MODERN SCIENTIFIC KNOWLEDGE 149

Shakhbanova M.M.

TRUST FACTOR IN THE FORMATION
OF THE RUSSIAN IDENTITY AND INTERETHNIC
COMMUNICATION OF THE DAGESTAN YOUTH 155

Rules of directing and publishing
scientific articles in 163

Rules of scientific article review
in «Vestnik Majkopskogo Gosudarstvennogo Tehnologičeskogo Universiteta» 166

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-15-22>

УДК [947.084:391](470.67)

Амирханова М.М.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА ДАГЕСТАНЦЕВ КАК АТРИБУТ СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ. 1920–1960-Е ГГ.

Амирханова Мадина Магомедовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

e-mail: madinat63@mail.ru

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена все возрастающим интересом к повседневной культуре. Костюм – один из самых необходимых человеку элементов повседневности, постоянно присутствующий в материальной культуре во все времена. В народной одежде объективно фиксируются ценности времени, созвучные эпохе.

На основе принципа историзма и междисциплинарного, сравнительно-исторического, логического, проблемно-хронологического методов комплексно рассматривается национальный костюм в контексте общественно-исторических процессов. Цель статьи – показать пространственно-временные процессы распространения, развития традиционной одежды Дагестана, общее и особенное в покрое, способе ношения одежды у разных народностей, провести анализ трансформации национального костюма в указанных хронологических рамках. Научная новизна видится в том, что анализ разнохарактерных источников позволил выявить региональные особенности национальной одежды горцев: влияние социально-экономических преобразований в республике на изменения национальной одежды, ее унификацию. Определены факторы, ускорявшие эти процессы. Автор делает вывод, что в рассматриваемый период на трансформацию национальной одежды Дагестана большое влияние оказали коренные социально-экономические сдвиги в дагестанском селе: развертывание коллективизации, переселение. Теоретическая и практическая значимость работы определяется расширением научного знания о национальной одежде горцев как важного компонента повседневной жизни, отражающего специфику народа.

Ключевые слова: Дагестан, национальная одежда, сельская повседневность, переселение, трансформация, унификация, элементы городской одежды

Для цитирования: Амирханова М.М. Национальная одежда дагестанцев как атрибут сельской повседневности. 1920–1960-е гг. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 15-22. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-15-22>.

Amirkhanova M.M.

DAGESTAN NATIONAL CLOTHES AS AN ATTRIBUTE OF RURAL EVERYDAY LIFE. 1920–1960S

Amirkhanova Madina Magomedovna,

Candidate of History, a senior researcher of the Department of Modern and Contemporary History of the Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography, the Dagestan Federal Research Center, the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

e-mail: madinat63@mail.ru

Abstract

The relevance of the research topic is due to the growing interest in everyday culture. A suit is one of the most necessary elements of everyday life for a person, constantly present in material culture at all times. In national clothes, the values of the time, consonant with the era, are objectively fixed.

The national costume is comprehensively considered in the context of socio-historical processes, using the principle of historicism and interdisciplinary, comparative, historical, logical, problem-chronological methods. The purpose of the research is to show the spatial and temporal processes of distribution, development of traditional clothes of Dagestan, general and special in cut, the way of wearing clothes among different nationalities, to analyze the transformation of the national costume in the specified chronological framework. Scientific novelty is seen in the fact that the analysis of diverse sources has made it possible to identify regional features of the national clothes of the highlanders: the impact of social and economic transformations in the Republic on changes in national clothes, its unification. The factors accelerating these processes have been determined. The author concludes that during the period under review, the transformation of the national clothes of Dagestan was greatly influenced by fundamental social and economic changes in the Dagestan village: the deployment of collectivization, resettlement. The theoretical and practical significance of the work is determined by the expansion of scientific knowledge about the national clothes of the highlanders, as an important component of everyday life, reflecting the specifics of the people.

Keywords: Dagestan, national clothes, rural everyday life, resettlement, transformation, unification, elements of urban clothes

For citation: Amirkhanova M.M. Dagestan national clothes as an attribute of rural everyday life. 1920–1960s // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 15-22. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-15-22>.

Национальная одежда как составляющая повседневной жизни несет максимальную информацию о народе: укладе жизни, традициях, вероисповедании.

Постепенно в каждой общине, проживавшей на территории современного Дагестана, стала появляться одежда, соответствующая образу жизни и характеру труда, внешнему облику ее членов и отражающая специфику народа. Так, по выверенным законам жизни, сконцентрировав в себе вековой опыт народа, складывались различные формы дагестанской традиционной одежды.

Рассматриваемая тема не относится к числу неразработанных проблем, в известной мере она изучена исследователями. Однако она освещалась в основном в этнографическом аспекте [5; 7–8; 12]. В монографии А.И. Гасановой в контексте борьбы с пережитками прошлого в быту содержатся фрагментарные сведения по данной проблеме [1]. В монографическом исследовании М.Я. Мирзабекова приводятся примеры появления в одежде селян элементов городской одежды [4]. В статье Я.А. Тулпашева и А.И. Магомадова нашли освещение отдельные аспекты модификаций в национальном костюме ногайцев – одного из народностей Дагестана в первое двадцатилетие советской власти [7]. В монографии А.И. Османова отмечается нивелировка традиционной одежды у переселенцев, ее постепенная унификация [6].

Настоящая статья написана на основе материалов Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД), опубликованных материалов социально-гигиенического обследования Дагестана в 1927 г.

После Первой мировой и Гражданской войн в первые годы советской власти, как и в стране, на Северном Кавказе наблюдалась хозяйственная разруха. Это, в свою очередь, обусловило мануфактурный голод, что способствовало сохранению и восстановлению домашнего изготовления одежды. В 1920-х годах женские платья стали шить из домотканины, которой почти не было в XIX в. [7, с. 227].

А в Дагестане, в одном из южных многонациональных регионов России, согласно проведенному в 1927 г. социально-гигиеническому исследованию, обеспеченность одеждой, например, населения Даргинского округа выглядела следующим образом: совсем не имела белья почти половина всех женщин (45%) и детей (48%) и около 1/3 мужчин; более одной смены, но не более 2–3 имело 17% детей, 20% женщин и 39% мужчин. Мужчин, не имевших верхнего легкого платья (бешмет, рубаха) и надевавших шубу непосредственно на белье, было 20%. Еще хуже обстояло дело с верхней зимней одеждой. Половина всех детей, 35% женщин и 9% мужчин были лишены ее совсем [3, с. 190]. Равным образом не было обеспечено население и обувью. Всё это приводило к тому, что в составе одежды, ее покрою, способе ношения особых изменений не происходило.

Так, к концу 1920-х годов известный кавказовед Г.Ф. Чурсин, описывая манеру одеваться у аварцев, проживавших в северных районах Дагестана, не отмечает особых изменений и различий в покрое одежды от традиционной: «Одежда мужчин носит общекавказский характер и мало чем отличается от одежды других народов Кавказа. На тело надевается рубашка из бязи или ситца, поверх нее бешмет; верхним платьем служит черкеска, приготавливаемая из местного сукна. Брюки шьются из местного сукна или другой материи. Обувь состоит из кожаных чупак или сапог; иногда к чупакам присоединялись ноговицы (зангал). Особенностью аварского одевания следует считать овчинные шубы, в которых аваров часто можно видеть и в летнее время. Аварские овчинные шубы бывают двух видов с огромной пелериной из овечьих шкур шерстью наружу и без этого украшения» [11, с. 18].

В сравнительном плане интерес представляет характеристика состава одежды у мужчин и женщин этого же

времени, название тех или иных ее деталей у табасаранцев – другой народности Дагестана, населяющей его южные районы (Хивский, Табасаранский). У табасаранцев ткани для одежды были в основном местного производства. Привозных тканей было очень мало. Мужская одежда по своей внешней форме была схожа с одеждой других народов Дагестана. В то же время она имела и некоторые локальные варианты. В начале XX в. мужская одежда табасаранцев состояла из следующих основных частей: черкеска, бешмет, рубашка, штаны, шуба, папах, обувь [5, с. 48].

В 1920–1930 гг. появляются штаны типа галифе. Бурка-накидка, которая так широко бытовала почти у всех народов Дагестана и Кавказа, у табасаранцев не получила распространения. Пастухи, чабаны вместо бурки надевали войлочную накидку. Бурка представляет собой вид мужской верхней одежды, необходимая принадлежность кавказских пастухов и охотников.

Женскую одежду табасаранки украшали различными узорами из материала, ниток. К ней также пришивали монеты. Для невесты шили одежду из зеленой и красной ткани. Женскую одежду почти никогда не шили из нового материала – всегда перешивали из старья [5, с. 49].

Во второй половине 1920-х гг. с началом кампании в стране по изменению быта, улучшению материальных условий жизни населения, раскрепощению женщины, подъему культурного уровня начали создавать женские клубы, кружки кройки и шитья, обучать шитью и вязанию в школах. Все эти организации призваны были пропагандировать новый быт, обучение было ориентировано на городские модели одежды и белья, велась пропаганда санитарно-гигиенических норм быта [7, с. 227].

Однако в реальности насколько эффективной была деятельность этих клубов, в частности работа

производственных артелей по улучшению материального положения женщин-горянок, позволяют судить архивные документы тех лет. В этом плане интересен следующий документ – Отчет о работе Дагестанского клуба горянок (январь – март 1926 г.). Клуб функционировал с 1 октября 1925 г. При клубе имела швейная артель, состоявшая из 22 человек. Кроме того, профшкола для девушек из 4-х отделений в составе 80 человек. В ней имелось 2 рукодельных класса, 1 белошвейный и 1 дамско-портняжный [10, л. 12]. При приеме в школу горянок из аулов принимали вне очереди.

В докладной записке завклубом горянок П. Мамедбековой в женотдел при Дагестанском обкоме партии (12 мая 1926 г.) отмечалось, что при крайне мизерном бюджете в 3000 руб. в год [10, л. 49] об усилении влияния на женские массы в республике говорить не приходится. В значительной мере значение клуба зависело от успеха производственных артелей. Для вовлечения в клубную работу отсталых горянок в первую очередь предлагалось расширить профшколу сапожным, художественно-прикладным и т.д. отделениями, организовать чулочновязальную трикотажную артель.

А из протокола заседания президиума клуба горянок 3 июня того же года следует, что члены швейной артели не в состоянии были самостоятельно изыскивать массовую работу, и артель не функционировала. В результате было предложено швейную артель преобразовать в мастерскую при клубе с целью обеспечения постоянных заказов [10, л. 50].

Проникновение элементов городской одежды в национальный костюм селян значительно ускорило в первые годы советской власти. В частности, этому способствовало усиление контактов сельчан с горожанами. Участвовавшие поездки женщин-горянок в города способствовали новым впечатлениям и представлениям.

С другой стороны, традиция ограничений на ношение теплой одежды женщинами мешала вовлечению их в активную общественную жизнь, производство. На Северном Кавказе в 1928 г. была начата кампания «Пальто – горянке», которая продолжалась два года. Беднейшим женщинам готовые пальто выдавались бесплатно, а более состоятельным по низкой цене [7, с. 228].

Эта кампания проводилась и в Дагестане. Вопрос «О борьбе за теплую одежду горянке» обсуждался на заседании коллегии женотдела обкома партии в мае 1929 года и на заседании секретариата обкома ВКП(б) 5 июня того же года [10, л. 54]. По указанию обкома партии была проведена широкая разъяснительная работа среди женщин, приняты меры к льготному снабжению пальто горянок-работниц, батрачек, колхозниц и беднячек. Особое внимание было уделено снабжению школьниц. Пальто продавалось кооперацией по себестоимости с рассрочкой на год.

Вокруг этой кампании завязалась острая борьба за раскрепощение женщины-горянки. Новые идеи встретили сопротивление в среде мусульманского духовенства, кулачества, оказывавших отрицательное влияние на старшее поколение. Женщин, надевших пальто, порой выгоняли из дома, избивали и т.п. [7, с. 228].

На этом же фоне в Буйнакском, Хасавюртовском и Дербентском округах республики была проведена широкая кампания за снятие чадры. Ее ношение воспринималось как один из элементов закрепощения трудящихся женщин среди части населения республики (азербайджанцы, персы). Чадра – легкое женское покрывало, надевавшееся при выходе из дома и закрывавшее фигуру с головы до ног. Многие женщины-мусульманки носили из культурно-религиозных соображений. В то же время к проведению кампании привлекались широкие слои трудящихся и интеллигенции.

Вопрос о снятии чадры обсуждался на собраниях партийных ячеек, женских собраниях, врачи читали лекции «О вреде чадры». Например, на заседании культсовещания при Дагестанском совете профсоюзов (20 январь 1930 г.) рассматривался вопрос о проведении данной кампании. Курировавший этот вопрос член профсоюза Абдинов отмечал, что, несмотря на неоднократное проведение кампании, многие женщины еще продолжали носить чадру. В целях усиления этой работы предлагалось на всех общих собраниях рабочих, рабочихниц широко информировать о значении данной кампании, на вечерах в клубах заслушать доклады о важности снятия чадры [10, л. 57].

Кампания перевыборов Советов также проводилась под лозунгом «На выборы без чадры».

Борьба с еще сохранявшимися старыми обычаями и адатами в традиционной форме одежды находила отражение и в периодической печати тех лет. Так, в ежемесячном журнале Дагобкома ВКП(б) «Звезда» относительно необходимости изменений в форме мужской одежды была опубликована заметка «Долой кинжалы» [2, с. 36]. Дагобком комсомола объявлял кампанию за снятие кинжала – важного атрибута традиционного мужского костюма дагестанского горца. Дагобкомом было предложено провести специальные конференции, совещания и собрания населения против ношения кинжала. В пример беспартийным первыми кинжалы должны были снять комсомольцы.

Партийная организация требовала от коммунистов показывать пример в борьбе с пережитками прошлого, принимала меры к тем из коммунистов, которые придерживались старых традиций в отношении к женщине. Так, 16 ноября 1928 г. в газете «Красный Дагестан» была опубликована статья «Под маской коммуниста», разоблачающая неправильное отношение коммуниста Д. Атаева (председателя

Дагестанского комитета госстраха) к своей жене Патимат, которой он запрещал участвовать в общественной работе, учиться в ликпункте и т.д. [1, с. 115]

Восстановление и развитие промышленности во всей стране, улучшение материального положения трудящихся горцев в результате разрешения аграрного вопроса, земельно-водной реформы, кооперирования хозяйств и т.п. способствовали повышению благосостояния крестьянства, росту покупательной способности населения. Всё это привело к свертыванию производства тканей в домашних условиях. Начинает широко входить в быт белье, в том числе готовое (для мужчин). Ранее материалом для мужского белья служила, как правило, отбеленная бязь. Она же шла частично и на белье женщин (в горах в крашеном виде).

В эти же годы постепенно проникает в аулы и городская зимняя одежда разных фасонов: пальто, шинели, кожанки, крытые тканью или выкрашенные в черный цвет овчинные шубы в талию, ватные стеганки и т.д. Широко распространились и кожаные сапоги, фасоны которых меняются в соответствии с городской модой, а также калоши и другая резиновая обувь [4, с. 75].

В 1930-е гг. шла быстрая унификация форм и видов одежды у всех дагестанских народов. Материалом для ее шитья служили фабричные ткани, покупаемые в готовом виде.

Процесс этот все усиливающимися темпами продолжался и в последующие годы. Результатом его была, с одной стороны, постоянная динамика понятия «национальная одежда»: в нем все меньше оставалось атрибутов традиционного костюма. Ее место занимали трансформированные старые или даже совсем новые формы, с другой стороны, шел процесс постоянного увеличения количества лиц, одевающихся «по-городскому».

Такая ситуация сложилась в одежде сельского населения Дагестана к началу массового организованного переселения горцев на равнину в 1950–1960-е гг. Как известно, одной из важнейших задач земельно-водной реформы 1927–1934 гг. в республике являлась ликвидация диспропорции в землепользовании между отдельными обществами, преодоление аграрной перенаселенности гор. В связи с ее осуществлением из года в год росло число горских хозяйств, переселяемых на равнину.

Дагестанские исследователи отмечают смешение в первые годы жизни на равнине у переселенцев традиционных и новых форм, сочетание случайного набора вещей, купленных в магазине и привезенных из прежних мест обитания. Например, у мужчин – пиджачная пара и традиционная обувь, шуба, папаха; у женщин – современный костюм или платье и традиционная обувь, упрощенный вариант традиционного головного убора и т.д. [8, с. 81]. При этом национальный колорит больше сохранялся в одежде представителей старшего поколения и детей.

Многонациональность поселения являлась фактором, способствующим ускорению процесса урбанизации одежды. В многонациональных поселениях горянка-переселенка испытывала некоторую неловкость и скованность в одежде, которая выделяла ее из общей массы и привлекала к себе внимание своей необычностью и архаикой в сравнении с носимой в данном населенном пункте. Поэтому она быстро меняла свой облик и через короткое время мало чем отличалась в одежде от коренного населения.

Известный дагестанский историк А.И. Османов также указывает на нивелировку одежды переселенцев и местного населения, которая в прошлом служила одним из характерных признаков принадлежности человека к тому или иному этносу, селу, обществу. «Теперь она стала

похожей у всех, особенно в районах с этнически смешанным населением, на городскую одежду» [6, с. 568].

Очень часто новые городские формы одежды, особенно женской, в переселенческом селении подвергались творческой переработке в соответствии с сохранившимися в те годы местными особенностями и вкусами. Хотя покупательная способность переселенцев росла с увеличением и укреплением хозяйства на новых местах, в первые годы после переселения они по традиции больше носили одежду, сшитую дома из покупных хлопчатобумажных, штапельных, шелковых, шерстяных тканей.

Различия в одежде больше прослеживались в зависимости от социального положения и образовательного уровня сельского населения. Шляпы, кепки, костюмы, пальто, туфли и другие виды современной одежды носили преимущественно представители сельской интеллигенции. Традиционные формы и виды одежды дагестанцев, такие как овчинная папаха, бурка, чарыки из сыромятной кожи и другие чаще встречались у рядовых колхозников, занятых физическим трудом [4, с. 132].

Подводя итог, следует отметить, что в начале исследуемого периода обеспеченность одеждой дагестанцев была недостаточной. Улучшение материального положения горцев способствовало росту покупательной способности. Постепенно наблюдается переход сельского населения Дагестана от традиционной формы одежды к модернистской. Однако поначалу эти изменения встречали активное сопротивление со стороны мусульманского духовенства, кулачества. Особенно это касалось женщин-горянок. Имели место факты их избиения, выставления из дома и т.д.

Несмотря на это, трансформации форм национального костюма дагестанцев способствовали те коренные социально-экономические сдвиги, которые происходили в дагестанском селе: развертывание коллективизации, земельно-водная реформа, переселение и т.д. При этом в первые годы у переселенцев наблюдалось смешение традиционных и новых форм одежды. Многонациональность являлась фактором, ускорявшим унификацию форм национального костюма. Этому способствовали и участвовавшие связи села с городом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гасанова А.И. Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920–1940 гг.). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР. Институт истории языка и литературы Г. Цадасы, 1963.
2. Долой кинжалы // Звезда. 1929. № 1–4. С. 36–38.
3. Заметки по санитарному быту // Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана. Даргинцы // Труды Института социальной гигиены НКЗ РСФСР. Вып. 1. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1930.
4. Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села. XX век: история и проблемы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1998. 306 с.
5. Научный фонд Института истории, археологии и этнографии (НФ ИИАЭ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 295. С. 48.
6. Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития: в 2-х кн. Кн. 2. Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала: Диэм, 2007.
7. Студенческая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М.: Наука, 2007.
8. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М.: Наука, 1988.

9. Тулашев Я.А., Магомадов А.И. Традиционная культура ногайцев в период модернизации 20–30-х гг. XX века // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых, 2020. № 23. С. 72–78.
10. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1094.
11. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 268.
12. ЦГА РД. Ф. р.-59. Оп. 12. Д. 48.
13. Чурсин Г.Ф. Авары. Этнографический очерк / научн. ред. Р.И. Сефербеков. 2-е изд. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008.

REFERENCES:

1. Gasanova A.I. The emancipation of a mountain woman in Dagestan (1920–1940). Makhachkala: the Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR. G. Tsadasy's Institute of the History of Language and Literature, 1963.
2. Off with hangers // Zvezda. 1929. No. 1–4. P. 36–38.
3. Notes on sanitary life // The social and hygienic study of the peoples of Dagestan. The Dargins // Proceedings of the Institute of Social Hygiene of the NKZ RSFSR. Issue. 1. M.; L.: State medical publishing house, 1930.
4. Mirzabekov M.Ya. Culture of the Dagestan village. XX century: history and problems. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 1998. 306 p.
5. Scientific Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography (NF IIAE). F. 5. Op. 1. D. 295. P. 48.
6. Osmanov A.I. Dagestan in the XX century: the historical experience of regional development: in 2 books. Book. 2. Social and political life and social and cultural development of the peoples of Dagestan. Makhachkala: Diem, 2007.
7. Studenetskaya E.N. Clothing of the peoples of the North Caucasus. XVIII–XX centuries Moscow: Nauka, 2007.
8. Traditional and new in modern life and culture of Dagestan settlers. Moscow: Nauka, 1988.
9. Tulashev Ya.A., Magomadov A.I. The traditional culture of the Nogais in the period of modernization of the 20–30s of XX century // Izvestiya SOIGSI. School of Young Scientists, 2020. No. 23. P. 72–78.
10. The Central State Archive of the Republic of Dagestan. (hereinafter referred to as CSA RD). F. 1-p. Op. 1. D. 1094.
11. CSA RD. F. 1-p. Op. 2. D. 268.
12. CSA RD. F. R.-59. Op. 12. D. 48.
13. Chursin G.F. The Avars. AN Ethnographic essay / scientific ed. By R.I. Seferbekov. 2nd ed. Makhachkala: IIAE DSC RAS, 2008.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-23-30>
УДК 947.084.8(477.75)

Иванов В.А.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОДПОЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОМ КРЫМУ (1941–1943 ГГ.)

Иванов Вячеслав Александрович,

*кандидат исторических наук, научный сотрудник ГБУ РК «Центрально-го музея Тавриды», отдела «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь «Красный»; старший преподаватель кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», Симферополь, с. Мирное, Россия
e-mail: slavik1855@gmail.com
тел.: +7 (978) 838 46 69*

Аннотация

Степная часть Крыма занимает две трети общей площади полуострова. На востоке, севере и западе она окружена Чёрным морем, заливом Сиваш, Азовским морем; с юга третьей грядой Крымских гор. Природно-географические условия этого региона не позволяли здесь развернуть партизанскую борьбу против немецко-румынских захватчиков, которая ограничилась ведением разведывательной деятельности, саботажа, пропаганды различными патриотическими подпольными организациями.

В отечественной историографии, исследующей проблемы антифашистского сопротивления на территории Крыма, к сожалению, сложился ложный стереотип об отсутствии подпольной работы на севере полуострова.

Цель настоящей статьи развеять этот миф, на основании ранее неопубликованных документов из фондов муниципального архива Администрации Раздольненского района, Государственного архива Республики Крым и Ялтинского историко-литературного музея.

Методы исследования: источниковедческий, историко-типологический, ретроспективный, статистический и биографический.

В ходе исследования автором выявлены прежде не публиковавшиеся в открытом доступе материалы о деятельности подпольщиков на территории Ах-Шейхского, Лариндорфского, Красно-Перекопского районов Крымской АССР. Отмечен вклад подпольщиков в общее дело антифашистской борьбы, а также создание условий к успешному освобождению полуострова от немецко-румынской оккупации весной 1944 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северный Крым, Ах-Шейхский район, подпольщики, партизаны, устная и печатная пропаганда, агитация, разведка, немецко-румынская оккупация

Для цитирования: Иванов В.А. Становление подпольного движения в Северном Крыму (1941–1943 гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С.23-30. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-23-30>.

Ivanov V.A.

FORMATION OF THE UNDERGROUND MOVEMENT IN THE NORTHERN CRIMEA (1941–1943)

Ivanov Vyacheslav Aleksandrovich,

*Candidate of History, a researcher of the State Budget Institution of the Republic of Crimea «Central Museum of Tavrida», department «Memorial to the victims of the fascist occupation of Crimea 1941–1944 «Concentration camp «Krasny»; an assistant professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities of State Budgetary Educational Institution of Education and Science «The Crimean University of Culture, Arts and Tourism», Simferopol, Mirnoe village, Russia
e-mail: slavik1855@gmail.com
tel.: +7 (978) 838 46 69*

Abstract

The steppe part of Crimea occupies two thirds of the total area of the peninsula. In the east, north and west it is surrounded by the Black Sea, the Gulf of Sivash and by the Sea of Azov, from the south – by the third ridge of the Crimean Mountains. The natural and geographical conditions of this region did not allow the guerrilla struggle against the German-Romanian invaders to be launched here, so it was limited to conducting intelligence activities, sabotage and propaganda by various patriotic underground organizations.

In the Russian historiography, which studies the problems of anti-fascist Resistance on the territory of Crimea, unfortunately, a false stereotype has developed about the absence of underground work in the north of the peninsula.

The purpose of the article is to dispel this myth, based on previously unpublished documents from: the funds of the municipal archive of the Administration of the Razdolnensky district, the State Archive of the Republic of Crimea and the Yalta Historical and Literary Museum. The research methods used are source studies, historical and typological, retrospective, statistical and biographical.

In the course of the research, the author has identified previously unpublished materials about the activities of underground fighters on the territory of the Akh-Sheikhsky, Larindorfsky, Krasno-Perekopsky districts of the Crimean ASSR. The contribution of underground fighters to the common cause of the anti-fascist struggle has been noted, as well as the creation of conditions for the successful liberation of the peninsula from the German-Romanian occupation in the spring of 1944.

Keywords: the Great Patriotic War, the Northern Crimea, the Akh-Sheikh region, underground fighters, partisans, oral and printed propaganda, agitation, intelligence, the German-Romanian occupation

For citation: Ivanov V.A. Formation of the underground movement in the Northern Crimea (1941–1943) // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2022. Volume 14, No. 4. P. 23-30. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-23-30>.

Спустя более 80 лет после окончания Второй мировой войны многие ее аспекты до сих пор остаются нераскрытыми. В первую очередь это касается деятельности движения Сопротивления в регионах Украины и России,

лишенных обширных лесных и горно-лесистых массивов.

Вплоть до настоящего времени считалось, что в северо-западной части Крыма не действовали подпольные организации и группы.

Во-первых, это объяснялось тем, что территориально эта часть полуострова находилась на значительном расстоянии от лесисто-гористой местности, где партизаны с 31 октября 1941 г. вели героическую борьбу против немецко-румынских захватчиков. Во-вторых, обширные регионы Северного Крыма практически не были затронуты войной и представляли собой весьма ценный аграрный комплекс, крайне необходимый для нужд как немцев, так и крымских партизан, страдающих от нехватки продовольствия.

Как свидетельствуют данные Государственного архива Республики Крым, накануне Великой Отечественной войны Ак-Шейхский (ныне Раздольненский) район Крымской АССР был одним из процветающих сельскохозяйственных территорий. В нем насчитывалось 53 крупных колхоза, две машинно-тракторные станции, один из крупнейших животноводческих совхозов Крыма – совхоз «Монай»¹.

Причем каждый колхоз имел 4–5 разных животноводческих ферм, более 8 500 голов крупного рогатого скота, более 50 000 овец. Совхозные тракторные цеха и МТС имели более 200 тракторов различных марок, до 100 штук грузовых автомашин. 18 полевых колхозных огородов располагали более чем 18 артезианскими скважинами, благодаря которым собирали урожай высокосортных овощей. Это позволяло снабжать такие крупные города Крымской АССР, как Евпатория, Севастополь и Симферополь. Каждый колхозный двор имел в своем распоряжении корову, до 10 голов овец, до 2-х свиноматок и большое количество птицы [1, л. 105].

С началом оккупации богатейшая сельскохозяйственная территория подверглась тотальному разграблению и

уничтожению. Изучение источников из фондов архивного отдела (муниципального архива) Администрации Раздольненского района, Государственного архива Республики Крым дает четкую картину развала экономики.

30 октября 1941 г. немецкие войска вошли на территорию Ак-Шейхского района. Был установлен жестокий оккупационный режим. Нацисты уничтожали хорошо оборудованные животноводческие постройки. В Германию угоняли скот, вырубали лесозащитные полосы, разрушали колодцы на поливных огородах, уничтожали и разграбляли школы, клубы и избы-читальни [1, л. 106].

Согласно воспоминаниям жителей с. Капкари русские², собранные Т.В. Втюриной: «немецкие солдаты разместились по домам местных жителей, занимались мародерством – отнимали птицу, искали еду. Останавливались по домам, переночуют и идут дальше. В здании школы фашисты³ устроили свой штаб. Постоянно проживающих немцев в селе не было. Постоянно находились румыны, словаки⁴. Из частных хозяйств они забирали скот, птицу для немецкой армии и для себя» [2, с. 35]. Воспоминания жителей с. Капкари русские дополняют материалы «Крымской республиканской чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» [1].

Так, в частности, 23 мая 1944 г. комиссия Смидовичского сельского совета в составе председателя сельсовета Савелия Самойловича Чуприны, представителей колхозов – Плексей Константинович Ильчевский (колхоз «Соц-Дорф»), Псентий

¹ После 1944 г. – совхоз «Приморский» Раздольненского района Крымской АССР (до 1945 г.; после 1954 г. Крымской области Украинской ССР).

² Капкари русские – ныне с. Камышное Раздольненского района Республики Крым.

³ Правильнее, нацисты, национал-социалисты.

⁴ Имеются в виду сателлиты нацистской Германии – оккупационные части из состава войск Королевства Румынии и марионеточной Первой Словацкой республики.

Тимофеевич Попка (колхоз «Победа»), Петр Федорович Стародубцев (колхоз «Восток»), Алексей Васильевич Компаниченко (колхоз «Новый труд»), Николай Тимофеевич Голик (колхоз «Верлик») свидетельствовали о том, что «...хозяйство колхозов доведено до полного разорения и нищенства. Конюшни, коровники, птичники уничтожены полностью или приведены в негодность. Изощряясь в издевательствах над людьми, фашистские изверги применяли во время работы плеть, палку и каблук сапога. К более непослушным применяли метод копания самому себе могилы с целью запугивания. Вот так хозяйничали подлые выродки рода человеческого – немецко-румынские бандиты. Они не считали нас за людей. Был введен тяжелый рабско-крепостнический труд. Жизнь была сплошным кошмаром, о чем тяжело и больно вспоминать. Стонала земля. Людей угоняли в Германию в рабство, то в лагеря на принудительные работы. Это все называлось «новым порядком»...» [1, л. 107].

Всего за время нацистской оккупации в Ак-Шейхском районе: было разрушено и повреждено 94 жилых дома на сумму 2 036 274 рублей; разрушено и повреждено различных построек для скота (общее сложностью 41) на сумму 4 366 637 рублей; уничтожено и увезено различного сельскохозяйственного инвентаря и сельскохозяйственных машин 4173 единицы на сумму 1 976 039 рублей; угнано и выбито скота: а) крупнорогатого 6396 голов на сумму 10 808 153 рублей; б) лошадей 3465 голов на сумму 17 534 620 рублей; в) птицы 34 175 голов на сумму 918 259 рублей [1, л. 106, 107 об.].

Чувствуя свою безнаказанность, нацисты усилили расправы над мирными советскими гражданами. Весной 1942 г. в дер. Смидовичи колхоза «Соц-Дорф» Смидовичского сельсовета гитлеровцы расстреляли и замучили 31 человека. Кроме того, своих жертв нацисты сбрасывали в пустой колодец. Туда попали

не только убитые ранее, но и еще живые люди. Казнили в первую очередь женщин, детей и стариков [1, л. 106 об.]. Документы ГАРК свидетельствуют о том, что гитлеровцам оказывал активную поддержку ряд жителей района, ставшие ярыми коллаборационистами: Ирина Станило, Максим Шаповалов, Петр Сикорский, Антон Валахно, Андрей Муромец, Андрей Письменный, Жуковская¹ и Владимир Тверденко [1, л. 108 об.].

Немецко-румынский оккупационный режим опирался на систематизированную систему насилия, мародерства и грабежа. Возникает вопрос, почему немцы и румыны чувствовали свою безнаказанность. А ответ заключается в том, что, учитывая природно-географические условия местности, оккупанты даже не допускали мысли о наличии здесь подпольных групп или организаций. А между тем, партийное руководство Крымской АССР имело свои виды на северные регионы Крыма.

До осени 1943 г. борьбой патриотов в северной части полуострова руководил Крымский областной подпольный партийный комитет. По заданию С.В. Урадова² и Н.Д. Лугового³ ком-

¹ Имеется в виду Е. Босс-Жуковская, см. далее.

² Степан Васильевич Урадов – он же «Лука», бывший директор школы с. Джолман (Пионерское) Симферопольского района Республики Крым, вместе с женой Таисией организовал крупную подпольную группу, наладившую связь с партизанами Крыма.

³ Николай Дмитриевич Луговой – советский партийный и хозяйственный деятель, в годы Великой Отечественной войны изначально комиссар Зуйского партизанского отряда; заместитель командира Второго сектора партизанских отрядов по политической части; комиссар партизанского движения Крыма. С июня 1943 г. командир Второго сектора, а с июля 1943 г. – командир Первой бригады, комиссар Северного соединения, по совместительству комиссар 5 бригады партизан Крыма. Член подпольного бюро Крымского обкома ВКП(б). Воинское звание – батальонный комиссар. После окончания войны – на хозяйственной работе, известный военный писатель.

мунист Семен Белкин создал первые подпольные группы на территории Ак-Шейхского (ныне Раздольненского) района Крымской АССР [3, л. 1]. Действия С. Белкина вполне вписывались в тогдашнюю логику партийного руководства Крымской АССР. Было принято решение отказаться от создания значительных групп, привлекающих к себе внимание посторонних лиц, а заменить их группами советских патриотов. Так как к тому времени часть видных коммунистов и представителей партийного актива была расстреляна гитлеровцами, либо заключена в концлагеря. В соответствующем документе отмечалось: «В эту группу входят уцелевшие и оставшиеся преданными нашей партии коммунисты, также комсомольцы и непартийные большевики из советского и колхозного актива, ставшие на путь активной борьбы с фашизмом. После проверки этих товарищей на практической работе в этой организации будем создавать партийные или комсомольские организации. Вся работа ГСП проходит и проводится на строго конспиративных началах». Как видим, применив такую тактику, партийное руководство Крымской АССР старалось в первую очередь расширить районы деятельности народных мстителей полуострова, во-вторых, решить проблему снабжения партизан за счет не пострадавших от боевых действий северных регионов полуострова, а в-третьих, создать необходимые условия для организации вооруженного восстания в глубоком вражеском тылу при наступлении удобного момента.

В своей книге «Побратимы» Н.Д. Луговой так описывает возникшие трудности подбора партийных кадров для проведения подпольной работы на территории Ак-Шейхского района: «... Когда с Перекопа уже доносились глухие раскаты артиллерийской канонады, молодую учительницу и медсестру

истребительного батальона комсомолку Женю Островскую несколько раз вызывали в Ак-Шейхский райком партии. С глазу на глаз с нею беседовал секретарь райкома товарищ Кабан. О чем говорили? Что от Жени требовалось? Какие поручения ей давались? Никто не знал. Эта тайна впервые открылась только у нас, в подпольном обкоме. Секретарь райкома спросил тогда Островскую: не согласится ли она остаться в Ак-Шейхе для работы в тылу врага. Было дано время подумать. И она подумала. Секретарь райкома не торопил. На такое нужны добровольцы. «Если сочтешь, что не сможешь, – сказал он, – заяви откровенно. В претензии к тебе райком не будет» [4, с. 246–247; 5, с. 209–211]. Далее Н.Д. Луговой сообщает, что Евгения Островская предложение не приняла, так как, во-первых, по сообщениям газеты «Правда» уже в занятых ими районах расстреляли триста местных жителей, причислив их к партийно-советскому активу, а во-вторых, ей «оставаться в Ак-Шейхе значит бессмысленно погибнуть. Меня сразу повесят: как комсомолку, как «ястребка» [4, с. 247]; [5, с. 209–211].

За короткий промежуток времени С. Белкин создал опорные подпольные группы практически на территории всего Ак-Шейхского района. В самом районном центре – Ак-Шейх (ныне п. Раздольное Республики Крым) подпольную группу возглавил Николай Фоменко, в совхозе «Монай» К.Н. Любченко; с. Монай Татарский¹, Бузукуй², Смаил-Абай³ –

¹ Монай Татарский – исчезнувшее село в Ак-Шейхском (ныне Раздольненском) районе Республики Крым, располагавшееся на востоке района, в степной части Крыма, примерно в 1 километре к юго-востоку от современного с. Ковыльное.

² Бузукуй – ныне с. Сенокосное Раздольненского района Республики Крым.

³ Смаил-Абай – ныне с. Волочаевка Раздольненского района Республики Крым, входит в состав Ковыльновского сельского поселения.

У.П. Любченко; Ташкуй¹, Федоровка, Караит² – А.С. Полодян; Кизил-Бай немецкий³ – Гарбуз; Кизил-Бай русский⁴ – Г.В. Беляев; Тепиз⁵, Бай-Оглы-Кипчак⁶ – С.И. Тарасов; Садырь⁷ – А.П. Ким и М.Н. Клименко; Копкари (Капкари) немецкие⁸ – Н.В. Кармен [3, л. 1; [6, с. 3]. Приведенные здесь данные подтверждает в своей книге краевед Т. Втюрина. В этом издании опубликован ряд интересных интервью с жительницей с. Капкари русские (с. Камышное) Р. С. Павловой. В частности указано: «С 1941–1944 гг. в селе действовала подпольная группа, которую возглавлял Н.В. Кармен. В подпольную группу входили жители села Н. Коваль, Ю. Белый и другие» [2, с. 36].

Основной задачей С. Белкина была пропагандистско-агитационная работа. Он и его товарищи получали листовки, газеты и сводки Совинформбюро от С.В. Урадова, Н.Д. Лугового и распространяли их среди населения. Активными помощниками при проведении устной и печатной агитации являлись С.Н. Тарасов, С.П. Мерилко, А. Воробьева, А.П. Ким и другие участники подполья [3, л. 1].

Осуществляемые С. Белкиным и его товарищами акции были частью

¹ Ташкуй – ныне с. Огородное Раздольненского района Республики Крым, входит в состав Ручьевского сельского поселения.

² Караит – ныне с. Коммунарное Раздольненского района Республики Крым, входит в состав Ручьевского сельского совета Раздольненского района.

³ Кизил-Бай немецкий – ныне с. Кумово Раздольненского района Республики Крым.

⁴ Кизил-Бай русский – ныне с. Борисовка Раздольненского района Республики Крым.

⁵ Тепиз – ныне исчезнувшее село в Ак-Шейхском (ныне Раздольненском) районе Республики Крым.

⁶ Бай-Оглы-Кипчак – ныне с. Огни Раздольненского района Республики Крым.

⁷ Садырь – ныне с. Славянское Раздольненского района Республики Крым.

⁸ Копкари (Капкари) немецкие – ныне с. Ручьи Раздольненского района Республики Крым, центр Ручьевского сельского совета.

обширной программы антифашистской борьбы, которая была утверждена 2 июля 1942 г.

Так, согласно докладной записке командира партизанских отрядов Крыма А.В. Мокроусова и комиссара С.В. Мартынова маршалу С.М. Буденному и Крымскому обкому ВКП(б) «О подпольной работе в Крыму» указывалось на необходимость: «Распространять советские листовки, газеты, плакаты. Срывать все приказы, объявления противника. Саботировать все начинания и мероприятия противника, срывать ремонт сельскохозяйственных машин и в особенности уборочных. Не принимать немецких денег. Срывать набор рабочей силы для отправки в Германию и т.д. Создавать небольшие партизанские группы для диверсионной работы и особое внимание уделять разведывательной работе» [7, л. 73–76].

Более же детальная инструкция была дана в брошюре «К коммунистам, находящимся на территории временно оккупированного немцами Крыма», хранящаяся в фондах Ялтинского историко-литературного музея.

В частности, в ней указывалось: «...всеми мерами разлагать тыл немецкой армии, срывать мобилизацию, мешать подтягиванию резервов и тем самым облегчать Красной Армии выполнять ее боевые задачи. Создавайте вокруг себя группы советских патриотов. Используйте членов этих групп для агитационной работы и диверсий. Обучайте владеть холодным и огнестрельным оружием. Собирайте оружие, боеприпасы, храните их в надежном месте. Оно нужно будет для боевых выступлений» [8]. Как видим, здесь четко звучал призыв к созданию подпольных групп, которые собирали оружие, организовывали диверсии и саботаж, вели агитацию. Особо Крымский обком партии выделил работу по массовому разложению войск нацистской Германии и ее сателлитов: «Проникайте

в воинские части немцев и румын. Разлагайте эти части, подрывайте дисциплину, используйте для этого все слабости солдат и офицерского состава. Особенное внимание удалите работе в отрядах самооборонцев. В них наряду с отъявленными негодьями есть и обманутые люди. Засылайте в эти отряды своих людей, подрывайте их изнутри, раскалывайте, делайте небоеспособными» [8]. В деревнях Ак-Шейхского района были дислоцированы части союзных немцам румын и словаков, с которыми периодически проводилась политработа антифашистов подпольной группы С. Белкина.

К сожалению, деятельность патриотов не прошла мимо немецких спецслужб. Летом 1942 г. С. Белкина с помощником А.А. Руделем арестовали и вскоре расстреляли. Причиной провала стало предательство.

С. Белкин и А.А. Рудель были как и многие другие представители комсомольско-партийного актива лично знакомы с Еленой Андреевной Босс-Жуковской, которая в 1935–1937 гг. работала в Ак-Шейхском районе Крымской АССР экспедитором райпотребсоюза, а перед началом Великой Отечественной войны переехала в г. Евпаторию и занимала видную должность в автотранспорте. Когда немецко-румынские войска вторглись в Крым, Е.А. Босс-Жуковская не

эвакуировалась как партийный работник в тыл, а осталась в городе и вскоре начала активное сотрудничество с гитлеровскими захватчиками [9, с. 31, 32, 34, 63, 107]; 1, л. 108 об.]. Она выдала советских патриотов г. Евпатории. Позже она составила такие же списки по Ак-Шейхскому району. Борьба подполья оказалась под угрозой срыва, так как подобранные для этой работы кадры практически оказались уничтожены нацистами. Сопrotивление нужно было начинать организовывать фактически сначала и при этом тщательно маскироваться, чтобы не попасть в поле зрения оккупантов [3, л. 2].

Таким образом, в период нацистской оккупации на территории Северного Крыма постепенно формировалось антифашистское подпольное. Значимую роль в его становлении сыграло партийное руководство Крымской АССР. Для консолидации патриотов Ак-Шейхского (Раздольненского) района из крымских лесов были отправлены С. Белкин и А.А. Рудель. Несмотря на свой арест и гибель, они смогли заложить основу Ак-Шейхской подпольно-патриотической организации, превратившейся в реальную угрозу для немецко-румынских оккупантов осенью 1943 г. – весной 1944 г. (установившими контакт с разведывательными структурами Красной Армии). Однако это уже тема следующей статьи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (далее ГА РК). Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 2.
2. Втюрина Т.М. История села Камышное (рукопись). Камышное: Камышненская сельская библиотека Раздольненской ЦБС, 2013. 275 с.
3. Архивный сектор (муниципальный архив) Администрации Раздольненского района Республики Крым (далее АС АРР). Ф. 189. Оп. 1. Д. 1.
4. Луговой Н.Д. Побратимы. Партизанская быль. Симферополь: Крым, 1965. 478 с.
5. Луговой Н.Д. Побратимы. Партизанская быль. Киев: Политиздат Украины, 1985. 541 с.
6. Шматок И. В условиях конспирации // Авангард. 1987. 6 окт. (№ 120 (6441)). С. 3.
7. ГА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 21.
8. Павлов Ф.А., Рудник В.А. Євпаторійський десант: документальна повість. Сімферополь: Крим, 1968. 160 с.

REFERENCES:

1. The State institution of the Republic of Crimea «The State Archive of the Republic of Crimea» (hereinafter SA RC). F. R-1289. Op. 1. D. 2.
2. Vtyurina T.M. The history of the village of Kamyshnoe (a manuscript). Kamyshnoe: Kamyshnenskaya rural library of the Razdolnenskaya Central Library, 2013. 275 p.
3. The Archival sector (municipal archive) of the Administration of the Razdolnensky district of the Republic of Crimea (hereinafter AS ARD). F. 189. Op. 1. D. 1.
4. Lugovoi N.D. Twin Cities. Partisan story. Simferopol: Crimea, 1965. 478 p.
5. Lugovoi N.D. Twin Cities. Partisan story. Kiev: Politizdat of Ukraine, 1985. 541 p.
6. Shmatok I. In conditions of conspiracy // Avangard. 1987. October 6th. (№ 120 (6441). P. 3.
7. GA RK. F. P-1. Op. 1. D. 21.
8. Pavlov F.A., Rudnik V.A. Evpatoria landing: a documentary story. Simferopol: Krim, 1968. 160 p.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-31-41>
УДК 947.083(470.621)

Кандор Р.С.

ЧЕРКЕССКИЙ КОННЫЙ ПОЛК: КОМПЛЕКТОВАНИЕ СОТЕН И БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ПЕРВОГО СОСТАВА ВСАДНИКОВ (АВГУСТ – ОКТЯБРЬ 1914 Г.)

Кандор Руслан Султанович,

*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории
ГБУ РА «Адыгейского республиканского института гуманитарных исследова-*

ний им. Т.М. Керашева», Майкоп, Россия

e-mail: kandor.ruslan@mail.ru

тел.: +7 (906) 438 59 89

Аннотация

В настоящей статье рассматривается деятельность наместника на Кавказе, органов власти Кубанской области и командования Черкесского конного полка по комплектованию сотен и боевой подготовке всадников Черкесского конного полка, отправляющихся на поля сражений Первой Мировой войны. Придается большое значение изучению конкретных событий, происходивших в аульных обществах Кубанской области во время формирования сотен Черкесского конного полка.

Автором был использован соответствующий круг источников по истории Кавказской туземной конной дивизии, включавший большой объем архивного материала, предполагающий всесторонний охват исторических фактов по данной проблеме. Использование принципа историзма дало возможность рассмотреть деятельность наместника на Кавказе, начальника Кубанской области, атаманов отделов и командования Черкесского конного полка в динамике от фактических событий в конкретных исторических условиях в тесной связи с административной политикой государства до рассуждений об их причинах и последствиях.

В статье последовательно описаны события, происходившие во время комплектования сотен и боевой подготовке всадников Черкесского конного полка, что позволило выявить важную роль наместника на Кавказе, органов власти Кубанской области и офицеров полка.

Автор приходит к выводу, что в ходе комплектования сотен Черкесского конного полка начальником Кубанской области, атаманами отделов, старшинами аулов, мусульманским духовенством и почетными старейшинами успешно используется весь положительный опыт комплектования иррегулярных горских конных частей, накопленный во время предшествующих войн Российской империи. При этом, командующий Черкесским конным полком подполковник князь Чавчавадзе с начала формирования сплачивает полк общей верой в своих офицеров, дисциплиной, взаимным уважением и твердой верой в успех.

Ключевые слова: Первая Мировая война, Черкесский конный полк, наместник на Кавказе, Кубанская область, Сухумский округ, комплектование, боевая подготовка, добровольцы-охотники, боевое содружество

Для цитирования: Кандор Р.С. Черкесский конный полк: комплектование сотен и боевая подготовка первого состава всадников (август – октябрь 1914 г.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 31-41. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-31-41>.

Kandor R.S.

THE CIRCASSIAN HORSE REGIMENT: RECRUITMENT OF SOTNIAS AND COMBAT TRAINING OF THE FIRST HORSEMEN (AUGUST – OCTOBER 1914)

Kandor Ruslan Sultanovich,

Doctor of History, a leading researcher of the Department of History of the State Budgetary Institution of the Republic of Adygea «The Adygh Republican Institute for Humanitarian Research named after T.M. Kerashev», Maikop, Russia

e-mail: kandor.ruslan@mail.ru

tel.: +7 (906) 438 59 89

Abstract

The article considers the activities of the Viceroy in the Caucasus, the authorities of the Kuban region and the command of the Circassian horse regiment in recruiting hundreds and combat training of horsemen of the Circassian horse regiment going to the battlefields of the First World War. Great importance is attached to the study of specific events that took place in the aul communities of the Kuban region during the formation of sotnias of the Circassian horse regiment.

The author used the appropriate range of materials on the history of the Caucasian Native Cavalry Division, which included a large amount of archival material, suggesting a comprehensive coverage of historical facts on this issue. The use of the principle of historicism has made it possible to consider the activities of the Viceroy in the Caucasus, the Head of the Kuban region, atamans of departments and the command of the Circassian horse regiment in dynamics from actual events in specific historical conditions in close connection with the administrative policy of the state to discussions about their causes and consequences.

The article consistently describes the events that took place during the recruitment of sotnias and combat training of horsemen of the Circassian horse regiment, which made it possible to identify the important role of the Viceroy in the Caucasus, the authorities of the Kuban region and the officers of the regiment.

The author has come to the conclusion that in the course of recruiting sotnias of the Circassian horse regiment, the head of the Kuban region, atamans of departments, foremen of auls, the Muslim clergy and honorary elders used all the positive experience in recruiting irregular mountain cavalry units accumulated during the previous wars of the Russian Empire. At the same time, the commander of the Circassian horse regiment, Lieutenant Colonel Prince Chavchavadze solidated the regiment with a common faith in its officers, discipline, mutual respect and a firm belief in success from the beginning of its formation.

Keywords: World War I, the Circassian horse regiment, the Viceroy in the Caucasus, the Kuban region, the Sukhum district, recruitment, combat training, volunteer hunters, military commonwealth

For citation: Kandor R.S. The Circassian horse regiment: recruitment of sotnias and combat training of the first horsemen (August – October 1914) // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 31-41. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-31-41>.

Столетний юбилей Первой Мировой войны способствовал значительному росту интереса к событиям, последствиям и урокам этой войны. Однако информированность россиян о Великой войне, ее героях и участниках по-прежнему невысока. Важно отдать долг памяти блистательным офицерам и всадникам разных народов, служившим в Черкесском конном полку, их беспримерному подвигу во имя защиты Отчизны. В реалиях современной России вопрос боевого содружества народов Российской империи на полях сражений Первой Мировой войны становится особенно актуальным.

Богатая славными событиями история Черкесского конного полка находит отражение в опубликованных воспоминаниях С. Курнакова, офицера Черкесского конного полка, восполняющих пробелы в описании многих событий внутренней жизни Черкесского конного полка, его ритуалов и традиций. В предисловии к своей книге С. Курнаков говорит о том, что он писал о событиях, которые происходили в действительности и о людях, которые были живы или жили. Большинство имен, с которыми он нас знакомит, принадлежали реально существовавшим людям, за исключением некоторых персонажей, имена которых автором были изменены. «Эти события происходили двадцать лет назад, – объяснял С. Курнаков, – и, возможно, некоторые даты и названия мест были не вполне точны, я скорее записывал свои впечатления, чем аккуратную последовательность событий» [1]. Действительно, автором этих воспоминаний изменены некоторые фамилии офицеров и имена всадников Черкесского конного полка. Однако, хронология событий и подлинные имена героев мемуаров С. Курнакова без труда восстанавливаются с использованием архивного материала. Важно то, что мы видим в этой работе эмоции, чувства, личные переживания автора, описание сложившихся традиций и характера

межличностных отношений в Черкесском конном полку.

В контексте актуальной темы боевого содружества народов Кавказа и России ключевое место в отечественной историографии занимает исследование О.Л. Опрышко, проделавшего колоссальную работу по сбору разбросанных по разным архивам документов, их обработке, систематизации и анализу. «Как сама дивизия, так и входившие в ее состав полки – Кабардинский, 2-й Дагестанский, Чеченский, Татарский, Черкесский и Ингушский, – пишет О.Л. Опрышко, – стали гордостью российской армии. Это было поистине уникальное воинское соединение по своей организации, многонациональному составу всадников и офицеров, по царившему между ними духу воинского братства, солидарности и взаимовыручки, что в наше сложное время должно служить для всех нас непреходящим уроком взаимопонимания, человечности и уважения друг к другу» [2, с. 5]. Автор исследует боевой путь Кавказской туземной конной дивизии и рассказывает о ратных подвигах офицеров и всадников дивизии на полях сражений Первой Мировой войны.

В части исследования истории формирования и боевого пути сотен Черкесского конного полка представляет интерес исследовательская работа А.Д. Вершигоры, которая имеет исключительное значение для патриотического воспитания молодого поколения и осознания ими существовавшей общей продолжительной истории с разными народами России. «Полк был уникален по своему составу, – писал А.Д. Вершигора. – Из четырех его сотен две были черкесскими, одна – карачаево-черкесо-абазинская и еще одна – абхазская. Офицерами были грузины, черкесы, армяне, русские, в том числе казаки и обрусевшие потомки разных европейских национальностей, которых в русской армии служило немало. Связующим же звеном между

офицерами и всадниками стали урядники из числа кубанских казаков, имевшие богатый опыт военной службы. Русскими были и столь необходимые конному полку кузнецы, оружейники, пулеметчики и подрывники, медицинские и ветеринарные фельдшеры, наконец, обозники» [3, с. 74].

Особого внимания заслуживает и работа Е.К. Габелия, восполняющая пробелы в описании многих событий внутренней жизни Черкесского конного полка, его ритуалов и традиций. «В течение десятков лет... – отмечал Е.К. Габелия, – абхазов рассматривали в качестве людей второго сорта, ненадежных, более того «виновных». Начавшаяся война давала возможность абхазам снять с себя этот ярлык. Теперь представителям абхазского народа вручалось оружие, которого они были лишены столько времени. Это было, прежде всего, реабилитацией их чувства собственного достоинства, это было возрождением романтики подвигов и рыцарства, тесно переплетенных с этикетными установками абхазов, как и других народов Кавказа» [4, с. 9–10]. Исследование Е.К. Габелия изобилует рядом с архивными материалами большим количеством фотографий и воспоминаний о ветеранах «Абхазской сотни» Черкесского конного полка.

Тем не менее, до настоящего времени отечественной исторической наукой не раскрыта в полной мере тема комплектования и боевой подготовки первого состава всадников Черкесского конного полка. В силу того, что научный интерес исследователей был в большей степени сфокусирован на проблеме участия отдельных народов Северо-Западного Кавказа в войнах, которые вела Российская империя, проблема становления традиций боевого содружества народов с первых дней комплектования полков при таком подходе и не могла быть раскрыта в полной мере.

В ходе проведения исследования автором был использован соответствующий

круг источников по истории Кавказской туземной конной дивизии, включавший большой объем архивного материала, предполагающий всесторонний охват исторических фактов по данной проблеме. Использование принципа историзма дало возможность рассмотреть деятельность наместника на Кавказе, начальника Кубанской области, атаманов отделов и командования Черкесского конного полка в динамике от фактических событий в конкретных исторических условиях в тесной связи с административной политикой государства до рассуждений об их причинах и последствиях.

19 июля 1914 г. Германия объявила войну России. К этому времени на границе Российской империи с Австро-Венгрией уже были слышны выстрелы – война здесь фактически началась.

20 июля 1914 г. в Зимнем Дворце офицерам Санкт-Петербургского гарнизона в присутствии Императора Николая II и царской семьи придворным протодьяконом был зачитан Высочайший манифест об объявлении Россией войны Германии и Австро-Венгрии. Объявление войны Германии вызвало в России колоссальный подъем чувства национального самосознания. Широкие народные массы охватил патриотический порыв. Всеобъемлющий подъем патриотических верноподданнических чувств охватил и народы Северного Кавказа, которые по российскому законодательству начала XX века не подлежали призыву на военную службу.

23 июля 1914 г. карачаевский народ, проживавший в Кубанской области, преисполненный, как и все кавказские народы, патриотическими чувствами, узнав об объявлении войны, обращается к атаману Баталпашинского отдела с просьбой «через начальника Кубанской области всеподданнейше повергнуть к стопам Его Императорского Величества Государя Императора чувства беспредельной преданности и верности престолу и

Отечеству, готовность во всякую минуту принести не только всё свое достояние, но и самую жизнь и просить разрешения Его Императорского Величества сформировать из карачаевцев отдельную кавалерийскую часть и отправить таковую на театр военных действий» [5, л. 35].

В свою очередь, 24 июля 1914 г. почетные представители, доверенные от селений Большой и Малой Кабарды, а также и пяти горских обществ Нальчикского округа обращаются, используя посредничество атамана Терского казачьего войска, к наместнику на Кавказе и главнокомандующему войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанту графу Воронцову-Дашкову со следующей просьбой: «Просить Государя Императора разрешить населению Кабарды и пяти горских обществ выставить за счет населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава». В течение суток наместник известил об этой просьбе Императора Николая II, и уже утром 26 июля в Нальчике стало известно о Высочайшем одобрении и утверждении распоряжений относительно формирования Кабардинского конного полка и что Государь рад горячему порыву населения Кабарды и горских обществ.

А в это же время, жители черкесского аула Егерухай Майкопского отдела Кубанской области, собравшись в соборной мечети своего аула, в присутствии аульного старшины Якуба Ешева постановили в своем обращении к атаману отдела: «Помолясь Единому Господу Богу о здравии Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича с августейшим семейством и даровании победы над врагами Российскому воинству, постановили просить Ваше Высокоблагородие повергнуть к стопам Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича верноподданнические чувства наши» [5, л. 29].

С телеграммами начальников участков, опубликованными в Сухумских газетах, знакомит нас исследователь Е.К. Габелия, показывая охвативший всех жителей Сухумского округа патриотический подъем «верноподданнических чувств». Так, 25 июля 1914 г. в своей телеграмме в Тифлис начальник Сухумского округа доложил наместнику на Кавказе о депутации от абхазских дворян и крестьян Кодорского и Самурзаканского участков Сухумского округа, «просившей довести до сведения его сиятельства, что названные депутации просят от лица абхазов всего округа сообщить, что они готовы оказать содействие и организовать конную часть» [4, с. 8].

Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант Воронцов-Дашков, наблюдая большое воодушевление народов Кавказа, в особенности после Высочайшего одобрения формирования Кабардинского конного полка, ходатайствует при поддержке Военного министра о формировании из воинственных кавказских народов воинских частей. И 27 июля 1914 г. последовало Высочайшее соизволение о формировании из туземцев Северного Кавказа и Закавказья на время военных действий нескольких полков.

5 августа 1914 г. начальник штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Юденич в своем отношении к начальникам областей и округов Северного Кавказа и Елизаветпольскому губернатору сообщает о том, что «последовало Высочайшее соизволение на формирование... туземных частей и указано теперь же принять меры по подготовке безотлагательного формирования этих частей». Наряду с Кабардинским конным полком в Терской области разрешено было сформировать еще Чеченский и Ингушский конные полки. В Кубанской области и Дагестане должны были комплектоваться соответственно Черкесский и 2 Дагестанский конные полки, а

в Закавказье (в Елизаветпольской губернии и Борчалинском уезде Тифлисской губернии) из добровольцев-мусульман (азербайджанцев – Р.К.) – Татарский конный полк [2, с. 31–32]. С этого времени в штабе Кавказского военного округа начинается важная работа по отбору офицерского состава формируемых полков, прежде всего, на должности командиров полков. Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков выбирал их лично – из тех штаб-офицеров, кого хорошо знал и в ком был уверен.

23 августа был объявлен Высочайший приказ Николая II о создании Кавказской туземной конной дивизии в составе следующих шести конных полков: Кабардинского, 2 Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского и Ингушского [6, л. 289]. Командующим Кавказской Туземной конной дивизией Высочайше назначается генерал-майор Свиты Его Величества Великий князь Михаил Александрович, младший сын Императора Александра III. По словам многих современников, Великий князь Михаил Александрович подкупал их своею необыкновенной скромностью и деликатностью.

26 августа 1914 г. генерал-лейтенант Юденич сообщает подполковнику князю Чавчавадзе о назначении его на должность командира Черкесского конного полка, в связи с чем ему предписывалось отправляться в Кубанскую область для формирования своего полка [7, л. 39]. Официально князь Чавчавадзе рапортом от 29 августа докладывает в штаб Кавказского военного округа о своем вступлении в должность и начале комплектования Черкесского конного полка, хотя, на самом деле, формирование офицерского состава происходит задолго до этой даты [7, л. 24].

Набор добровольцев в первые три сотни Черкесского конного полка шел под надзором начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Бабича,

который в начале августа разослал соответствующие распоряжения атаманам Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского отделов, где компактно проживали абазины, карачаевцы, черкесы и ногайские татары, возложив на атаманов отделов всю ответственность за призыв добровольцев-горцев [2, с. 46].

В течение августа 1914 г. атаманы отделов Кубанской области с помощью старшин абазинских, карачаевских, черкесских, ногайских аулов проводили запись всадников-добровольцев. Комплектование сотен шло успешно, желавших вступить в Черкесский конный полк было достаточно большое количество. В Сухумском округе комплектование 4 сотни полка проходило также вполне успешно, жители округа абхазы и грузины-мегрелы массово высказывали горячее желание вступить добровольцами в Черкесский конный полк. Начальником Сухумского округа были организованы и проведены сходы жителей в Абжуйской Абхазии (с. Моква) и Бзыбской Абхазии (с. Лыхны), после чего проводились сельские сходы, на которых велась запись добровольцев. Решение о формировании Абхазской сотни было одобрено всеми выступающими. При этом прозвучало, что абхазы на поле боя будут сражаться с врагами достойно и мужественно. Характерно, что все ораторы свое выступление заканчивали абхазским словом «харкьи-агоуп», которое, как утверждали добровольцы Т. Ванача, М. Еник, П. Козмава, И. Хашба, К. Наиба и др., действовало на них магически. Для абхазской молодежи того времени нахождение на фронте было делом смелых и мужественных людей. Абхазское дворянство на всех уровнях – и в столице округа, и в селениях – с самого начала войны играло решающую и направляющую роль.

С 30 августа 1914 г. начинается заключительный этап работы по комплектованию сотен Черкесского конного полка в отделах Кубанской области

и участках Сухумского округа. Сотни полка должны были насчитывать по 128 всадников, а число кадровых строевых нижних чинов, которых нужно было набрать, еще не было определено окончательно. Решение это должно было быть принято в ходе комплектования сотен полка. Кроме того, важно было решить вопрос немедленного отпуска денег на пособия, довольствие людей и лошадей в период формирования сотен и выдвижения их в г. Армавир. Сборным пунктом для сотен полка стал лагерь на р. Уруп под Армавиром. Окончание формирования трех сотен Кубанской области планировалось на 12 сентября, а Сухумской сотни – на 19 сентября. Денежные средства ассигновались непосредственно формирующим сотни атаманам отделов Кубанской области и в г. Сухум генералу Засыпкину. Предполагаемая стоимость комплекта конского снаряжения составляла около 100 рублей, а одного комплекта обмундирования всадника – 50 рублей, без стоимости сапог, белья и теплой одежды [7, л. 6–7].

На места сбора добровольцев в Кубанской области и в Сухумском округе подполковник князь Чавчавадзе направляет своих офицеров для участия в работе комиссий по принятию «добровольцев-охотников». Здесь предстояло произвести окончательный отбор всадников в сотни и выдвигаться в военный лагерь под Армавиром, где и должна проходить предварительная боевая подготовка перед отправкой в действующую армию.

6 сентября 1914 г. заместитель командира полка капитан Плотников отправляется в Екатеринодар для принятия всадников-добровольцев, а штабс-ротмистр Бьерквист и корнет Кочакидзе командуются в г. Сухум для комплектования 4-й сотни, позднее часто называемой «Абхазской». Сотник Максимович выехал в Баталпашинск, а сотник Франц – в Майкоп, с той же целью – приема всадников-добровольцев

соответственно Баталпашинской и Майкопской сотен [7, л. 54–67].

Командующий Черкесским конным полком 12 сентября сообщает в штаб Кавказского военного округа о сделанных им назначениях:

- в 1-ю сотню (Екатеринодарскую) командиром – штабс-ротмистр Лихачев;
- во 2-ю сотню (Майкопскую) командиром – штабс-ротмистр Келеч Султан-Гирей;
- в 3-ю сотню (Баталпашинскую) командиром – штабс-ротмистр Озеровский [7, л. 108].

При комплектовании сотен полка всадники экипировались в единообразную форму одежды, утвержденную главнокомандующим Кавказской армией генерал-адъютантом графом Воронцовым-Дашковым. Для всех полков Кавказской туземной конной дивизии устанавливалась следующая форма одежды: серые черкески, черные бешметы, папахи серые или коричневые, но не черные. Цвет погон для Черкесского конного полка утверждался красный, а на погонах Черкесского конного полка предлагалось делать литерную шифровку – «Чр» [7, л. 198].

В сентябрьские дни 1914 г. в Екатеринодаре прошел смотр всадников 1-й сотни Черкесского конного полка, который проводил лично атаман Екатеринодарского отдела полковник Камянский. В информационном сообщении об этом смотре, напечатанном в газете «Кавказ», например, говорится следующее: «Атаман отдела поздравил черкесов за бравый и боевой вид. Черкесы дружно отвечали: «Берекет берсин» (покорно благодарю). Все черкесы приведены муллой-кадием к присяге и отслужили молебен о даровании победы русскому воинству» [8]. На заместителя командира Черкесского конного полка капитана Плотникова смотр 1-й сотни в Екатеринодаре произвел благоприятное впечатление. В своем отчете он указывает на то, что «конский состав вообще ровный... вооружение у всех

теперь форменное кубанское, седла исправны, снаряжение тоже, сотня имеет четырех георгиевских кавалеров» [7, л. 90].

После окончания смотра сто сорок два всадника 1-й сотни, включая четырнадцать казаков из Ейского и Екатеринодарского отделов Кубанской области, начинают выдвигаться в военный лагерь на р. Уруп под Армавиром, в котором с 13 сентября 1914 г. уже были подготовлены места для размещения офицеров и всадников Черкесского конного полка. Среди всадников 1-й сотни Черкесского конного полка были участники русско-японской войны, которые имели боевые награды. Так, вахмистр Максим Сафонов за боевые отличия во время войны с Японией был награжден Георгиевскими крестами 3 и 4 степени, а юнкер Мусса Джарим, юнкер Битлюстан Тлехузоков и урядники Александр Богославский, Степан Швайковский, Евтых Блях, Тайгач Лавпаче, Сагид Деды, Анчек Берзеч имели Георгиевские кресты 4 степени. За проявленную в боях с японцами смелость были награждены светло-бронзовыми медалями на Анно-Георгиевской ленте следующие всадники: урядники Яков Самойлов, Зазира Кумук, Карбеч Хуаде, Карбеч Шагандуков, Сефербий Чермит, Хурай Мамий, а также приказные Ефим Прийма и Сергей Гушин [7, л. 258].

13 сентября 1914 г. в военный лагерь на р. Уруп прибывают и сто сорок восемь всадников 2-й сотни Черкесского конного полка (включая восемнадцать казаков), комплектовавшаяся в Майкопском отделе. Среди добровольцев 2-й сотни Черкесского конного полка также были всадники – участники русско-японской войны: Битлюстан Бжашев, Ислам Бегов, Цу Терчуков, Зачери Хапачев, Мос Акушев, Ахмет Этлешев, Фийцах Карданов, Шумаф Бешуков, Аубекир Зехохов, Мат Кандауров. За мужество, проявленное в боях с японцами, были награждены знаком отличия военного ордена Св. Георгия (Георгиевский крест) 4 степени – юнкер Зачери

Хапачев и урядники Битлюстан Бжашев, Ислам Бегов, Цу Терчуков [7, л. 226].

13 сентября 1914 г. – дата установленная командованием для выступления 3-й сотни Черкесского конного полка из ст. Баталпашинской и следования по утвержденному атаманом Баталпашинского отдела войсковым старшиной Безладным маршруту к военному лагерю под Армавиром [7, л. 52]. 17 сентября 3-я сотня полка, преодолев 113 верст, прибыла в военный лагерь на р. Уруп, имея в своем составе сто двадцать восемь кавказцев добровольцев-охотников и тринадцать казаков Баталпашинского отдела Кубанской области. За день до прибытия в военный лагерь, 16 сентября 1914 г. Всадники 3-й сотни Черкесского конного полка в присутствии уважаемых кадиев Баталпашинского отдела торжественно произносят клятву на верность службы Российскому императору [7, л. 172–172 об.].

В составе Баталпашинской сотни были ветераны русско-японской войны – прапорщик Мурзабек Лоов, юнкер Асланбек Шарданов и урядники Хаджи-Мурза Кочкаров, Хаджи-Мурза Абайханов, Хасан-бий Калабеков, Битлустан Эзгидаров, Закирей Хамуков, Тейрикул Турклиев, Салим Казанлиев, Канамат Дышеков, Ахмет Хуругов, Пака Мацев, Мауль-Тали Шукаев, Шугаиб Тамбиев, Аскерби Коджаев. За мужество, проявленное в боях с японцами, шестеро из них – прапорщик Мурзабек Лоов [2, с. 49], урядник Хаджи-Мурза Кочкаров, урядник Хаджи-Мурза Абайханов, урядник Хасан-бий Калабеков, урядник Битлустан Эзгидаров и урядник Закирей Хамуков – были награждены Георгиевскими крестами 4 степени [7, л. 257–257 об.].

14 сентября 1914 г. командир 4-й сотни Черкесского конного полка штабс-ротмистр Бьерквист докладывал из Сухума командующему полком подполковнику князю Чавчавадзе о том, что вверенная ему 4-я сотня набрана

и включает 128 всадников. Абхазская сотня должна была собраться в Сухуме 15 сентября. Предполагаемой датой выступления сотни в военный лагерь под Армавиром назначается 20 сентября. Однако в ходе комплектования 4-й сотни возникли неожиданные трудности с обеспечением всадников сотни некоторыми видами обмундирования. В частности, штабс-ротмистр Бьерквист выражал свое неудовольствие тем фактом, что в связи с отсутствием сукна всадники сотни были одеты в разноцветные черкески, а также вызывало беспокойство и то, что в преддверии наступления холодов отсутствовали теплые полушубки и явно недостаточным было количество теплого белья [7, л. 94–95].

В состав 4-й сотни Черкесского конного полка вошло сто двадцать шесть добровольцев-охотников из жителей Сухумского округа и Кубанской области. Для усиления младшего командного состава 4-й сотни Черкесского конного полка были назначены пятнадцать кадровых урядников из казаков Лабинского отдела Кубанской области.

21 сентября 1914 г. священник Сухумского кафедрального собора привел к присяге всадников 4-й сотни Черкесского конного полка [7, л. 174–175 об.]. А заместитель городского головы А. Мачавариани вместе с членами городской управы и гласными городской думы преподнес добровольцам Абхазской сотни икону Св. Георгия Победоносца с таким напутственным пожеланием: «дабы он помог вам одержать победу над общим нашим врагом» [7, л. 218]. Кроме того, жителями г. Сухума была учреждена специальная стипендия в городском реальном училище для сына или ближайшего родственника всадника Абхазской сотни, который первым особо отличится на полях сражений. Были также ассигнованы пятьсот рублей из городской казны на покупку теплого белья для выступающих в поход добровольцев.

22 сентября 1914 г. Абхазская сотня выступила по установленному маршруту из Сухума и, пройдя вдоль берега Черного моря в конном строю через Гагры, Адлер, Сочи, Вардане до г. Туапсе, была отправлена эшелоном по железной дороге до станции Армавир и 2 октября 4-я сотня прибывает в военный лагерь на р. Уруп.

А в это время сборный пункт Черкесского конного полка жил своей обычной жизнью учебного военного лагеря – жизнью, наполненной полевой военной учебкой. Всадники выходили на строевые и конные занятия, запоминали команды командиров и порядок их исполнения, отрабатывали различные строевые передвижения. На плечи офицеров и кадровых урядников ложилась вся тяжесть забот по подготовке всадников к войне и ответственность за уровень их боеготовности.

В сентябре 1914 г. командование Черкесского конного полка окончательно определилось с кандидатурой на должность полкового муллы. 16 сентября князь Чавчавадзе предлагает начальнику штаба Кавказской туземной конной дивизии назначить полковым муллой Набокова Мишеоста Джамботовича, жителя аула Адабий [7, л. 151]. Вскоре согласие на это назначение из штаба дивизии было получено, и уже 30 сентября 1914 г. мулла Мишеост Набоков прибывает в расположение полка под г. Армавир [7, л. 352]. Вот что писал о Мишеосте Набокове в своем романе Н.Н. Брешко-Брешковский: «В каждом полку свой мулла священник... В Черкесском полку мулла ученый, побывавший в Мекке. Его папаху обернута белым. Каждый мулла на позициях со своим полком и как у всех у него винтовка, кинжал и шашка» [9, с. 22].

При формировании в Кубанской области иррегулярных кавалерийских частей из представителей народов Северо-Западного Кавказа существовала традиция включения в состав подразделений знахарей (лекарей) из числа наиболее известных в регионе

народных целителей. Неудивительно, что князь Чавчавадзе ходатайствует перед штабом Кавказского военного округа о включении в состав полка жителя аула Хатажукай Аслана Тлюстангелова в качестве замечательного народного целителя [7, л. 238]. И судя по тому, что Аслан Тлюстангелов так и не был включен в состав полка, взяли верх препятствия бюрократического характера, такие как, например: на основании какого документа он будет иметь право лечить людей или из каких сумм ему будет платиться жалование. В любом случае, на увязывание всех этих вопросов у командира полка времени не оставалось, хотя, возможно, наличие в Черкесском конном полку народного лекаря помогло бы всадникам без таких значительных потерь перенести тяжелые условия боев в Галиции. Между тем, старшим врачом в Черкесский конный полк был назначен прекрасный специалист Владимир Дмитриевич Зипалов. В ходе медицинского осмотра, проведенного в начале октября 1914 г., старший врач полка В.Д. Зипалов признал негодными к службе как больных и слабых: штаб-трубача 1-й сотни Илью Соловьева; всадников 1-й сотни Довлетчерия Кушу, Пшемафа Бадже, Сефербия Беретаря и всадника 2-й сотни Хаджиберама Ситова [7, л. 337; 370].

На место выбывших из 1-й сотни всадников сразу же находятся другие добровольцы. Уже 3 октября командир 1-й сотни штабс-ротмистр Лихачев ходатайствует о принятии в состав сотни урядника Джамбулета Гатлокова вместо выбывшего по состоянию здоровья Довлетчерия Кушу [7, л. 295], а позднее он просит о включении в сотню Махмуда Беданоква вместо выбывшего Сефербия Беретаря [7, л. 370 об.].

28 сентября 1914 г. в Управлении Лабинского отдела в присутствии комиссии было передано боевое оружие, предназначенное для вооружения всадников Черкесского конного полка [7, л. 228; 232]. Знаменательно, что в этот же день в Черкесском конном полку становится

известно о Высочайше высказанном пожелании, переданном из канцелярии наместника в телеграмме к князю Чавчавадзе: «Канцелярия по поручению наместника Его Императорского Величества на Кавказе просит зависящего распоряжения Вашего Сиятельства к объявлению нижним чинам вверенного Вам полка, что по поводу выраженных ими верноподданнических чувств Его Императорское Величество Государь Император повелеть соизволил выразить Высочайшую Его Императорского Величества Благодарность» [7, л. 300].

Конечно же, Высочайше высказанная Благодарность Государя произвела незабываемое впечатление на всадников Черкесского конного полка. Накануне выступления полка в действующую армию значение этого повеления существенно возрастает и может быть приравнено к Высочайшему напутственному Благословению, выражавшему уверенность Императора в том, что всадники Черкесского конного полка будут являть для всех пример храброй дерзости и доблести во всех боевых испытаниях.

Уже 6 октября 1914 г. Черкесский конный полк грузится в железнодорожные эшелоны для следования к театру военных действий в г. Проскуров (ныне г. Хмельницкий – Р.К.) Каменец-Подольской губернии [7, л. 282]. О боевом приподнятом настроении личного состава полка перед отправкой на фронт свидетельствует телеграмма командира Черкесского конного полка князя Чавчавадзе, отправленная в Тифлис на имя главнокомандующего Кавказской армией: «Всадники вверенного мне полка как первых трех сотен, состоящих из черкесов, и четвертой Абхазской, покидая родной Кавказ, перед отправлением в действующую армию обратились ко мне с просьбой принести Вашему Сиятельству их глубокую благодарность за предоставленную возможность принять участие в отражении врагов Царя и Великой России, просят

верить, что на деле оправдают высокое доверие своего наместника. Пользуясь случаем доложить, что примерное поведение всех чинов полка и тот высокий подъем настроения, с которым всадники воспринимают обучение к бою, являет собою залог будущего успеха» [7, л. 281].

Объявление войны Германии вызвало в России колоссальный подъем чувства национального самосознания. Подъем патриотических верноподданнических чувств охватил и народы Северо-Западного Кавказа, которые по российскому законодательству не подлежали призыву на военную службу. Участие народов Северо-Западного Кавказа в сражениях Великой войны наравне с другими народами Российской империи позволяло изменить предвзятое отношение к ним со стороны российских чиновников как к неблагонадежным народам.

В ходе комплектования сотен Черкесского конного полка, начальником Кубанской области, атаманами отделов, старшинами аулов, мусульманским духовенством и почетными старейшинами успешно используется весь положительный опыт комплектования иррегулярных горских конных частей, накопленный во время предшествующих войн Российской империи.

Важное место при зарождении полковых традиций отводилось графом Воронцовым-Дашковым роли старших командиров в воспитании воинской семьи и поддержании авторитета звания «командира». Командующий Черкесским конным полком подполковник князь Чавчавадзе с начала формирования сплачивает полк общей верой в своих офицеров, дисциплиной, взаимным уважением и твердой верой в успех.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Kournakoff S. *Savage Squadrons*. Boston; New York: Hale, Cushman & Flint, 1935. 360 p.
2. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. 2-е изд. дополн. Нальчик: Печатный двор, 2012. 512 с.
3. Вершигора А.Д. Черкесский полк в Первую Мировую войну // Литературная Адыгея. 1998. № 1. С. 74–101.
4. Габелия Е.К. Абхазские всадники. Сухуми: АЛАШАРА, 1990.
5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 10763.
6. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 3641. Оп. 1. Д. 27.
7. РГВИА. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 4.
8. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. Рига: МИР, [1923]. 191 с.

REFERENCES:

1. Kournakoff S. *Savage Squadrons*. Boston; New York: Hale, Cushman & Flint, 1935. 360 p.
2. Opryshko O.L. *The Caucasian Horse Division*. 1914–1917. 2nd ed., add. Nalchik: Printing House, 2012. 512 p.
3. Vershigora A.D. *The Circassian regiment in the First World War* // *Literary Adygea*. 1998. No. 1. P. 74–101.
4. Gabelia E.K. *The Abkhaz horsemen*. Sukhumi: ALASHARA, 1990.
5. *The State Archive of the Krasnodar Territory* (hereinafter – SAKT). F. 396. Op. 1. D. 10763.
6. *The Russian State Military Historical Archive* (hereinafter – RSMHA). F. 3641. Op. 1. D. 27.
7. RSMHA. F. 3644. Op. 1. D. 4.
8. Breshko-Breshkovsky N.N. *The Wild division*. Riga: MIP, [1923]. 191 p.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-42-53>

УДК [947.084.8:001](470.67)

Мирзабеков М.Я.

НАУКА В ДАГЕСТАНЕ. 1960-Е ГГ. XX В.: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ

Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич,

*доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии, Дагестанский федераль-
ный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала,
Россия*

e-mail: yash831@mail.ru

Аннотация

В статье с привлечением разнохарактерного фактического материала показано развитие академической и вузовской науки в регионе в 60-е гг. XX в. Прослежены позитивные изменения в спектре научных направлений исследований в институтах и отделах Дагестанского филиала АН СССР, вузов республики. Отмечены благоприятные результаты в улучшении кадрового потенциала в них, готовящегося через аспирантуру Дагестанского филиала АН СССР и вузы республики, направления представителей дагестанской молодежи в аспирантуру центральных академических институтов, вузов Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Баку и других городов страны. В заключение работы автор приходит к обоснованному выводу о том, что исследуемое десятилетие характеризовалось дальнейшим расширением сети научных учреждений, увеличением численности научных сотрудников в академических и отраслевых научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях республики и усилением в них разработки актуальных научных проблем естественно-научного и гуманитарного профилей. Основной контингент научных сотрудников и преподавателей вузов республики в новых условиях составляли представители дагестанских народностей. При этом, в них, несмотря на рост количества ученых-женщин, в том числе дагестанок, продолжали преобладать мужчины.

Ключевые слова: Дагестан, федеральный центр, наука, научный сотрудник, научно-исследовательский институт, вуз, история, культура

Для цитирования: Мирзабеков М.Я. Наука в Дагестане. 1960-е гг. XX в.: история, проблемы // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 42-53. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-42-53>.

Mirzabekov M.Ya.

SCIENCE IN DAGESTAN. THE 1960S: HISTORY, PROBLEMS

Mirzabekov Mirzabek Yahyaevich,

Doctor of History, a professor, a chief researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

e-mail: yash831@mail.ru

Abstract

The article shows the development of academic and university science in the region in the 60s of the twentieth century with the involvement of diverse factual materials. Positive changes in the spectrum of scientific research directions in the institutes and departments of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences, universities of the republic have been traced. Favorable results have been noted in improving the human resources potential in the postgraduate course of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences and universities of the republic. The author has come to a reasonable conclusion that the studied decade was characterized by a further expansion of the network of scientific institutions, an increase in the number of researchers in academic and branch research institutes, higher educational institutions of the republic and an increase in the development of topical scientific problems of natural science and humanities profiles in them. Representatives of Dagestan nationalities made up the main contingent of researchers and teachers of universities of the republic in the new conditions. At the same time, despite the increase in the number of female scientists, including Dagestanis, men continued to prevail in them.

Keywords: Dagestan, federal center, science, a researcher, research institute, university, history, culture

For citation: *Mirzabekov M.Ya. Science in Dagestan. The 1960s: history, problems // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 42-53. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-42-53>.*

В современный период развития науки усиливается интерес к опыту ее развития в предшествующие десятилетия, в том числе гендерному ее аспекту. Развитие науки в Дагестане в послеоктябрьский период затрагивалось в монографиях Г.Ш. Каймаразова [8; 9], А.А. Абилова [1; 2], А.И. Османова [15; 16], в статье М.Я. Мирзабекова [12] и др.

При подготовке данной статьи автор опирался на принципы научной объективности и историзма, использованы сравнительно-исторический, описательный, системный методы исследования, которые позволили воссоздать научную картину рассматриваемой нами темы.

Поступательное развитие специального образования и увеличение масштабов подготовки кадров высшей квалификации открывало благоприятные возможности для дальнейшего развития научных исследований и

активизации работы по внедрению их результатов в отрасли материального производства и дальнейшего повышения образовательного и культурного уровня населения республики.

Как известно, научно-исследовательская база АН СССР, созданная в Дагестане в 1945 г., в 1949 г. была преобразована в академический научно-исследовательский комплекс более высокого класса – филиал Академии наук.

Х.И. Амирханов – член-корреспондент АН СССР, академик АН Азербайджанской ССР с 1950 г. более 33 лет являлся председателем президиума Дагестанского филиала АН СССР, директором Института физики Дагестанского филиала АН СССР и заведующим кафедрой ФГТ ДГУ. Он сыграл выдающуюся роль в формировании нетрадиционных для Дагестана научных направлений и организации на их основе научно-исследовательских

учреждений: Института физики, Института геологии и Института проблем геотермии, Отдела энергетики. Неоценим его вклад в становление Отдела биологии, НИИ сельского хозяйства и др., в развитие и укрепление материально-технической базы Дагестанского филиала АН СССР как крупного академического научного центра. Огромны заслуги Х.И. Амирханова в подготовке кадров высшей квалификации и особенно в области физики. Осуществляя руководство аспирантами, Х.И. Амирханов создал собственную научную школу, со своими учениками и единомышленниками. Он является автором более 400 печатных работ, в том числе 13 монографий. Многие его труды переведены на иностранные языки [10, с. 10–11].

С самого начала Дагестанский филиал АН СССР формировался как комплексное академическое учреждение, выполняющее фундаментальные исследования в естественно-научных и гуманитарных направлениях и представляющее единую научную инфраструктуру.

К началу 1960-х годов при Дагестанском филиале АН СССР были созданы и организационно оформлены Институт геологии, Институт физики, Отдел экономики. Весьма негативно сказалось на развитии академической науки в регионах в 1960-е годы решение Правительства СССР об изъятии из структуры АН СССР и передаче в соответствующие отраслевые министерства и ведомства ряда научных подразделений. Так, из состава Дагестанского филиала АН СССР были выведены отделы биологии, почвоведения, ботаники, энергетики, ихтиологии и др.

В последующем некоторые из них вновь вошли в состав филиала, и уже к началу 1970-х годов Дагестанский филиал АН СССР представлял собой единственный на Северном Кавказе научный центр академической науки, который объединял несколько научных учреждений [5, с. 12].

В структурных подразделениях Дагестанского филиала АН СССР шло формирование новых отделов и лабораторий, которые активно подключались к разработке актуальных научных проблем теоретического и прикладного характера. Так, Институт геологии имел в своем составе отделы геологии нефти и региональной геологии, лаборатории гидрогеологических и геометрических исследований, геофизики, геохимии и абсолютного возраста геологических формаций. В Институт физики входили лаборатории полупроводников, физической термодинамики, физики твердого тела, геотермии, криогенная лаборатория и опытные мастерские [8, с. 320].

В 1960-е годы новые научные подразделения были созданы и в Институте истории, языка и литературы. На базе сектора истории были созданы два самостоятельных подразделения – секторы истории советского и досоветского периодов. В 1962 г. начал функционировать отдел восточных рукописей, позднее (1968 г.) переименованный в сектор востоковедения. В 1965 г. в институте был сформирован отдел энциклопедии «Дагестан», в 1966 г. – сектор социологии. В 1969 г. сектор дагестанских языков был разделен на сектор литературных и сектор бесписьменных языков [7, с. 10].

Параллельно с Дагестанским филиалом АН СССР в республике расширялась сеть отраслевых научно-исследовательских институтов. В 1959 г. в республике был организован Научно-исследовательский институт пищевой промышленности Дагестанского совнархоза на базе центральных лабораторий Управления винодельческой промышленности, Управления консервной промышленности, Управления мясной и молочной промышленности, экспериментальной мастерской Управления рыбной промышленности, конструкторского бюро по механизации пищевой промышленности Совнархоза, отдела технологии

виноделия Дербентской опытной станции и лаборатории биохимии и переработки сельскохозяйственных продуктов Дагестанского научно-исследовательского института сельского хозяйства Министерства сельского хозяйства РСФСР [11, с. 119].

В 1963 г. в республике был организован Дагестанский научно-исследовательский ветеринарный институт на базе Дагестанской научно-исследовательской ветеринарной станции, республиканской ветеринарной бактериологической лаборатории, Махачкалинской городской ветеринарной поликлиники и других зооветеринарных учреждений со структурой и штатом в 90 единиц. В этом же году на базе Дагестанской ихтиологической лаборатории и отдела рыбной промышленности образован КаспНИРО [11, с. 124–125].

Важное значение в дальнейшем развёртывании научных исследований в республике имело удовлетворение запросов и потребностей научно-исследовательских учреждений в подготовленных научных кадрах.

После принятия постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» (июнь 1961 г.) и «О мерах по дальнейшему улучшению подбора и подготовки научных кадров» (май 1968 г.) в Дагестанском филиале АН СССР подготовке научных кадров по специальностям естественно-научного, физико-математического, технического и экономического профилей стало уделяться больше внимания. Уже в 1963 г. из 61 аспиранта Дагестанского филиала АН СССР 32 человека проходили научную подготовку в области физико-математических и экономических наук. В 1965 г. число аспирантов по физике, геологии, энергетике и сельскому хозяйству в научно-исследовательских учреждениях Дагестана составляло уже 89 человек. Улучшился отбор в аспирантуру,

планирование и качество подготовки научных кадров. Это позволило расширить фронт исследований, проводимых научными учреждениями и повысить их эффективность [8, с. 432].

Одновременно в эти годы существенно возросло число аспирантов гуманитарного профиля. Так, в декабре 1966 г. в Дагестанском филиале АН СССР проходили аспирантскую подготовку 73 человека, из которых 32 по гуманитарным наукам [14, с. 115].

Внимание к подготовке высококвалифицированных кадров позволило существенно увеличить количество научных сотрудников, повысить их квалификационный уровень в структурных подразделениях Дагестанского филиала АН СССР. В них общее число сотрудников к началу 1969 г. достигло 509 человек, из них 227 научных сотрудников. 90 человек имели ученые степени (13 докторов и 77 кандидатов наук). Более 60% научных сотрудников являлись представителями коренных народностей Дагестана [11, с. 130]. Всего в начале 1971 г. в 17 научных учреждениях республики (включая высшие учебные заведения) работало 2049 научных, научно-педагогических работников и специалистов, занятых научной работой (основных, без совместителей), из которых 68 имели ученую степень доктора наук и 796 кандидата наук [13, с. 215]. Среди них значительную часть составляли представители коренных народностей республики, том числе и дагестанки.

В рассматриваемый период в научных учреждениях Дагестана была возвращена активная работа по разработке актуальных научных проблем, имеющих большой теоретический и практический интерес. Так, научно-исследовательская работа в Институте физики в основном проводилась в следующих трех направлениях: абсолютный возраст минералов и горных пород, теплофизика и физика полупроводников.

Абсолютный возраст минералов и горных пород – одно из традиционных научных направлений Института физики. Сотрудники института Амирханов, Гурвич, Сардаров, Шанин, Брандт и другие впервые создали масс-спектрометрический аргоновый метод определения абсолютного возраста минералов и аппаратуру к нему. К началу этих работ в Дагестанском филиале в Советском Союзе всего в одной-двух лабораториях успешно проводились измерения единичных образцов весьма древнего возраста – докембрийского. Все эти измерения осуществлялись несовершенным и непроизводительным методом – объемным.

Первые же результаты показали, что метод Дагестанского филиала АН СССР оказался чувствительнее в 10–100 раз и при этом был намного производительнее. Так, экспресс-методом обычные измерения продолжались 2–3 часа, а в наиболее благоприятных случаях время измерения снижалось до 40 минут, вместо нескольких суток при объемном методе.

Эти достижения дали возможность впервые в мировой практике еще в 1956–1960 гг. провести массовые измерения возраста пород многих районов земного шара: Советского Союза, Китая, Индии, Пакистана, Румынии и др. При этом образцы измерялись не единицами, а сотнями и тысячами. К 1959 г. лабораторией Дагестанского филиала было измерено больше образцов, чем лабораториями всего мира.

Одновременно с определительной работой, обслуживающей нужды геологии, в Дагестанском филиале интенсивно велась большая исследовательская работа. Результатом ее был выход в свет большой серии научных статей, а также монография Х.И. Амирханова и С.Б. Брандта «Определение абсолютного возраста пород по радиоактивному превращению калия-40 в аргон-40». Этот труд явился первой монографией не только по

аргоновому методу, но и вообще по методическим вопросам геохронометрии [6, с. 6, 8].

В 1968 г. Х.И. Амирханов добился разрешения президиума АН СССР открыть в Институте физики отдела геофизики. Этот отдел создавался на базе лаборатории абсолютного возраста (зав. лабораторией А.С. Батырмурзаев), помимо этой лаборатории в него входили лаборатория геологии (зав. лабораторией он же, зав. отделом А.М. Магомедов) и лаборатория сейсмологии (зав. лабораторией Р.А. Левкович). Были развернуты летние геологические экспедиции, в Ахтах, Дербенте, Буйнакске и Дылыме открыты новые сейсмические станции. Сотрудники отдела геофизики после землетрясения в мае 1970 г. проводили научные исследования в сейсмически активных районах Дагестана. В 1970–1972 гг. 5 сотрудников отдела геофизики (А.С. Батырмурзаев, Л.К. Анохина, Ш.А. Магомедов, М.И. Кучер, Р.А. Левкович) защитили кандидатские диссертации [3, с. 141].

Впервые в нашей стране сотрудниками Института физики были начаты исследования кинетических явлений в полупроводниках в сверхсильных магнитных полях при гелиевых температурах.

В книге лауреата Нобелевской премии Ф. Герлаха «Сильные и сверхсильные магнитные поля и их применение» отмечается, что работа «Экспериментальное исследование влияния спинового расщепления уровней Ландау на явления переноса в полупроводниках», выполненные под руководством Х.И. Амирханова физиками Дагестанского филиала АН СССР, является выдающимся достижением своего времени». Основное ядро исследователей этой группы составили: Р.И. Баширов, М.М. Гаджиалиев, З.А. Исмаилов, М.Б. Султанов, Ю.З. Закиев, А.Ю. Моллаев [5, с. 65].

Другое научное направление, разрабатываемое институтом – теплофизические исследования рабочих агентов

теплосиловых установок, в частности воды и водяного пара, которое возникло на базе разработанных и созданных приборов системы проф. Х.И. Амирханова адиабатного калориметра на принципе интегральной полупроводниковой термопары с малым водяным эквивалентом и прибора для определения теплопроводности воды, водяного пара и жидкостей при высоких давлениях и температурах.

Непосредственным измерением теплоемкости в изохорическом режиме были исследованы: критическая и надкритическая области для воды углекислоты и ряда органических жидкостей. Такие исследования проливали свет на природу критических явлений, а также позволяли получить новые расчетные параметры веществ, которые могли быть использованы при форсированных режимах в современной энергетике.

Наиболее интересными являлись результаты института по исследованию критического состояния воды, приведшие к определению тепловых свойств воды и водяного пара.

По поручению советского Координационного комитета по свойствам водяного пара Институт физики принялся за составление Международных скелетных таблиц физических свойств водяного пара высоких параметров. Необходимость такой работы диктовалась назревшей потребностью в расчетных термодинамических таблицах, в связи с переходом современной теплотехники на теплотехнические агрегаты (турбины, котлы и т.д.) сверхвысоких давлений и температур (до 1000 бар и 100°C). Без таких таблиц невозможен инженерно-технический расчет этих устройств.

На 6-й Международной конференции в Нью-Йорке (октябрь 1963 г.) и на специальном Международном совещании было представлено 92 цифры исследования Дагестанского института физики по теплопроводности воды и водяного пара в самой труднодоступной критической

области. Это число составляло одну треть часть цифр современных интернациональных таблиц по теплопроводности.

Успехам в развитии теплофизических исследований Институт физики был обязан работам сотрудников лаборатории физической термодинамики (А. Керимов, Б. Алибеков, Д. Вихров, Г. Степанов, Б. Мурсалов, А. Адамов, Л. Левина, Г. Гасанов, Х. Гаирбеков, А. Газалиев и др.), которые кроме воды исследовали целый ряд других жидкостей [6, с. 10–12].

Ученые Института геологии впервые обосновали промышленную нефтегазоносность мезозойских (в том числе и триасовых) отложений восточной части Предкавказья (К.С. Магатаев, С.Э. Мусаев, Д.А. Мирзоев и др.), что привело к открытию на севере республики нового Сухокумского нефтегазодобывающего района.

Геотермические исследования проводились в тесном сотрудничестве с руководителями научного совета по геотермическим исследованиям АН СССР в лице доктора геолого-минералогических наук Ф.А. Макаренко и члена-корреспондента АН СССР Н.И. Хитарова и др. В Дагестане не только проводились научные исследования по изучению и освоению геотермальных ресурсов, но и осуществлялось их практическое использование для теплоснабжения объектов коммунального хозяйства и агропромышленного комплекса городов Махачкалы, Избербаша, Кизляра и др. Эти исследования успешно выполнялись с середины 50-х годов М.М. Мудуновым, который впоследствии защитил кандидатскую диссертацию по геотермии. В лаборатории гидрогеологии широким фронтом проводились экспедиционные исследования подземных вод, в результате которых были открыты свыше 150 новых источников минеральных вод и ряд месторождений (В.В. Гецеу, М.К. Курбанов, К.А. Кудрявцев, Д.Г. Осика, С.А. Каспаров).

Особенно заметные успехи в гидро-геологии были достигнуты в изучении и освоении геотермальных и гидроминеральных подземных вод и разработке технологии их комплексного освоения. Эти исследования и широкий фронт научно-экспериментальных исследований и производственных работ, которые выполнялись многочисленными организациями заинтересованных министерств – геологии, газовой, нефтяной, среднего машиностроения, высшего образования СССР – начиная с 1960-х годов координировались и управлялись Координационным советом при Правительстве Дагестана, возглавляемым председателем Госплана ДАССР крупным ученым, организатором производства А.Г. Гаджиевым, который внес огромный вклад в дело охраны шельфа Каспия от загрязнения нефтяниками и освоения глубинного тепла Земли на территории Дагестана и Восточного Предкавказья [5, с. 123–125].

Основным направлением научно-исследовательской деятельности Отдела экономики, которую возглавляла кандидат экономических наук Н.В. Даниялова, являлся «Хозяйственный расчет и материальное стимулирование производства» и которое разрабатывалось на материалах отраслей пищевой и нефтяной промышленности, машиностроения. Объектом исследования являлись указанные отрасли народного хозяйства Дагестана, а также некоторые отрасли народного хозяйства Северного Кавказа [6, с. 41–42].

Важнейшим центром развития гуманитарных исследований в Дагестане в 60-е годы оставался Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

В начале 1970-х годов в Институте ИЯЛ насчитывалось 166 научных и научно-технических сотрудников, в том числе 10 докторов наук, 56 кандидатов наук. Основной контингент научных сотрудников Института составляли представители коренных дагестанских народностей.

Среди которых было немало и дагестанок [7, с. 305]. В Институте ИЯЛ работали доктора и кандидаты исторических и филологических наук – дагестанки: С.Ш. Гаджиева, У.А. Мейланова, А.И. Гасанова, С.С. Агаширинова, А.Г. Пашаева, Р.Ш. Халидова, Ф.А. Ганиева, С.М. Гасанова, Ф.О. Абакарова, Г.Б. Мусаханова, Ф.И. Вагабова и др.

Большой вклад в развитие исторической науки в республике внесла доктор исторических наук, профессор С.Ш. Гаджиева. Она является основоположницей современной дагестанской этнографии.

Значительная часть исследований С.Ш. Гаджиевой имеет общедагестанскую направленность: «Семья и семейный быт народов Дагестана», «Аталычество и побратимство в Дагестане», «Одежда народов Дагестана XIX – начала XX вв.», «Семья и брак у народов Дагестана XIX – начала XX вв.», «Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане» и др. В них показан высокий уровень традиционной культуры народов Дагестана, отмечена общность многих элементов семейно-бытовой жизни народов Кавказа, Закавказья и Передней Азии.

Целый ряд фундаментальных работ Сакинат Шихамедовны посвящен тюркоязычным народам Дагестана: «Материальная культура кумыков XIX–XX вв.», «Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX – начала XX вв.», «Дагестанские терекеменцы XIX – начала XX вв.», «Дагестанские азербайджанцы XIX – начала XX вв.».

В целом, С.Ш. Гаджиевой было опубликовано 120 научных трудов, в том числе 22 монографии. Труды Сакинат Шихамедовны внесли существенный вклад в кавказоведение и этнографию [17, с. 95].

Важнейшей проблемой, на изучение которой были направлены усилия историков советского периода, являлась история социалистической революции и

Гражданской войны в Дагестане, борьба за установление и упрочение советской власти, а также история национально-государственного и культурного строительства в республике.

Из истории досоветского периода наиболее сложной являлась проблема феодальных отношений в Дагестане, ибо их развитие здесь еще в VI–VII вв. опровергло мнение о существовании родового строя в крае даже в XVIII–XIX вв. В исследовании феодальных отношений переплетались две проблемы – генезис и развитие феодализма. Однако феодализм изучался в связи с его экономической и социально-политической историей. В связи с этим исследовалась история союзов сельских обществ, национально-освободительные движения, вскрывались их социальные корни и сущность.

Учитывая, что народы Дагестана составляли часть народов Кавказа и России и что история народов может изучаться только в тесной связи между ними, историками были проведены исследования, посвященные взаимоотношениям народов Дагестана и Кавказа, прогрессивной роли русского народа в исторических судьбах Кавказа.

Другой важной проблемой досоветской истории Дагестана являлось изучение проблемы классовой борьбы.

Археологи Института изучали проблемы раннего железа и средневековья. Большое место в работе археологов занимало установление локальных вариантов средневековой археологической культуры Дагестана, связанной со средневековыми государственными образованиями на территории Кавказа и Закавказья.

В области искусствоведения разрабатывались важные проблемы современного изобразительного, монументально-декоративного, театрально-драматического, музыкального искусства, а также истории и теории национального искусства народов Дагестана.

В области востоковедения основной проблемой, стоящей перед Институтом, являлось изучение арабской литературной традиции в Дагестане. Арабские рукописи, представленные в виде трудов по истории, литературе, формальной логике, грамматике, мусульманскому праву, философии, риторике, богословию, поэтике, математике, педагогике, переводились и научно описывались. Описывались также рукописи с целью использования при изучении истории, литературы, а также создания антологии поэзии на арабском языке [17, с. 306–307].

Одной из серьезных проблем дагестанского языкознания являлось сравнительно-историческое исследование дагестанских языков. Исследовалась тема в области сравнительно-исторической лексики, представляющей исходную базу проблемы.

Вслед за изданием капитальных работ по диалектам литературных языков (аварского, лезгинского, даргинского, лакского, табасаранского) продолжалось дальнейшее изучение диалектов как литературных, так и многочисленных бесписьменных языков на территории Дагестана и за его пределами.

В литературоведении и фольклористике дореволюционной литературы исследовались вопросы раннего развития художественного творчества, становления письменной литературы, установления широких связей дагестанской литературы с культурами Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии и Закавказья [7, с. 307–308].

Заметных успехов достиг Институт в издательской деятельности. Только за период 1966–1971 гг. им было издано более 100 трудов, общим объемом свыше 1200 п. л. [7, с. 308].

Основным трудом исследователей-историков Института в 60-е годы явилась подготовка и издание обобщающего коллективного труда – истории Дагестана в 4-х томах, изданных в издательстве

«Наука» в Москве в 1967–1969 гг. В ней, опираясь на археологический, этнографический, фольклорный материал, разнохарактерные архивные источники, свидетельства непосредственных участников исторических событий, прослежены закономерности и особенности поступательного развития дагестанских народов с древних времен до середины 60-х годов XX в.

Обобщающим трудом литературоведов Института ИЯЛ явилась двухтомная «История дагестанской советской литературы». В ней освещаются закономерности развития литературы и основные особенности историко-литературного процесса у дагестанских народов в послеоктябрьский период [9, с. 334].

В 60-е годы существенно возросла научно-исследовательская работа и в вузах республики. Так, в 1969/70 учебном году научные сотрудники Дагестанского государственного университета закончили исследования по 115 темам, из которых 16 были внедрены в народное хозяйство и могли быть внедрены еще 55. За это время сотрудники университета издали 15 учебников и учебных пособий, 9 монографических исследований, 13 сборников, более 190 научных статей общим объемом 414 печатных листов [2, с. 148].

Ученые университета вели широкие исследования, имеющие непосредственное практическое значение для развития экономики и культуры республики, а также по методологическим, теоретическим проблемам науки. В университете сложились свои научные направления. Биологи университета – П.А. Львов, А.А. Аливердиев, Д.П. Рухлядов, Э.З. Эмирбеков, М.А. Юсуфов, З.А. Шахмарданов, Н.И. Плеханов, Э.Ш. Исмаилов вели исследования по теоретическим проблемам современной биологии и высшей нервной деятельности. Ведущие ученые математики, в частности группа доцента Х.Ш. Мухтарова, сосредоточили свои

научные поиски на исследованиях интегральных уравнений. Интересные научные исследования по пробою газов велись на кафедрах физики (А.З. Эфендиев, Б.П. Пашаев). Кафедры химии и общей физики (М.С. Бекаев и А.А. Бабаев) изучали минеральные источники и определяли их радиоактивность и значение для разветвления курортного дела в регионе. На исторических кафедрах (Р.М. Магомедов, Б.О. Кашкаев, Ш.М. Магомедов, Н.П. Эмиров, М.А. Аликберли) велись исследования, связанные с историей Дагестана, историей борьбы трудящихся за установление советской власти в Стране гор. Философы университета (А.Г. Агаев, М.В. Вагабов, С.М. Гаджиев) были заняты проблемами истории философии и теории научного атеизма, методологическими проблемами национальных отношений. Большую работу по изучению истории русского литературного языка, дагестанского языкознания, методики преподавания русского языка в дагестанской школе, по проблемам русской и дагестанской литературы проводили ученые-филологи (языковеды Б.И. Скупский, Н.Я. Судакова, Р.И. Гайдаров, Г.И. Мадиева, Ю.Д. Джанмавов, О.Я. Прик, литературоведы Ф.С. Фарбер, А.Ф. Назаревич) [2, с. 120–121].

К началу 70-х годов Дагестанским сельскохозяйственным институтом было выпущено 22 тома трудов. Кроме того, написано более 10 методических пособий, изданы книги и брошюры. Ученые института получили 6 авторских свидетельств за изобретения [4, с. 50].

Высококвалифицированный научно-педагогический коллектив Дагестанского медицинского института разрабатывал актуальные теоретические вопросы и продолжал плодотворно работать над практическим применением достижений медицинской науки, осуществлял мероприятия по профилактике и лечению болезней, в частности тех, которые были распространены в Дагестане и

Северокавказском регионе. В 60-е годы новые успехи были достигнуты в области хирургии и травматологии. Их достижения были в огромной степени связаны с научной и практической деятельностью члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР, профессоров Р.П. Аскерханова, М. Нагорного, Д. Далгата, С. Атаева, доцентов (впоследствии профессоров) Н. Цахаева, М. Магомедова, Г.-М. Гаджимирзоева и др. [9, с. 338].

В Дагестанском педагогическом институте активно разрабатывались научно-педагогические проблемы воспитания подрастающего поколения.

Завершая рассмотрение вопросов развития научных учреждений и исследовательской работы в них и вузах республики, следует отметить, что 1960-е годы характеризовались дальнейшим

расширением сети научных учреждений и увеличением численности научных сотрудников в академических и отраслевых научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях региона и дальнейшим развертыванием в них исследовательской работы. Основной контингент научных сотрудников в новых условиях составляли представители дагестанских народностей, подготовленных через аспирантуру Дагестанского филиала АН СССР, региональные вузы, направления их в центральные академические институты и вузы Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Баку и других городов страны. При этом в них, несмотря на рост количества ученых-женщин, в том числе дагестанок, продолжали преобладать мужчины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абилов А.А. Очерки советской истории культуры народов Дагестана. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1959. 267 с.
2. Абилов А.А. Дагестанский университет. Исторический очерк. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1973. 318 с.
3. Батырмурзаев А.С.-Ш. Как это было // Академик Х.И. Амирханов: к 100-летию со дня рождения: сборник статей-воспоминаний. Махачкала: Институт физики ДНЦ РАН, 2007. С. 140–143.
4. Джамбулатов М.М. Дом кадров – вузгородок – сельхозинститут. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1973. 147 с.
5. Дагестанский научный центр Российской академии наук. 60 лет. Махачкала: ДНЦ РАН, 2009. 370 с.
6. Дагестанский филиал АН СССР. Итоги и перспективы: справочный материал. Махачкала: Тип. Дагестанского филиала АН СССР, 1968. 50 с.
7. Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 1924–2014 гг. К 90-летию со дня основания. Документы и материалы / сост. Каймаразов Л.Г., Лысенко Ю.М., Чекулаев Н.Д. Махачкала: Наука Дагестана, 2014. 410 с.
8. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971. 475 с.
9. Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2007. 464 с.
10. Камилов И.К. Х.И. Амирханов – выдающийся ученый и организатор академической науки в Дагестане // Академик Х.И. Амирханов: к 100-летию со дня рождения: сборник статей-воспоминаний. Махачкала: Институт физики ДНЦ РАН, 2007. С. 10–11.
11. Культурное строительство Дагестанской АССР 1941–1977 гг. Сборник документов. Т. 2. / сост. Лагутина М.И., Лаврова Г.И., Талибова Э.В., Юсупова С.И. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1988. 461 с.

12. Мирзабеков М.Я. Создание и развертывание деятельности научных учреждений по изучению Дагестана в 20-е годы XX века // Известия Саратовского университета. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 395–402.

13. Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: юбилейный статистический сборник. Махачкала: Дагестан. кн. из-во, 1972. С. 222.

14. Наука и высшая школа в Дагестане. Документы и материалы. Т. 2. 1941–2001. Ч. 1. 1941–1965 гг. / сост. Какагасанов Г.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2008. 218 с.

15. Османов А.И. Дагестан в XX веке. Исторический опыт регионального развития. Кн. 1. Махачкала: Юпитер, 2006. 600 с.

16. Османов А.И. Дагестан в XX веке. Исторический опыт регионального развития. Кн. 2. Махачкала: ДИНЭМ, 2007. 622 с.

17. Ученые Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала: Народы Дагестана Миннацинформвнешсвязи РД, 2004. 300 с.

REFERENCES:

1. Abilov A.A. Essays on the Soviet history of the culture of the peoples of Dagestan. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1959. 267 p.

2. Abilov A.A. Dagestan University. Historical essay. Makhachkala: Dagestan book. publishing house, 1973. 318 p.

3. Batyrmurzaev A.S-Sh. As was the case// An academician Kh.I. Amirkhanov: to the 100th anniversary of his birth: a collection of articles-memoirs. Makhachkala: Institute of Physics DSC RAS, 2007. P. 140–143.

4. Dzhambulatov M.M. House of personnel – a university campus – an agricultural institute. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1973. 147 p.

5. Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 60 years. Makhachkala: DSC RAN, 2009. 370 p.

6. A Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences. Results and prospects: reference material. Makhachkala: Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR publishing house, 1968. 50 p.

7. G. Tsadasy's Institute of History, Archeology and Ethnography, Institute of Language, Literature and Art. 1924–2014 To the 90th anniversary of the founding. Documents and materials / comp. by Kaimarazova L.G., Lysenko Yu.M., Chekulaev N.D. Makhachkala: Nauka-Dagestan, 2014. 410 p.

8. Kaimarazov G.Sh. Essays on the history of the culture of the peoples of Dagestan. M.: Nauka, 1971. 475 p.

9. Kaimarazov G.Sh. Education and science in Dagestan in the XX century. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 2007. 464 p.

10. Kamilov I.K. H.I. Amirkhanov – an outstanding scientist and organizer of academic science in Dagestan // An academician Kh.I. Amirkhanov: to the 100th anniversary of his birth: a collection of articles-memoirs. Makhachkala: Institute of Physics DSC RAS, 2007. P. 10–11.

11. Cultural construction of the Dagestan ASSR 1941–1977. Collection of documents. V. 2. / comp. by Lagutina M.I., Lavrova G.I., Talibova E.V., Yusupova S.I. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1988. 461 p.

12. Mirzabekov M.Ya. Creation and deployment of the activities of scientific institutions for the study of Dagestan in the 20s of the XX century // Bulletin of the Saratov University. Series: International relations. 2021. Vol. 21, no. 3. P. 395–402.

13. The National economy of the Dagestan ASSR to the 50th anniversary of the formation of the USSR: anniversary statistical collection. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1972. P. 222.

14. Science and higher education in Dagestan. Documents and materials. V. 2. 1941–2001. Part 1. 1941–1965 / comp. Kakagasanov G.I., Chekulaev N.D. Makhachkala, 2008. 218 p.
15. Osmanov A.I. Dagestan in the XX century. Historical experience of the regional development. Book. 1. Makhachkala: Jupiter, 2006. 600 p.
16. Osmanov A.I. Dagestan in the XX century. Historical experience of the regional development. Book. 2. Makhachkala: DINEM, 2007. 622 p.
17. Scientists of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Makhachkala: Peoples of Dagestan Minnatsinformvneshsvyaz RD, 2004. 300 p.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-54-60>

УДК 811.124:61

Бибикова Э. В.

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ НАВЫКАМ ЧЕРЕЗ ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ)

Бибикова Эльвира Витальевна,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
факультета международного образования ФГБОУ ВО «Майкопский госу-
дарственный технологический университет», Майкоп, Россия*

e-mail: elvira-01@mail.ru

Аннотация

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что изучение латинского языка в медицинском вузе имеет сугубо профессиональную направленность. Основной целью освоения данной дисциплины является подготовка грамотных специалистов, владеющих на практике профессиональной терминологией. В рамках данного исследования предпринята попытка продемонстрировать возможности латинского языка при обучении профессиональным навыкам будущих врачей и фармацевтов. В статье подробно рассматриваются три подсистемы медицинской терминологии: анатомо-гистологическая, клиническая и фармацевтическая. В рамках анатомо-гистологического раздела дается анализ типичных ошибок и трудностей, с которыми сталкиваются обучающиеся и приводятся примеры заданий, которые используются автором для решения этих проблем. В клиническом разделе акцент делается на заданиях, позволяющих создать на занятии атмосферу профессиональной деятельности и приблизить к практической деятельности. Освоение фармацевтического раздела направлено на формирование терминологической компетентности будущих медицинских работников в сфере фармацевтической терминологии и общей рецептуры. Автор дает краткий обзор материала, изучаемого на этом этапе, и приводит примеры практических заданий для его лучшего усвоения. Все материалы и упражнения, описанные в статье, автор приводит из собственного опыта преподавания латинского языка в медицинском вузе. В работе используются эмпирические методы, методы сравнения и анализа.

В результате исследования показано, что успешное обучение профессиональным навыкам в медицинском вузе во многом возможно благодаря изучению латинского языка.

Ключевые слова: профессиональные навыки, латинский язык, анатомо-гистологическая терминология, клиническая терминология, фармацевтическая терминология, терминологический элемент, врач, фармацевт

Для цитирования: Бибикова Э.В. Обучение профессиональным навыкам через латинский язык (на примере медицинских специальностей) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 54-60. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-54-60>.

Bibikova E.V.

TRAINING PROFESSIONAL SKILLS USING THE LATIN LANGUAGE (THE CASE OF MEDICAL SPECIALTIES)

Bibikova Elvira Vitalievna,

*Candidate of Pedagogics, an associate professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of International Education of FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, Russia
e-mail: elvira-01@mail.ru*

Abstract

The relevance of the research is due to the fact that the study of the Latin language in a medical university has a purely professional orientation. The main goal of mastering this discipline is to train competent specialists to be proficient in professional terminology. Within the framework of this research, an attempt has been made to demonstrate the possibilities of the Latin language in teaching professional skills of future doctors and pharmacists. The article discusses three subsystems of medical terminology: anatomical-histological, clinical and pharmaceutical ones. As for the anatomical and histological section, typical mistakes and difficulties faced by students have been analyzed, and examples of tasks used by the author to solve these problems given. In the clinical section, the emphasis is made on the tasks that allow you to create an atmosphere of professional activity in the classroom and bring it closer to practical activity. The development of the pharmaceutical section is aimed at forming the terminological competence of future medical workers in the field of pharmaceutical terminology and general formulation. The author gives a brief overview of the material studied at this stage, and gives examples of practical tasks for its better assimilation. All the materials and exercises described in the article are used by the author in the process of teaching Latin in a medical university. Empirical methods, methods of comparison and analysis have been used in the research.

As a result, it has been shown that successful teaching professional skills at a medical university is largely possible due to the study of the Latin language.

Keywords: professional skills, the Latin language, anatomical and histological terminology, clinical terminology, pharmaceutical terminology, term element, a doctor, a pharmacist

For citation: Bibikova E.V. Training professional skills using the Latin language (the case of medical specialties) // Vestnik Majkopskogo gosudarstvenno-gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 54-60. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-54-60>.

Латинский язык уже в течение многих веков входит в группу «мертвых языков». Но здесь справедливо возникает вопрос, а насколько применимо данное понятие к латыни? Теоретически язык считается мертвым, когда не остается ни одного народа на земном шаре, который бы использовал его в повседневном общении. На сегодняшний день не существует носителей латинского языка, и этот факт дает право называть его мертвым. Однако и приравнять его к другим мертвым языкам мы не можем. Он обогатил многие языки мира, используется в терминологии медиков, фармацевтов, биологов, зоологов, юристов. Латынь оказывает огромное влияние почти на все сферы человеческой жизни – через них она продолжает свое существование. А.В. Подосинов очень точно высказался о латинском языке в своем учебном пособии: «Если латынь и «мертва», то ее «смерть» была прекрасной — она «умирала» тысячу лет и оплодотворила собой большинство европейских языков, став основой для одних (итальянский, испанский, французский, португальский, румынский, молдавский и некоторые другие) и одарив сотнями и тысячами слов и терминов другие языки. Это факт, что большинство терминов любой науки, дипломатии, образования, культуры, религии, политики и т.д. происходит из латинского языка. И русский язык не избежал этого влияния» [3].

В настоящее время латинский язык следует рассматривать как источник развития и обновления терминологических систем различных отраслей науки. Наиболее широкое применение он получил в медицине и фармации. Недаром древняя мудрость гласит: «*In via est in medicina via sine lingua Latina*», что означает «Непроходим путь в медицине без латинского языка». Успешное освоение любой профессии невозможно без изучения профессионального языка, который призван обеспечить взаимопонимание между

специалистами. М.Н. Чернявский отмечает, что «усвоение профессиональных знаний, умений не может осуществляться в отрыве от последовательного овладения языком избранной профессии, т.е. профессиональным языком» [4]. Для фармацевтов и медиков таковым был и остается латинский язык. В своей практической работе представители медицинских специальностей ежедневно используют латынь. Названия различных заболеваний, методов обследования и лечения больных, анатомические термины, рецептура требуют глубоких знаний латинской грамматики и терминологии. Общаясь со своими коллегами-медики, как правило, используют узкоспециальные термины. Но при беседе с пациентом врач должен доступно, понятно и просто объяснить диагноз, ход лечения заболевания и дать соответствующие рекомендации. Используя в общении профессиональные термины, следует разъяснить их значение, прибегая к той терминологии, которая понятна человеку, далекому от медицины. В работе провизора, например, любая ошибка при прочтении наименований лекарственных средств может оказаться роковой для больного. «Достаточно перепутать всего две буквы, и может быть отпущено совсем не то лекарство, которое имелось в виду врачом. Например, если вместо нужного *Barii sulfas* – сульфат бария (средство для внутреннего употребления) ошибочно написать или прочесть *Barii sulfidum* – сульфид бария (средство для наружного употребления), то больной примет внутрь яд» [5]. Приведенные выше примеры являются ярким свидетельством того, что латинский язык играет важную роль в процессе обучения профессиональным навыкам и умениям будущих врачей и фармацевтов.

Изучение курса латинского языка в медицинских образовательных учреждениях имеет профессиональную направленность, т.к. конечной целью является подготовка грамотных специалистов,

владеющих на практике профессиональной терминологией. Современные требования, предъявляемые к специалистам различного профиля, предполагают глубокое знание профессионального языка. Для врача это особенно актуально: от умения правильно формулировать в устном или письменном виде специальную информацию, свободно владеть профессиональным языком в общении с коллегами часто зависит понимание между ними и, как следствие, умное и грамотное лечение [2]. Освоение латинского языка в медицинском вузе направлено на изучение трех подсистем медицинской терминологии: анатомо-гистологической, клинической и фармацевтической. Указанные терминосистемы имеют свои характерные особенности, поэтому принцип системно-терминологического обучения является наиболее эффективным. Изучение терминосистем целесообразно проводить в том порядке, в котором они указаны выше в тексте, т.к. в клиническом разделе используется та же грамматика, что и в анатомо-гистологическом. А терминология клиники связана с морфологическими дисциплинами (анатомией и гистологией). Что касается фармацевтического раздела, то он существенно отличается от первых двух в грамматическом, лексическом и словообразовательном аспектах. Он вполне самостоятелен и замыкает собой курс обучения латинского языка.

Изучение латыни в медицинском вузе начинается с освоения анатомо-гистологической терминологии. В процессе работы над данным разделом обучающиеся сталкиваются с определенными трудностями. Чаще всего возникают проблемы при согласовании существительных с прилагательными и при построении многословных анатомических терминов. Типичной ошибкой при согласовании существительных с прилагательными является неправильно выбранное окончание у согласованного определения. Это

происходит по причине того, что обучающиеся не всегда правильно определяют род, число и падеж существительного. Также мотивируя тем, что определение согласованное, они пытаются употребить одинаковые окончания для существительного и прилагательного. Поэтому следует обратить внимание на то, что окончания у них далеко не всегда совпадают. При отработке данного грамматического материала обучающимся можно предложить следующие задания:

а) дописать окончания, поставить термины в Gen. sing., перевести на русский язык «*ligamentum longitudinal... anter...*» (*ligamentum longitudinale anterius*), «*spina tympanic... min...*» (*spina tympanica minor*);

б) найти ошибки в терминах, исправить и перевести на русский язык «*tuberculum dorsalis radii*» (*tuberculum dorsale radii*), «*facies vertebrae cervicale*» (*facies vertebrae cervicalis*);

с) перевести и поставить в Gen. sing. «передний альвеолярный нерв» (*nervus alveolaris anterior – nervi alveolaris anterioris*), «дорсальная крестцово-копчиковая связка» (*ligamentum sacrococcygeum dorsale – ligamenti sacrococcygei dorsalis*), «правая кисть» (*manus dextra – manus dextrae*).

При построении многословных анатомических терминов внимание обучающихся следует акцентировать на форме и позиции согласованных и несогласованных определений. Для правильного перевода терминов можно предложить провести анализ грамматических форм слов, составляющих анатомическое название с указанием падежа, числа, рода и места, которое они займут в латинском термине. А у прилагательных указать еще и группу. Например: тыльная³ (Nom. Sing., m., 2-я группа) венозная² (Nom. Sing., m., 1-я группа) дуга¹ (Nom. Sing., m.) стопы⁴ (Gen. Sing., m.) – *arcus venosus dorsalis pedis*. Данный вид работы позволяет уменьшить количество ошибок при переводе анатомических терминов

и способствует снятию определенных трудностей в процессе изучения анатомии, которая является одним из важных предметов на первом курсе медицинского вуза. Освоив основные принципы построения многословных терминов, обучающиеся используют полученные знания при изучении других циклов дисциплины.

Следующий этап в изучении латинского языка – это освоение клинической терминологии. Этот раздел является самым обширным из трех подсистем, а также его можно назвать самым «профессиональным». Все практикующие врачи в процессе общения с коллегами и пациентами ежедневно используют те или иные клинические термины. И именно прочные и глубокие знания клиники дают возможность полноценно общаться на профессиональные темы, решать вопросы профессионального плана [1]. Отличие данного раздела от анатомо-гистологического заключается в том, что терминологическую базу теперь составляют слова греческого происхождения. Структурной единицей является ТЭ (терминоэлемент). В процессе освоения данного раздела обучающиеся должны научиться расшифровывать значения терминов и составлять клинические термины исходя из заданного значения. Этому способствуют традиционные упражнения, такие как «определите терминоэлементы в составе термина и его значение в целом», «добавьте недостающий терминоэлемент», «образуйте в словарной форме однословные термины с заданным значением» и другие. Но наибольший интерес при изучении клинической терминологии у первокурсников вызывает решение ситуационных задач, которые позволяют создать на паре атмосферу профессиональной деятельности. Примеры ситуационных задач, используемых нами на занятиях:

«Лабораторные исследования показали, что у больного повышенное содержание тромбоцитов в крови. Какой

клинический термин следует применить в данном случае?» [6].

«Больной ощущает боль в суставах. Какой клинический термин используется для обозначения этого состояния?» [6].

«Больная 40 лет. В возрасте 20 лет после родов отмечали общий спланхноптоз. Через 13 лет появились головные боли, слабость, тошнота. При обращении к врачу зарегистрировано повышение АД. Выявлена бактериурия. Диагностирована гипертоническая болезнь. Гипотензивная терапия с самого начала малоэффективна. Через 7 лет впервые госпитализирована для обследования, в результате которого установлен диагноз: двусторонний нефроптоз, хронический пиелонефрит, симптоматическая гипертензия».

Все выделенные термины обучающиеся должны записать на латинском языке и расшифровать их значения, оперируя значениями клинических терминоэлементов. Задания подобного плана способствуют формированию профессиональных навыков посредством латинского языка, позволяют свободно использовать клиническую терминологию в русском и латинском вариантах.

Фармацевтический раздел является завершающим этапом в изучении латинского языка в медицинском вузе. Как уже отмечалось ранее, он специфичен и самостоятелен в грамматическом, лексическом и словообразовательном плане. Основная цель при освоении данного раздела направлена на формирование терминологической компетентности будущих медицинских работников в сфере фармацевтической терминологии и общей рецептуры. На занятиях этого цикла обучающиеся учатся распознавать частотные отрезки и/или общие основы в названиях лекарственных средств, знакомятся с химической номенклатурой, приобретают навыки выписывания рецептов, начиная с простых вариантов и постепенно усложняя их содержание. Так, например, для лучшего запоминания частотных

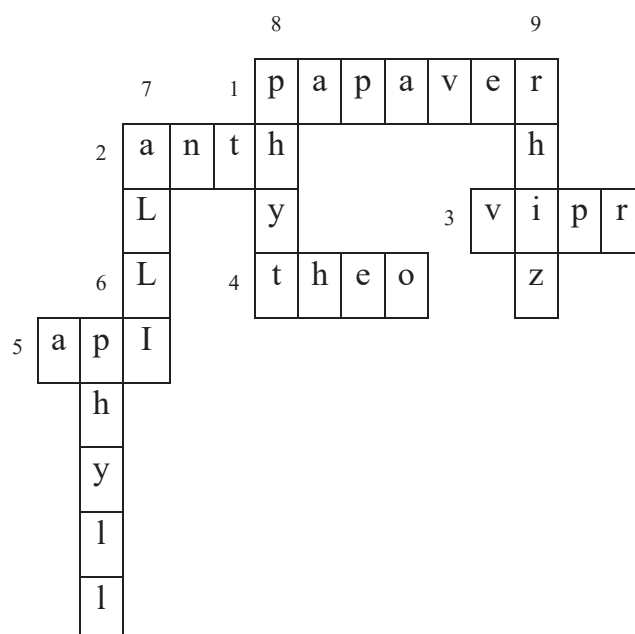

Рис. 1. Кроссворд

по горизонтали: 1 – маковые головки, 2 – цветок, 3 – змеиный яд, 4 – листья чая, 5 – продукты жизнедеятельности пчел; по вертикали: 6 – лист, 7 – чеснок, лук, 8 – растение, 9 – корень

отрезков/общих основ в названиях лекарственных средств обучающимся было предложено составить кроссворды, выбрав одну из групп, информирующих о: 1) химическом составе препарата; 2) отношении к фармакологической группе; 3) растительном или животном сырье, из которого получен препарат;

4) терапевтической направленности. Пример кроссворда (рис. 1)

При изучении химической номенклатуры, а именно названий кислот, нами использовались кольца (диаграммы) Венна, чтобы наглядно показать сходства и различия в образовании названий неорганических кислородных

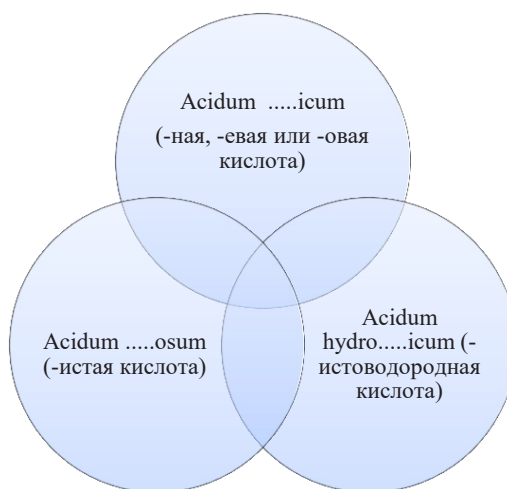

Рис. 2. Диаграмма Венна

кислот с максимальной и низкой степенью окисления и бескислородных кислот (рис. 2).

Обучающимся предлагался список кислот на русском языке, которые они должны были распределить на три группы согласно диаграмме, а затем перевести на латинский язык. Диаграмму Венна можно также использовать при изучении названий солей. При работе над рецептами большое внимание следует уделить рецептурным выражениям с предложениями (например, *Sirupus Paracetamoli pro infantibus* – сироп парацетамола для

детей). Именно они вызывают наибольшие затруднения у обучающихся. Для преодоления этих трудностей нами используются разнообразные упражнения на повторение и закрепление падежных окончаний, характерных для тех или иных предлогов.

Подводя итоги хотелось бы отметить, что латинский язык играет одну из ключевых ролей при подготовке специалистов медицинского профиля, способствует формированию профессиональных навыков будущих медицинских работников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бибикина Э.В. Мотивационная основа обучения латинскому языку в медицинском вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Вып. 1 (44). С. 45–52.
2. Нечай М.Н., Новодранова В.Ф. Латинский язык и стоматологическая терминология [Электронный ресурс]: учебное пособие. М.: КноРус, 2021. 320 с. URL: <https://book.ru/book/939391> (дата обращения: 29.10.2022).
3. Подосинов А.В., Щавелева Н.И. *Lingua Latina*. Введение в латинский язык и античную культуру. Ч. I. 12-е изд. М.: Флинта; Наука, 2011. 192 с.
4. Чернявский М.Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии: учебник. М.: Шико, 2018. 448 с.
5. Чернявский М.Н. Латинский язык и основы фармацевтической терминологии: учебник. 5-е изд., испр. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 400 с.
6. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/5509849/page:13/>

REFERENCES:

1. Bibikova E.V. Motivational basis for teaching Latin in a medical university // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2020. Issue. 1 (44). P. 45–52.
2. Nechay M.N., Novodranova V.F. The Latin language and dental terminology [Electronic resource]: a textbook. M.: KnoRus, 2021. 320 p. URL: <https://book.ru/book/939391> (date of access: 29/10/2022).
3. Podosinov A.V., Shchavaleva N.I. *Lingua Latina*. Introduction to the Latin language and ancient culture. Part I. 12th ed. M.: Flinta; Nauka, 2011. 192 p.
4. Chernyavsky M.N. The Latin language and foundations of medical terminology: a textbook. M.: Shiko, 2018. 448 p.
5. Chernyavsky M. N. The Latin language and fundamentals of pharmaceutical terminology: textbook. 5th ed., rev. and additional M.: GEOTAR-Media, 2015. 400 p.
6. [Electronic resource]. URL: <https://studfile.net/preview/5509849/page:13/>

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-61-69>
УДК 373.016:791/796

Гучетль И.Н., Манченко Т.В.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Гучетль Инна Николаевна,

*старший преподаватель кафедры физического воспитания ФГБОУ ВО
«Майкопский государственный технологический университет», Майкоп,
Россия*

e-mail: guchetl.inna@mail.ru

тел.: +7 (989) 141 82 27

Манченко Татьяна Вячеславовна,

*старший преподаватель кафедры физического воспитания ФГБОУ ВО
«Майкопский государственный технологический университет», Майкоп,
Россия*

e-mail: tatyana.manchenko.69@mail.ru

тел.: +7 (905) 438 81 74

Аннотация

В России в последние два десятилетия наблюдается высокий рост физически неактивных детей. Поэтому проблема подготовки детей к более здоровой и полноценной жизни является актуальной.

Для повышения уровня физической активности первостепенное значение имеет правильная мотивация детей на уроках физкультуры. Урок должен строиться таким образом, чтобы ученики понимали, зачем они это делают, какую пользу это принесет и почему физкультура важна для их развития, принимая во внимание, насколько школьники удовлетворены уроками физической культуры.

Объектом исследования стали учащиеся начальных и средних школ на территории муниципального образования «Город Майкоп».

Цель проведенного исследования – выявление проблем и потребностей учащихся, связанных с уроками физического воспитания в общеобразовательной школе.

В исследовании использовались: теоретический метод для анализа имеющихся источников по исследуемой проблематике, эмпирический метод (анкетирование) и статистический метод для обработки данных.

Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что занятия по физическому воспитанию проводятся на постоянной основе и учащиеся регулярно их посещают. Уроки физкультуры нравятся школьникам, потому что они чувствуют себя на занятиях комфортно, считают физкультуру полезной, а содержание адаптированным к их способностям, возможностям и желаниям. Среди причин нелюбви учащихся к занятиям следующие: они считают уроки однообразными, пассивными и скучными.

Чтобы выполнять учебную программу по физической культуре, необходимо, чтобы школа располагала кадровыми, материальными и пространственными ресурсами, способствовала достижению максимального качества преподавания.

Ключевые слова: физическая культура, обучение, проблемы преподавания, результаты исследования

Для цитирования: Гучетль И.Н., Манченко Т.В. Проблемы преподавания физической культуры в современной школе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 61-69. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-61-69>.

Guchetl I.N., Manchenko T.V.

PROBLEMS OF TEACHING PHYSICAL CULTURE IN A MODERN SCHOOL

Guchetl Inna Nikolaevna,

a senior lecturer of the Department of Physical Education of FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, Russia

e-mail: guchetl.inna@mail.ru

tel.: +7 (989) 141 82 27

Manchenko Tatyana Vyacheslavovna,

a senior lecturer of the Department of Physical Education of FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, Russia

e-mail: tatyana.manchenko.69@mail.ru

tel.: +7 (905) 438 81 74

Abstract

In Russia in the last two decades, there has been a high growth of physically inactive children. Therefore, the problem of preparing children for a healthier and more fulfilling life is relevant.

To increase the level of physical activity, the correct motivation of children in physical education classes is of paramount importance. The lesson should be structured in such a way that students understand why they are doing it, what benefits it will bring and why physical education is important for their development, taking into account how satisfied students are with the physical culture lessons.

Students of primary and secondary schools of the municipality «The City of Maikop are the object of the research.

The purpose of the research is to identify the problems and needs of students associated with Physical education lessons in a secondary school.

A theoretical method for the analysis of available sources on the issues under study, an empirical method (questionnaires) and a statistical method for data processing have been used in the research.

The results of this study indicate that physical education classes are held on a regular basis and students regularly attend them. Schoolchildren like Physical education lessons because they feel comfortable in the classroom, find physical education classes useful, and the content is adapted to their abilities, capabilities and desires. Among the reasons for students' dislike of classes are the following: they consider the lessons monotonous, passive and boring.

In order to fulfill the curriculum in Physical education, it is necessary that the school has material and spatial resources, as well as teachers, to contribute to the achievement of the maximum quality of teaching.

Keywords: physical culture, training, teaching problems, research results

For citation: Guchetl I.N., Manchenko T.V. Problems of teaching Physical culture in a modern school // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 61-69. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-61-69>.

Физическое воспитание считается во всем мире важным элементом процесса формирования личности, поэтому в Федеральном законе от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) [2] «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2022) в ст. 3 «Основные принципы законодательства о физической культуре и спорте» одним из принципов, на которых основывается законодательство о физической культуре и спорте, является «обеспечение права каждого на свободный доступ к физической культуре и спорту как к необходимым условиям развития физических, интеллектуальных и нравственных способностей личности, права на занятия физической культурой и спортом для всех категорий граждан и групп населения.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС) [1] основными целями уроков физической культуры в школе является физическое развитие, воспитательная работа и оздоровление учащихся.

Уроки физкультуры в школе решают следующие задачи:

– общеобразовательные задачи, которые включают в себя обучение физкультурным знаниям, двигательным навыкам и умениям. Обучение учащихся методике физического развития и применению полученных знаний в повседневной жизни. Привитие обучающимся любви к спорту и объяснение важности физических нагрузок для поддержания здоровья;

– воспитательные задачи, предполагающие формирование самостоятельности,

уважения к коллективу, навыков работы в команде; воспитание у школьников ответственности, смелости, целеустремленности, упорства и стремления к победе;

– оздоровительные задачи, решение которых предполагает в первую очередь общее укрепление здоровья, формирование правильной осанки, исправление и профилактика плоскостопия, повышение умственной работоспособности, а также развитие таких качеств, как координация движений, ловкость, моторика, критическое мышление и т.д.

Основная цель ФГОС – это развитие личности ребенка. Именно поэтому современные стандарты значительно изменили организацию уроков физкультуры в школах.

Сегодня урок физкультуры – это в первую очередь формирование у учеников стремления и желания заниматься спортом на протяжении всей жизни, а также формирование навыков работы в команде и способности к саморазвитию и самоизменению.

Для достижения этих целей урок должен строиться таким образом, чтобы ученики понимали, зачем они это делают, какую пользу это принесет и почему физкультура важна для их развития. Также по современным стандартам важно анализирование урока, которое помогает учителям отследить успехи учеников и выбрать наиболее правильный вектор в дальнейшем обучении.

Физическая активность является лучшей формой профилактики многих заболеваний, таких как диабет, высокое кровяное давление, высокий уровень

холестерина и злокачественные новообразования. В связи с этим, занятия по физическому воспитанию должны играть гораздо более важную роль в школьной системе. Многие научные работы подтверждают этическую, эстетическую и, самое главное, оздоровительную ценность физических упражнений. Несмотря на пользу, которую приносит физическая активность, в России растет число малоподвижных детей. Помимо снижения физической активности дети проводят больше времени перед компьютерами, телевизорами и т.д. Самый высокий рост числа физически неактивных детей наблюдается в последние два десятилетия. Можно сказать, что объяснений такому положению много, но одно из самых главных – это отношение к физическому воспитанию.

В основе привычки к физическим упражнениям лежит развлечение и для детей важно, что чем бы они ни занимались, это было бы весело и ненавязчиво, а одним из основных институтов, влияющих на сознания детей в целях их привлечения к занятиям спортом, является школа. Привычки, приобретаемые учащимися в школьном возрасте, сохраняются и в дальнейшей жизни. И привычка к физическим упражнениям играет важную роль в подготовке детей к более здоровой и полноценной жизни. Связь между регулярными физическими упражнениями и хорошим здоровьем, как физическим, так и психическим, была научно доказана и материалы об этом опубликованы (А.Г. Мастеров, С.Н. Кучкин, И.Н. Солопов, О.П. Саутина, Т.А. Воробьева и др.)

Для повышения уровня физической активности первостепенное значение имеет правильная мотивация детей на уроках физкультуры. Всё больше детей в средней школе чаще пропускают эти уроки, потому что родители не считают физкультуру важным предметом. По их мнению, этот предмет может

быть частью школьного обучения, но не обязательным.

На отношение учащихся к физическому воспитанию, безусловно, влияет учитель, его отношение к ученикам, его профессионализм, его творчество и разработка содержания обучения. Пространственные и материальные ресурсы также влияют на посещаемость занятий физической культурой. Если говорить об условиях, то для проведения занятий по физическому воспитанию необходимо не только оборудование, но и помещения (залы, раздевалки, душевые). К сожалению, в школах г. Майкопа нет золотой середины с точки зрения условий. Есть школы с отличной инфраструктурой и условиями, но также есть школы, в которых нет необходимых условий для эффективных занятий по физическому воспитанию.

Мотивация необходима для любой деятельности учащихся на уроках физической культуры. Наилучшей мотивацией для них будет содержание урока, адаптированного к способностям и интересам каждого ученика в отдельности. Текущие учебные планы и рабочие программы дают учителям физической культуры возможность адаптировать их к интересам учащихся и условиям работы. К сожалению, большинство учителей не используют эту возможность.

Принимая во внимание то, как проводились занятия по физическому воспитанию в последние два десятилетия, очевидно, что необходимы изменения. Для достижения цели исследования необходимо было выявить причины, по которым школьники охотно посещают занятия по физическому воспитанию, и причины, по которым не хотят посещать урок физической культуры и часто пропускают его, т.е. выявить причины, по которым школьникам нравятся и не нравятся занятия по физической культуре [6].

Исследование проводилось на выборке из 205 учеников общеобразовательных

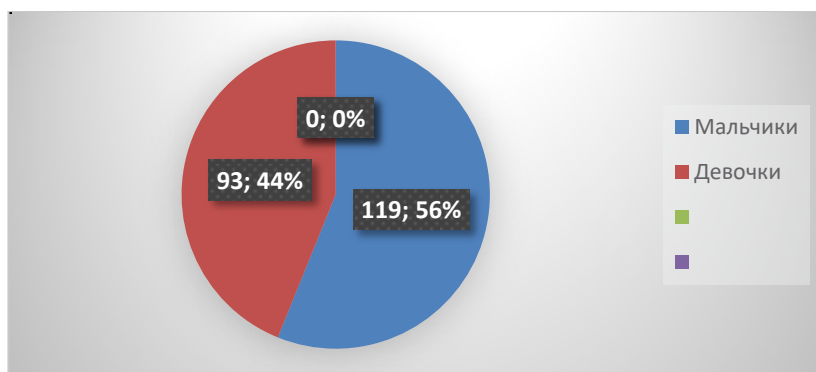

Рис. 1. Респонденты

школ города Майкопа: 50 учеников начальной школы и 155 учеников средней и старшей школы.

Видно, что респонденты примерно поровну представлены во всех исследованных классах. Из 205 опрошенных 112 (54,6%) мальчиков и 93 (45,4%) девочки.

Из таблицы 1 видно, что более трети школьников (35,6%) занимаются соревновательными или оздоровительными видами спорта в спортивных секциях, фитнес-клубах и т.п., 37,4% ранее занимались спортом, но при этом менее трети респондентов (27%) никогда не занимались спортом.

Что касается регулярности посещения уроков физической культуры, а также оснащенности школы содержанием занятий по данному предмету, то очевидно следующее. В большинстве школ физкультура проводится регулярно (88,2 %), в значительно меньшем количестве (9,1%) учащиеся указали, что занятия проводятся время от времени, а 2,8% учащихся заявили, что практически не посещают занятия (таблица 2).

При анализе регулярности посещения занятий физической культурой большинство школьников (82%) регулярно посещают занятия физической культурой, 12,5% посещают занятия эпизодически,

Таблица 1

Отношение к спорту

№		Мальчики	Девочки	Итого
1.	Занимаешься ли ты в спортивных кружках и секциях?	52	21	73
2.	Занимался(ась) ли ты раньше в спортивных кружках и секциях?	49	28	77
3.	Я никогда не занимался(ась) спортом	11	44	55

Таблица 2

Регулярности проведения уроков физической культуры

№	Как в твоей школе проводятся уроки физкультуры?	
1.	Регулярно	181
2.	Время от времени	18
3.	Я не посещаю уроки физкультуры	6

Таблица 3

Регулярность посещения уроков физической культуры

№	Как ты посещаешь уроки физкультуры?	
1.	Регулярно	168
2.	Время от времени	26
3.	Почти никогда	9
4.	Освобожден(на) от уроков физкультуры	2

4,4% почти никогда, а 1,2% освобождены от занятий (таблица 3).

По результатам текущего исследования, касающегося параметров школьного оснащения, во всех школах, составивших выборку, имеется спортивный зал, футбольное поле, беговая дорожка (100%).

Примечательно, что учащиеся любят заниматься физкультурой, из-за приятного социального климата, из-за того, что занятия физкультурой считают полезными, а содержание адаптировано к их способностям и желаниям. На последнем

месте по шкале причин, по которым школьникам нравится уроки физической культуры, стоит разнообразие и динамика преподавания (рисунок 1).

Респонденты давали ответы по одинаковой шкале о причинах, по которым им не нравится содержание занятия. Студенты соглашались, что содержание уроков физкультуры однообразно, пассивно, скучно, бесполезно и именно по этим причинам они не любят этот урок (рисунок 2).

Относительно содержания обучения физической культуре ответы

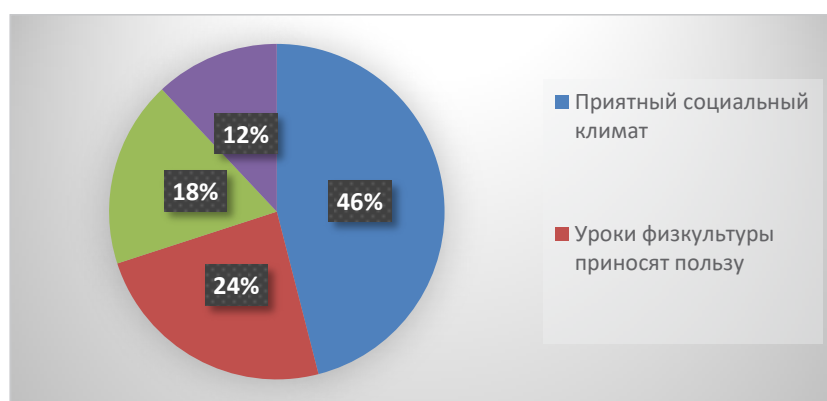

Рис. 2. Причины, по которым нравятся уроки физкультуры

представлены одинаково, т.е. половина опрошенных дали ответ не менять существующее содержание, а половина изменить. Двое респондентов не ответили на этот вопрос.

На вопрос, чем они хотели бы заниматься на уроках физкультуры, учащиеся на первое место поставили спорт (78), на второе – гимнастику (62), потом спортивные танцы (48) и элементарные игры (17) (рисунок 4).

Причина, по которой учащиеся больше всего пропускают занятия, заключается в том, что они, в первую очередь, не любят носить с собой спортивную форму (64), а затем следуют причины: монотонность преподавания (53), боязнь травм (39), боязнь быть осмеянными из-за своей внешности (39), чувство дискомфорта на уроке (37) и страх перед учителем (12) (рисунок 5).

Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что занятия по

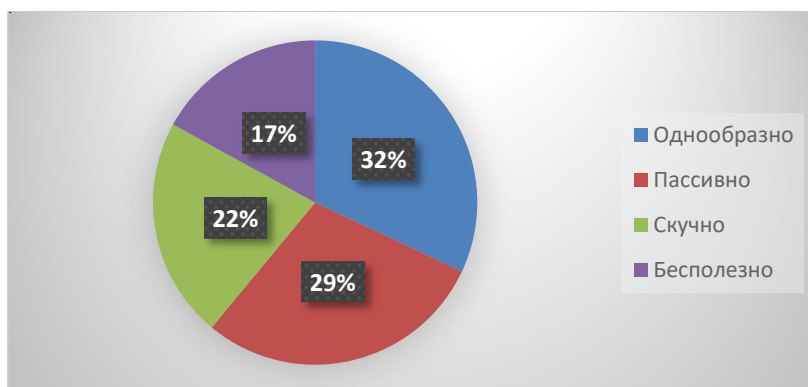

Рис. 3. Причины, по которым не нравится содержание уроков физкультуры

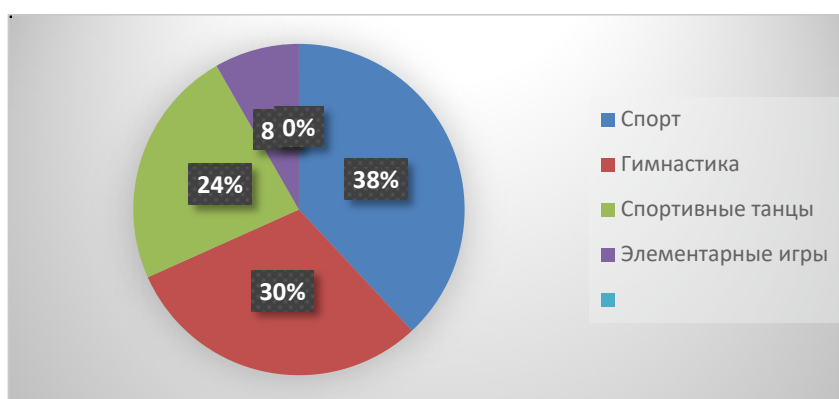

Рис. 4. Чем хотели бы заниматься на уроках физкультуры

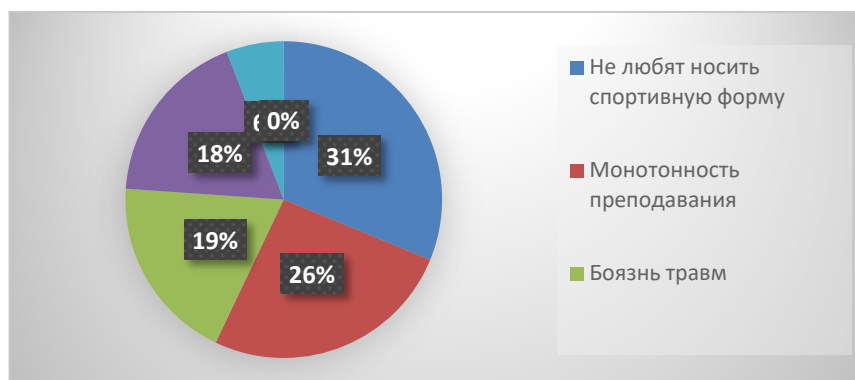

Рис. 5. Причины пропусков уроков физкультуры

физическому воспитанию проводятся на постоянной основе, а также о том, что учащиеся регулярно их посещают. Принимая во внимание, что это исследование касалось того, насколько школьники удовлетворены уроками физической культуры, мы можем сделать вывод, что учащиеся любят посещать занятия по

физической культуре, потому что они чувствуют себя на занятиях комфортно, считают занятия по физической культуре полезными, а содержание адаптированным к их способностям, возможностям и желаниям. Причины нелюбви учащихся к занятиям следующие: они считают уроки однообразными, пассивными и

скучными, в то время как с другой стороны меньше всего согласны с тем, что уроки бесполезны и нежелательны. Это свидетельствует о том, что большинство учащихся осознают значение физической активности, а также ее влияние на здоровье.

Результаты исследования показывают, что девочки и мальчики по-разному относятся к физическому воспитанию. Девочки больше, чем мальчики не любят носить спортивную форму. Девочки считают, что преподавание физкультуры не так важно и иногда скучно, в то время как мальчики придают большое значение обучению физкультуре, а уроки физкультуры воспринимаются как интересные, динамичные и приятные. Эти результаты говорят нам о том, что девочки менее заинтересованы в обучении физическому воспитанию, что отличается от мнения мальчиков.

Выявлено также, что существует положительная значимая связь между оценкой содержания урока (монотонность и однообразие) и возрастом учащихся, то есть учащиеся средних и старших классов чаще говорят, что однообразие является причиной их отсутствия на уроках физической культуры.

Учитывая, что обучение физической культуре является одним из важнейших звеньев общего образования, результаты исследования могут быть использованы учителями для повышения качества обучения физической культуре, т.е. это исследование может быть ориентиром для изменений, связанных с преподаванием физической культуры. Принимая во внимание текущую ситуацию в общеобразовательных учреждениях на территории города Майкопа, можно сделать вывод, что во всех школах, в которых проводилось анкетирование, есть базовые условия для работы в отношении помещений (залы, спортивные площадки и т. д.), но не во всех школах есть оборудованные раздевалки. Например, небольшие шкафчики с замками могли бы стать решением

проблемы, связанной с ношением спортивной формы, так как в большинстве ученики не любят ее носить. Нельзя пренебрегать гигиеной учащихся, необходимо, чтобы в школах были душевые и санитарные помещения, а также все сопутствующее оборудование.

Все причины положительного и отрицательного опыта преподавания физической культуры должны быть использованы с целью повышения качества обучения. На исследуемую тему опубликовано не так много научных статей, следовательно, необходимы дальнейшие исследования для выявления проблем в преподавании физической культуры.

Чтобы выполнять учебную программу по физической культуре, необходимо, чтобы школа располагала материальными и пространственными ресурсами, а также учителями, которые будут делать все возможное, чтобы их опыт, творческий подход и терпение пробудили стремление к движению и физической активности у школьников.

Безусловно, учителя физической культуры должны на уроке уделять больше внимания ученикам и по возможности применять индивидуальный подход к каждому, систематически повышать квалификацию, расширять компетенции, обмениваться опытом со своими коллегами, чтобы способствовать достижению максимального качества преподавания.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что уроки физкультуры в школе – это незаменимая и полезная дисциплина. Именно уроки физкультуры помогают ребятам поддерживать физическую форму, а также снимать напряжение, накопившееся во время других занятий.

Более того, сегодня, благодаря новым стандартам, уроки физкультуры учат не только физической активности, но и развивают патриотизм и такие качества личности как целеустремленность, трудолюбие, дисциплинированность, а также учат работать в команде.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования от 31 мая 2021 г. № 287.
2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2022) ст. 3 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».
3. Согришина М.О., Якуб И.Ю. Положительное влияние подвижных игр на психоэмоциональное состояние студентов // Вестник современных исследований. 2018. № 12-8 (27). С. 389–391.
4. Федоров В.Г. Физическая культура в системе школьного образования: взгляд на проблему // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. № 3 (193).
5. Эскендаров Э.С. Актуальные проблемы преподавания физической культуры в школе // Вестник СПИ. 2019. № 1 (29).
6. Гучетль И.Н., Манченко Т.В., Актуальные направления цифровой трансформации образования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 2. С. 32–39.

REFERENCES:

1. Federal State Educational Standard of Basic General Education dated May 31, 2021 No. 287.
2. Federal Law No. 329-FZ of December 4, 2007 (as amended on March 6, 2022) (as amended and supplemented, effective from June 1, 2022) in Article 3 «On Physical culture and sports in the Russian Federation».
3. Sogrishina M.O., Yakub I.Yu. The positive impact of outdoor games on the psycho-emotional state of students // Bulletin of modern research. 2018. No. 12-8 (27). P. 389–391.
4. Fedorov V.G. Physical culture in the system of school education: a look at the problem // Uchenye zapiski of Lesgaft University. 2021. No. 3 (193).
5. Eskendarov E.S. Actual problems of teaching Physical culture at school // Vestnik of SPI. 2019. No. 1 (29).
6. Guchetl I.N., Manchenko T.V., Current trends in the digital transformation of education // Bulletin of Maikop State Technological University. 2022. V. 14, No. 2. P. 32–39.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-70-76>
УДК 811:004.89

Колесниченко А.Н.

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

*Колесниченко Альвина Николаевна,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные
языки» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей со-
общения (РГУПС)», Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: kolesnichenkoa@mail.ru
тел.: +7 (904) 446 60 18*

Аннотация

Использование информационно-коммуникационных технологий в процессе преподавания иностранного языка становится широко распространенной практикой как в школе, так и в вузе. Цифровые ресурсы, включающие электронные словари и библиотечные системы, онлайн-курсы, иноязычные сайты новостных агентств, видеоматериалы и подкасты, находятся в открытом доступе и предоставляют большие возможности их применения в образовательных целях. Эти новые реалии определяют актуальность данного исследования, проблема которого заключается в раскрытии потенциала использования интернет-ресурсов, а именно, эффективности ментальных карт при изучении иностранного языка.

Цель статьи – изучить метод ментальных карт и выявить преимущества их использования при обучении иностранному языку. Научные методы: анализ и синтез, сравнение и обобщение позволили изучить разные подходы ученых к определению понятия «коммуникативной компетенции», возможности применения интеллект-карт в образовательных целях, проанализировать доступные цифровые ресурсы по составлению подобных диаграмм, а также сделать вывод об их значимой роли при обучении языку. В ходе исследования были получены следующие результаты: ментальные карты способствуют развитию основных навыков и умений, формированию коммуникативной компетенции; цифровые ресурсы делают работу с интеллект-картами не только более результативной, но и интересной, что повышает мотивацию студентов к овладению иностранным языком. Сделан вывод о преимуществах использования ментальных карт при обучении иностранному языку. Данная статья имеет теоретическую и практическую значимость, так как дает подробный анализ теоретического материала и демонстрирует результаты его применения на практике.

Ключевые слова: компетенция, коммуникативная компетенция, «электронная» педагогическая культура преподавателя, информационно-коммуникационные технологии, цифровые ресурсы, интеллектуальные карты, ментальные карты, интеллект-карты

Для цитирования: Колесниченко А.Н. Преимущества использования ментальных карт при обучении иностранному языку // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 70-76. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-70-76>.

Kolesnichenko A.N.

ADVANTAGES OF USING MENTAL MAPS WHEN TEACHING FOREIGN LANGUAGE

Kolesnichenko Alvina Nikolaevna,

An associate professor, Candidate of Philology, an assistant professor of the Department of Foreign Languages of FSBEI HE «Rostov State Transport University» (RSTU), Rostov-on-Don, Russia

e-mail: kolesnichenkoa@mail.ru

tel.: +7 (904) 446 60 18

Abstract

The use of information and communication technologies in the process of teaching a foreign language is becoming a widespread practice both at school and at the university. Digital resources, including electronic dictionaries and library systems, online courses, foreign-language websites of news agencies, video materials and podcasts, are in the public domain and provide great opportunities for their use for educational purposes. These new realities determine the relevance of the research, the problem of which is to reveal the potential of using Internet resources, namely the effectiveness of mental maps, when learning a foreign language.

The purpose of the research is to study the method of mental maps and identify advantages of their use in teaching a foreign language. The following scientific methods were used: analysis and synthesis, comparison and generalization; they made it possible to study different approaches of scientists to the definition of the concept of «communicative competence», the possibility of using mind maps for educational purposes, to analyze the available digital resources for compiling such diagrams, and also draw a conclusion about their significant role in language learning. The following results have been obtained: mental maps contribute to the development of basic skills and abilities, formation of communicative competence; digital resources make working with mind maps not only more productive, but also more interesting, which increases the motivation of students to master a foreign language. The advantages of using mental maps in teaching a foreign language has been proved. The article is of theoretical and practical significance, as it provides a detailed analysis of the theoretical material and demonstrates the results of its application in practice.

Keywords: competence, communicative competence, «electronic» pedagogical culture of a teacher, information and communication technologies, digital resources, smart cards, mental maps, intelligence card

For citation: Kolesnichenko A.N. Advantages of using mental maps in teaching a foreign language // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 70-76. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-70-76>.

В настоящее время существует большое разнообразие цифровых технологий, используемых педагогами при обучении иностранному языку. Поэтому перед преподавателем стоит непростая задача – выбрать те образовательные интернет-ресурсы, которые не только вызовут интерес у студентов и будут способствовать

повышению их мотивации к изучению иностранного языка, но и помогут сформировать необходимую для овладения языком коммуникативную компетенцию.

Многие исследователи занимаются изучением коммуникативной компетенции и сходятся во мнении, что именно она играет первостепенное значение в

изучении любого иностранного языка. Данной проблематикой занимались такие ученые, как И.А. Зимняя, А.В. Хуторской, Т.Е. Исаева и многие другие. А.В. Хуторской дает следующее определение коммуникативной компетенции: знание «способов взаимодействия с окружающими и удаленными людьми, навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе» [1, с. 61] и делает акцент на тех навыках, которым необходимо обучить: умение представить себя, вести диалог, заполнить анкету, написать заявление, задать вопрос и ответить на него [1]. Для формирования этих навыков преподавателю необходимо создавать объекты коммуникации, приближенные к реальности, и тщательно продумать способы работы на каждом этапе. И.А. Зимняя под коммуникативной компетенцией понимает сформированные у говорящего умения быть полноценным субъектом речевой деятельности [2, с. 37].

В научной литературе можно встретить единое мнение исследователей о том, что структура коммуникативной компетенции многокомпонентная. Д. Хаймс к коммуникативной компетенции относил социолингвистическую, грамматическую, дискурсивную, стратегическую компетенции [3]. Е.Н. Соловова выделяет в ее составе такие компетенции, как «языковую – это овладение фонетикой, лексикой, грамматикой; речевую компетенцию – овладение коммуникативными умениями таких видов речевой деятельности, как говорение, аудирование, чтение и письмо; социокультурную компетенцию – знание культуры, этикета и норм поведения, способность представлять свою страну в условиях иноязычного межкультурного общения; компенсаторную компетенцию – умение выходить из положения в условиях дефицита языковых средств при коммуникации; учебно-познавательную компетенцию – развитие общих и специальных учебных умений, позволяющих

совершенствовать учебную деятельность по овладению иностранным языком)» [4, с. 6]. Е.М. Кузьмина к коммуникативной компетенции относит также лингвистическую, социолингвистическую, социальную и прагматическую компетенции [5].

В результате анализа научной литературы можно прийти к выводу, что коммуникативная компетенция заключается в «способности понимать иноязычную речь собеседника и умении правильно использовать языковые средства в устной или письменной речи для выражения своей точки зрения с соблюдением всех норм изучаемого языка согласно ситуации общения, поставленной задаче, а также социальным и лингвистическим правилам, принятым носителями языка» [6, с. 287], и ее составляющими являются: речевая компетенция, языковая, лингвистическая, социолингвистическая, социокультурная, социальная, прагматическая и другие.

Для развития коммуникативной компетенции педагоги используют различные методы и средства, в том числе современные информационно-коммуникационные технологии, владение которыми обусловлено сформированной «электронной» педагогической культурой преподавателя высшей школы. По мнению Т.Е. Исаевой, данная «электронная» культура отличается «задействованием не только высокого уровня информационных компетенций и методических умений использования их на занятиях, но и качественным скачком практически во всех ранее известных составляющих культуры, в том числе в коммуникативной компетенции, а также в социально-психологических, ценностно-смысловых и других компетенциях» [7, с. 87]. Благодаря присущей ему культуре преподаватель обладает такой профессиональной компетентностью, которая позволяет ему выбрать наиболее эффективные методы обучения, а также цифровые ресурсы,

способствующие формированию коммуникативной компетенции у студентов. Одним из таких методов является метод интеллект-карт или ментальных карт.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в нем рассматривается использование интеллектуальных карт студентами и преподавателем как в традиционном виде, так и с помощью современных цифровых ресурсов, что вызывает вопрос о целесообразности их применения в преподавании иностранного языка. Целью данной статьи является изучение метода ментальных карт и выявление преимуществ их использования при обучении иностранному языку. Для их достижения были поставлены следующие задачи:

- исследовать возможности применения ментальных карт;
- проанализировать доступные цифровые ресурсы по созданию интеллектуальных карт, направленные на формирование коммуникативной компетенции, лежащей в основе овладения любого языка;
- опытно-экспериментальным путем показать преимущества применения данного метода.

В ходе исследования использовались такие научные методы, как анализ и синтез, сравнение и обобщение, благодаря которым сделан анализ научных трудов по данной проблематике и обобщены их результаты, проведено сравнение разных цифровых ресурсов по созданию ментальных карт, что позволило сделать вывод об их значимой роли при обучении языку.

Изучению методики создания ментальных карт посвящены работы таких исследователей, как Т. Бьюзен [8], О.Б. Симонова [9], И.В. Одарюк [10] и другие. Работы английского психолога и педагога Тони Бьюзена затрагивают проблемы мышления и поиск лучших способов запоминания информации и ее систематизации. Именно Тони Бьюзен

считается основоположником метода интеллект-карт. Основной принцип представления информации в виде карты состоит в том, что дается центральное понятие, позволяющее сконцентрировать внимание на главной идее, и радиальные ветви, представляющие собой те вопросы, которые связаны с основным положением. Удаленность от центра зависит от значимости тех вопросов, которые связаны с этим понятием. Каждая ветвь имеет свой цвет и изогнутую форму, схожую с ветвями деревьев. В виде подобной карты можно представить любую проблему, которую пытается решить человек в повседневной жизни либо при планировании какой-либо деятельности как в бизнесе, маркетинге, так и в другой сфере, в том числе образовательной. Это по сути графическое изображение мыслительного процесса в виде диаграммы.

По мнению Т. Бьюзена, *MindMaps* (ментальные карты) особенно эффективны в образовательном процессе, что обусловлено тем, что во время работы с картами задействованы и левое и правое полушарие головного мозга. Они способствуют запоминанию благодаря ассоциативным связям, представлению информации в виде либо коротких записей, либо иллюстраций. Особенно актуально ее использование при обучении иноязычной лексике, так как все слова представлены наглядно, и это дает возможность запомнить образы благодаря визуальной памяти.

Кроме лексики, ментальные карты способствуют лучшему усвоению грамматического материала, так как любое правило может принять форму ветвистого дерева или карты и быть дополнено примерами. Работа с текстом или построение монологического высказывания может осуществляться также с помощью применения метода интеллектуальных карт, что позволит обозначить важные вопросы, которые необходимо затронуть во время обсуждения. Способы работы

с данными картами весьма разнообразны: от индивидуальной самостоятельной работы студента над ее созданием до групповой аудиторной, либо в виде проектной деятельности как совместное творчество, заранее подготовленное и продуманное.

Преподаватель может использовать метод интеллект-карт на разных этапах работы с материалом: на начальном, когда тема только представлена, либо для закрепления уже изученного материала, на заключительном этапе – во время проверки полученных знаний. Интеллект-карты можно составлять по любой изучаемой теме как самостоятельно, так и совместно с преподавателем на практическом занятии по иностранному языку. В любом случае данный метод привлекает своей оригинальностью, наглядностью и простотой в выполнении, в то же время способствует формированию коммуникативной компетенции, играющей важную роль в овладении иностранным языком.

Для повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка и более эффективному применению метода ментальных карт используются разные цифровые ресурсы, доступные в сети интернет. Среди них можно выделить такие, как *Diagrams*, *X-mind*, *Simple Mind*, *MindMeister*, которые характеризуются более структурированной организацией карт, что позволяет логически правильно выстраивать информацию и легко запоминать, а также некоторые сервисы (*Ayooa*, *Coogle*, *Mindmap*, *Mindomo*), отличающиеся необычным представлением информации с использованием разных ярких цветов, форм и линий. Однако недостаток таких сервисов связан с тем, что, как правило, избыток вариантов создания ведет к сложностям в работе с форматированием.

Сделаем анализ наиболее удобного для создания ментальных карт приложения *MindMeister*. Для работы в

MindMeister можно использовать как готовые макеты – шаблоны для создания своих карт, так и создать свои собственные. Ментальные карты могут быть созданы с представлением информации в традиционном формате с гибкими ветвями, либо могут иметь четкую организацию, возможно использование макета в виде списка тем или слов или совмещение разнообразных макетов для изучения одной темы.

Кроме того, *MindMeister* имеет большой функционал – помимо представления информации в любом удобном формате, с помощью стрелок можно указать на связи между обозначенными подзаголовками (лексическими единицами либо формулировками), а также добавить заметки в виде контекста к темам, обозначенным в интеллект-карте. Помимо простых заметок, *MindMeister* дает возможность загрузить файлы, связанные с темами карты, или ссылки на источники из интернета и в результате представить карту с помощью презентации. Приложение позволяет делиться созданными картами, работать совместно и обмениваться комментариями, что способствует формированию всех компетенций, необходимых для овладения иностранным языком. В то же время метод интеллект-карт открывает творческий потенциал обучающихся, привлекает своей нестандартной формой представления информации, легкостью и быстротой составления, что вызывает интерес к изучаемой теме и предмету.

Для подтверждения эффективности использования ментальных карт был проведен эксперимент среди второкурсников Электромеханического факультета ФГБОУ ВО «Ростовского государственного университета путей сообщения» (далее РГУПС) специальности «Подвижной состав железных дорог», которые изучают лексику и тексты профессиональной направленности в 3 семестре. В эксперименте участвовало

3 группы по 10–12 человек в течение семестра 2021/2022 учебного года: одна экспериментальная группа самостоятельно создавала интеллект-карты на занятиях иностранного языка, вторая группа использовала для этого приложение *MindMeister*, третья – применяла традиционные методы обучения. Уровень исходных знаний у всех студентов был одинаковый, что выявлено в результате входного тестирования. Критерием оценки эффективности применения метода интеллект-карт в процессе обучения иностранному языку послужили результаты итогового тестирования, разработанного Центром мониторинга качества образования (ЦМКО) РГУПС, системой педагогического тестирования, целью которого является оценочный контроль уровня полученных знаний по лексике, грамматике и сформированных умений и навыков понимания текстов профессиональной направленности. В конце эксперимента были получены следующие показатели: в первой группе результаты компьютерного тестирования составили 85–90%, во второй – 90–95%, в третьей достигали пороговых значений, установленных ЦМКО для сдачи теста, – 75%. Такое процентное соотношение свидетельствует о преимуществах (по сравнению с традиционными методами) применения ментальных карт на занятиях по иностранному языку.

В рамках эксперимента студенты прокомментировали список вопросов для оценки использования метода ментальных карт в учебном процессе; испытуемым предлагалось оценить атмосферу занятий по 5-балльной шкале типа Лайкерта: от 1 балла (полностью не согласен) до 5 (полностью согласен). Обучающимся были даны следующие утверждения: (1) Я бы применил интеллект-карты, потому что это более интересно по сравнению с традиционными занятиями; (2) Я бы применил карты, потому что это удобнее и способствует

лучшему запоминанию материала; (3) Я бы применил карты, потому что атмосфера на занятиях более дружелюбная. Наше исследование показало, что до эксперимента большая часть студентов использовала интеллект-карты менее 2 часов в неделю, а после эксперимента – они стали чаще использовать цифровые ресурсы по созданию интеллект-карт в образовательном процессе. Участники отметили, что их использование помогло им лучше усвоить материал и создало более дружелюбную атмосферу на занятиях, что способствует овладению языком, повышению мотивации студентов к этому, достижению лучших результатов в учебе в целом.

Подводя итоги, следует отметить, что к преимуществам ментальных карт можно отнести следующие их особенности: они способствуют развитию у студентов основных навыков и умений, формированию коммуникативной компетенции; цифровые ресурсы делают работу с интеллект-картами не только более результативной, но и интересной, что повышает мотивацию студентов к овладению иностранным языком. Так, цель и задачи, сформулированные в начале статьи, были достигнуты в ходе исследования: изучены возможности применения ментальных карт при обучении языку, в результате сравнения разных цифровых ресурсов по созданию карт была подробно проанализирована работа с наиболее удобным приложением *MindMeister*, опытно-экспериментальным путем удалось показать преимущества использования ментальных карт при обучении иностранному языку по сравнению с традиционными методами. Данное исследование имеет как теоретическую, так и практическую значимость, так как дает анализ теоретического материала и демонстрирует практическое применение интеллект-карт, что значимо для преподавателей иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Эйдос. 2002. № 2. С. 58–64.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–44.
3. Hymes D. On Communicative Competence. In J. B. Pride and J. Holmes (eds.). Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972.
4. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для пед. вузов и учителей. 3-е изд. М.: Просвещение, 2005. 239 с.
5. Кузьмина Е.М. Формирование коммуникативной компетентности студентов вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2006. 23 с.
6. Колесниченко А.Н. Роль подкастов в формировании коммуникативной компетенции студентов при обучении иностранному языку в техническом вузе // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 2. С. 287–291.
7. Исаева Т.Е. Компетенции и «электронная» педагогическая культура преподавателя высшей школы в постпандемическом мире // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 6. С. 80–96.
8. Бьюзен Тони. Карты памяти. Используйте свою память на 100%. М.: РОСМЭН, 2007. 96 с.
9. Симонова О.Б. К вопросу использования метода ментальных карт при преподавании иностранного языка в техническом вузе // Транспорт: наука, образование, производство: сборник трудов Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д: РГУПС, 2019. С. 265–269.
10. Odaryuk I. Using Mind Maps to motivate the digital generation of students to learn foreign languages // E3S Web of Conferences 273, 12146 (2021) INTERAGROMASH 2021. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202127312146>.

REFERENCES:

1. Khutorskoy A.V. Key competencies and educational standards // Eidos. 2002. No. 2. P. 58–64.
2. Zimnyaya I.A. Key competencies as a new paradigm of the result of education // Higher education today. 2003. No. 5. P. 34–44.
3. Hymes D. On Communicative Competence. In J. B. Pride and J. Holmes (eds.). Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972.
4. Solovova E.N. Methods of teaching foreign languages: a basic course of lectures: a manual for pedagogical universities and teachers. 3rd ed. Moscow: Education, 2005. 239 p.
5. Kuzmina E.M. Formation of communicative competences of university students: abstr. dis. ... Cand. of Pedagogics. Nizhny Novgorod, 2006. 23 p.
6. Kolesnichenko A.N. The role of podcasts in the formation of students' communicative competence in teaching a foreign language at a technical university // Samara Scientific Bulletin. 2022. V. 11, No. 2. P. 287–291.
7. Isaeva T.E. Competencies and «electronic» pedagogical culture of a high school teacher in the post-pandemic world // Higher education in Russia. 2021. V. 30, No. 6. P. 80–96.
8. Buzan Tony. Memory cards. Use your memory to 100%. M.: ROSMEN, 2007. 96 p.
9. Simonova O.B. On the issue of using the method of mental maps in teaching a foreign language in a technical university // Transport: science, education, production: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Rostov n/a: RGUPS, 2019. P. 265–269.
10. Odaryuk I. Using Mind Maps to motivate the digital generation of students to learn foreign languages // E3S Web of Conferences 273, 12146 (2021) INTERAGROMASH 2021. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202127312146>.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-77-84>
УДК 371.13/14

Корзенкова Е.В., Джабатырова Б.К., Крафт Н.Н.

МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ

Корзенкова Екатерина Владимировна,
магистрант ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» г. Майкоп, Россия
e-mail: katerina-aparenko@mail.ru
тел.: +7 (969) 222 26 78

Джабатырова Бэлла Казбековна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и туризма ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» г. Майкоп, Россия
e-mail: belladza@mail.ru
тел.: +7 (918) 421 79 68

Крафт Наталия Николаевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: natali_knn@list.ru

Аннотация

Современные процессы трансформации общего образования, появление новых технологий, усиление ситуации неопределенности во всех сферах жизни общества, расширение спектра направлений деятельности учителя, постоянное повышение требований к уровню его профессиональной подготовки детерминирует появление у молодых педагогов симптомов профессионального выгорания уже в первые годы профессиональной деятельности. Выявленное противоречие между потребностью молодых учителей в работе по минимизации симптомов профессионального выгорания и недостаточной степенью разработанности и реализации целенаправленной профилактической работы по преодолению негативных состояний позволило обозначить проблему, состоящую в проектировании и апробации педагогической модели, обеспечивающей снижение симптоматики профессионального выгорания у молодых учителей. Цель исследования – обосновать и экспериментально апробировать модель педагогической профилактики профессионального выгорания молодых учителей.

Методы исследования: анализ, синтез, моделирование.

Результаты проведенного исследования показали эффективность разработанной модели, основанной на личностно-деятельностном, системном, полисубъектном и комплексном подходах, содержательным компонентом которой является модульная программа

педагогической профилактики профессионального выгорания молодых учителей, направленная на формирование информационной компетентности молодых учителей о проблеме выгорания, обучение психотехникам саморегуляции и самозащиты, развитие трудовой мотивации и творческого потенциала.

Ключевые слова: синдром профессионального выгорания, профессиональное выгорание, кризис молодого педагога, модель профилактики профессионального выгорания

Для цитирования: Корзенкова Е.В., Джабатырова Б.К., Крафт Н.Н. Модель профилактики профессионального выгорания молодых учителей // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 77-84. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-77-84>.

Korzenkova E.V., Dzhabatyrova B.K., Kraft N.N.

A MODEL OF YOUNG TEACHERS' PROFESSIONAL BURNOUT PREVENTION

Korzenkova Ekaterina Vladimirovna,

a Master student of FSBEI HE «Adygh State University», Maikop, Russia

e-mail: katerina-aparenko@mail.ru

tel.: +7 (969) 222 26 78

Dzhabatyrova Bella Kazbekovna,

Candidate of Pedagogy, an associate professor of the Department of Social Work and Tourism of FSBEI HE «Adygh State University», Maikop, Russia

e-mail: belladza@mail.ru

tel.: +7 (918) 421 79 68

Kraft Natalia Nikolaevna,

Candidate of Pedagogics, an associate professor of the Department of Pedagogy, National State University of Physical Culture, Sports and Health named after P.F. Lesgaft, St. Petersburg, Russia

e-mail: natali_knn@list.ru

Abstract

In Russia, in the last two decades, there has been a high growth in physical education. Modern processes of transformation of general education, the emergence of new technologies, an increase in the situation of uncertainty in all spheres of society, an expansion of the range of activities of a teacher, a constant increase in the requirements for the level of his professional training determines the appearance of symptoms of professional burnout in young teachers in the first years of professional activity. The revealed contradiction between the need of young teachers to work on minimizing the symptoms of professional burnout and the insufficient degree of development and implementation of targeted preventive work to overcome negative conditions has made it possible to identify the problem of designing and testing a pedagogical model that reduces the symptoms of professional burnout among young teachers. The purpose of the research is to substantiate and experimentally test the model of pedagogical prevention of professional burnout of young teachers.

The research methods used are analysis, synthesis, modeling.

The results of the research have shown the effectiveness of the developed model based on personal-activity, systemic, polysubjective and integrated approaches, the content component of which

is a modular program of pedagogical prevention of professional burnout of young teachers, aimed at developing information competence of young teachers about the problem of burnout, teaching psychotechnics of self-regulation and self-defense, development of labor motivation and creative potential.

Keywords: professional burnout syndrome, professional burnout, a young teacher's crisis, professional burnout prevention model

For citation: Korzenkova E.V., Dzhabatyrova B.K., Kraft N.N. *A model of young teachers' professional burnout prevention* // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 1. P. 77-84. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-77-84>.

Современная система образования находится в условиях динамичных процессов модернизации и информатизации социокультурного пространства, детерминирующих необходимость трансформации профессиональной деятельности современного учителя. Формирование новых потенциальных возможностей цифрового, информационного, гуманитарного, технологического характера, приносящие новые возможности, вместе с этим требуют серьезного подхода к их освоению и реализации. Расширяющиеся и усложняющиеся каналы взаимодействия молодых педагогов с иными субъектами образовательной системы сегодня в условиях непрерывного образования задают новый вектор отношений – виртуальный, который видоизменяет и усложняет уже традиционные механизмы взаимодействия [1].

Изменение и особенности сетевого поколения учеников, наряду с постоянно растущими и усложняющимися требованиями к деятельности самих молодых учителей, обуславливают перманентную идентификацию и конкретизацию профессиональных задач, где решающую роль в результативности молодых специалистов играют темп, качество овладения и использования многообразных личностных и внешних ресурсов. Всё это приводит к усложнению профессиональной деятельности, активизации взаимодействия с широким кругом субъектов, в процессе которого происходит усиление

востребованности профессионально-личностных ресурсов молодых учителей, сопряженное с нарастанием напряженности, конфликтности личности, что в итоге может повлечь их профессиональное выгорание [2].

Этап вхождения в педагогическую профессию связан с процессами адаптации к новым условиям, поиска индивидуального стиля профессиональной деятельности, развития специально-предметной и надпредметной компетентности, педагогической рефлексии и формирования самообразовательной компетентности, с освоением методологии профессиональной педагогической деятельности. В этой связи важным аспектом процесса становления педагога является профилактика профессионального выгорания как детерминанта активной творческой многолетней продуктивной работы.

Анализ процесса профессиональной деятельности молодых педагогов показал, что несмотря на незначительный стаж работы, а также имеющийся интеллектуальный, физический и эмоциональный потенциал, большинство из них уже на первом этапе профессионального становления констатируют неудовлетворенность результатами работы, постоянное напряжение, неуверенность в своих силах, деперсонализацию, постоянное проявление повышенной тревожности и стресса, безразличие к работе. В этой связи недостаточное внимание к этой проблеме и отсутствие целенаправленной

работы по профилактике профессионального выгорания у молодых педагогов может привести не только к негативным личностным изменениям, но и иметь существенные социальные последствия.

В проведенном нами исследовании по диагностике уровня профессионального выгорания у молодых педагогов г. Краснодара (108 человек) было выявлено, что 73% присущ высокий и средний уровень синдрома профессионального выгорания. Среди опрошенных 50% имеют низкий уровень стрессоустойчивости, 98% отметили чрезмерную нагрузку, 68% учителей говорят о необходимости помощи в адаптационный период, а 92% молодых педагогов отметили, что не знали обо всех трудностях педагогической профессии и не представляли реальной картины [3].

Эти данные были подтверждены результатами опроса в ходе экспериментального исследования по апробации модели педагогической профилактики профессионального выгорания молодых учителей, проводившегося в сентябре 2021 г. В нем приняло участие 228 молодых учителей общеобразовательных школ г. Грозного Чеченской Республики, стаж работы которых составлял не более 5 лет. Более 75% респондентов констатировали, что столкнулись с неожиданными сложностями, к которым их не готовили в процессе обучения, и выразили желание уйти из профессии; 80% отметили сложность педагогического труда, связанное с этим постоянное эмоциональное перенапряжение, из них 79% указали на безучастность коллег, а 70% констатировали отсутствие помощи и поддержки от администрации, что приводит к снижению мотивации и появлению безразличия к работе. Исследование позволило выявить, что данные характеристики – это симптомы профессионального выгорания молодых учителей, детерминантами которых выступают личностно-психологические факторы, социальные,

профессиональные (образовательная среда, специфика педагогической деятельности, требования профстандарта и др.), а также адаптационный кризис и ярко выраженное несоответствие ожиданий и профессиональной реальности.

Таким образом, можно говорить о наличии противоречия между потребностью молодых учителей в работе по минимизации симптомов профессионального выгорания и наличием в образовательных организациях целенаправленной работы по профилактике профессионального выгорания молодых учителей, разрешение которого инициировало проектирование и апробацию соответствующей педагогической модели, реализация которой будет направлена на предупреждение появления и снижения уровня синдрома профессионального выгорания молодых учителей. Данная цель конкретизируется в комплексе задач, связанных с формированием информационной компетентности молодых учителей о проблеме выгорания, обучением психотехникам саморегуляции и самозащиты, развитием трудовой мотивации и творческого потенциала молодых педагогов.

Постановка диагностично заданной цели предопределяет содержание структурных компонентов модели, а также позволяет выстроить систему критериев оценки результатов ее реализации [4].

В современной педагогике для решения теоретических и практических задач широко используется метод моделирования, позволяющий выделить систему структурных компонентов исследуемого объекта и определить направление и механизмы их взаимодействия для достижения поставленных целей.

Структура модели (рис. 1) представлена системно связанными компонентами: целевым, содержательным, процессуальным и оценочно-результативным.

Первый включает ориентацию на профилактическую работу профессионального выгорания молодых учителей.

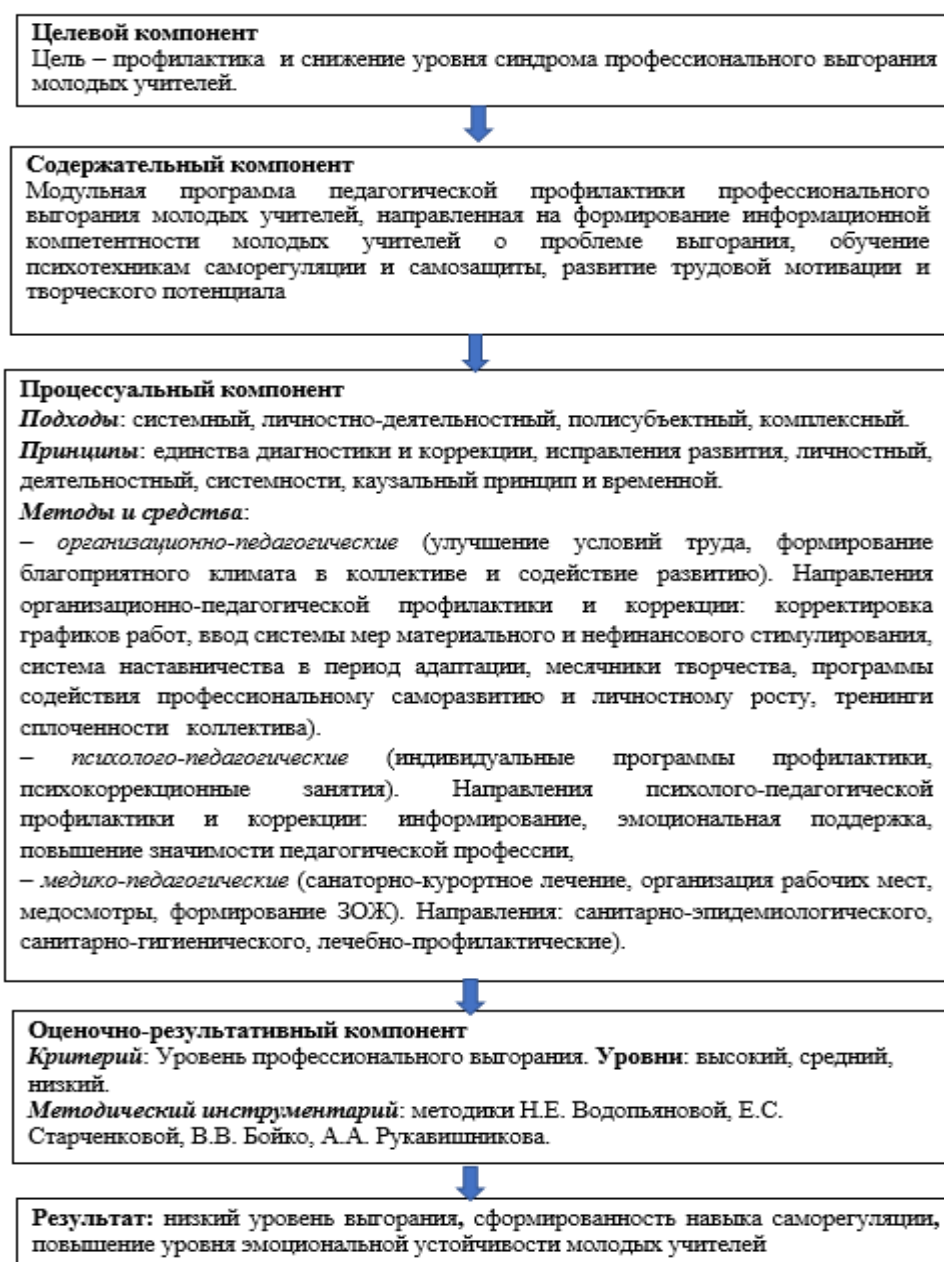

Рис. 1. Модель педагогической профилактики профессионального выгорания молодых учителей

Второй компонент отражает содержание профилактической работы, заключающееся в реализации модульной программы, которая основана на методологических подходах и принципах, проводится в нескольких ключевых направлениях (информировании, поддержке и повышении значимости профессии учителя), с помощью комплекса методов и средств (организационно-педагогических, психо-

лого-педагогических, медицинских). Последний – рефлексию динамики уровня профессионального выгорания у молодых учителей, оцениваемых посредством методики В.В. Бойко, позволяющей классифицировать синдром выгорания по стадиям или фазам [5].

Базами апробации модели профилактики профессионального выгорания молодых учителей стали

общеобразовательные школы г. Грозный. В экспериментальной работе, проводившейся с сентября 2021 по май 2022 года, участвовало 64 молодых учителя, педагогический стаж которых не превышал 5 лет. На начало эксперимента симптоматика молодых педагогических кадров контрольной и экспериментальной группы была достоверно схожей по всем трем фазам выгорания: напряжение, резистенция и истощение. Наибольшая доля учителей в каждой из групп имела уже сложившиеся симптомы профессионального выгорания и достоверно характеризовалась несущественными отклонениями (рис. 2).

В процессе формирующего этапа с учителями экспериментальной группы проводилась профилактическая работа на базе личностного подхода, направленная на формирование базовых личностных эмоциональных установок посредством тренингов, копинговых установок. Вместе с этим, мероприятия затронули и организационные педагогические факторы.

Данные мероприятия в совокупности легли в основу разработанной модульной здоровьесберегающей программы молодых учителей. Была организована специальная площадка – клуб педагогов, участниками которого стали не только молодые учителя экспериментальной

группы, но и опытные наставники-педагоги, родители и ученики. Вместе с этим, молодых педагогов закрепили за рабочими группами администрации Чеченской Республики по работе с семьями и молодежью. По окончании экспериментальной работы был проведен повторный мониторинг симптоматики профессионального выгорания молодых учителей контрольной и экспериментальной группы.

Результаты по контрольной группе молодых учителей показали отсутствие достоверных изменений в сформированности симптомов профессионального выгорания на начальном и конечном этапе эксперимента: наибольшая часть педагогов сосредоточена в группе с ярко выраженными симптомами. Наряду с этим, молодые учителя экспериментальной группы в части сформированности симптомов показали существенные достоверные изменения. Подавляющее число педагогов на конец эксперимента характеризуется неявно выраженными или отсутствием симптомов тревожности, эмоционального напряжения и истощения, редукции профессиональных достижений в отличие от начального этапа экспериментальной работы (рис. 3).

Вместе с этим отличия между группами также достоверны и существенны по фазам напряжения, резистенции и

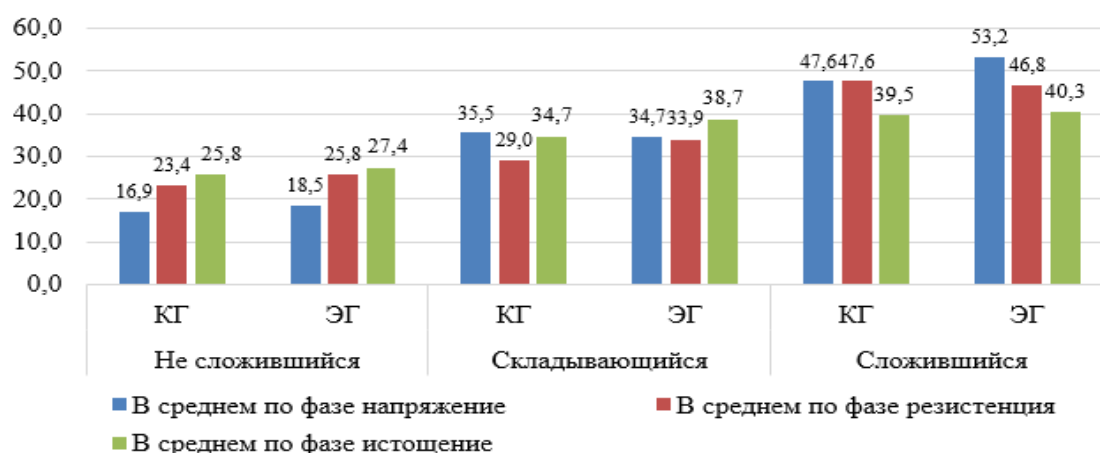

Рис. 2. Сравнительный анализ процентного распределения по фазам истощения молодых учителей контрольной и экспериментальной группы, %

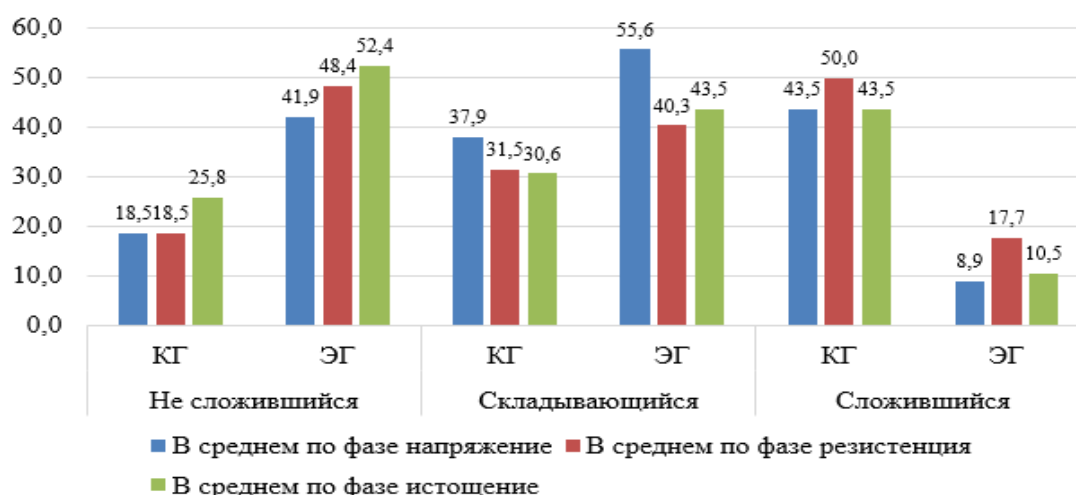

Рис. 3. Сравнительный анализ процентного распределения по фазам истощения молодых учителей контрольной и экспериментальной группы на контрольном этапе эксперимента, %

истощения, о чем свидетельствуют соответствующие значения критерия Пирсона: $\chi^2 = 13.648$, $\chi^2 = 6.154$, $\chi^2 = 8.352$.

Заключение. Реформации в системе образования в совокупности с тенденциями цифровизации и виртуализации детерминируют создание условий, осложняющих полное включение молодых педагогов в современную инновационную педагогическую деятельность, динамичное развитие их профессиональной мотивации, а также затрудняющих реализацию творческого отношения к педагогической деятельности. В этой связи обостряется проблема профессионального выгорания, отсутствие профилактики которого не только затрудняет развитие профессионально-личностного потенциала молодого учителя и повышение качества его педагогической деятельности, но и в ряде

случаев обуславливает уход из профессии молодых педагогических кадров.

Спроектированная модель профилактики профессионального выгорания молодых учителей интегрирует в себе целевой ориентир, единство методологических подходов, векторов профилактической работы и оценочно-результативный характер профилактики.

Апробация модели профилактики профессионального выгорания с учетом реализации модульной здоровьесберегающей программы показала ее эффективность, что подтверждают сравнительные достоверные результаты экспериментальной группы относительно начальной и конечной стадии эксперимента в сравнении с результатами мониторинга контрольной группы на констатирующем и формирующем этапах исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Садовникова Н.О. Профессиональный кризис личности педагога: содержание и основные признаки // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 400–411.
2. Герьянская Н.О. Психоэмоциональное здоровье педагога в условиях модернизации образования // Сибирский психологический журнал. 2008. № 29. С. 86–89.
3. Корзенкова Е.В., Джабатырова Б.К. Детерминанты профессионального выгорания молодых учителей // Наука. Образование. Молодежь: сборник статей XIX Всероссийской научной конференции молодых ученых и аспирантов. Майкоп: АГУ, 2022. С. 61–66.

4. Бегидова С.Н., Джабатырова Б.К., Бегидов В.С. Проектирование образовательных технологий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 8 (151). С. 4–8.

5. Бойко В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб., 2009. 278 с.

REFERENCES:

1. Sadovnikova N.O. Professional crisis of a teacher's personality: content and main features // Scientific dialogue. 2016. No. 11 (59). P. 400–411.

2. Geryanskaya N.O. Psycho-emotional health of a teacher in the conditions of modernization of education // Siberian psychological journal. 2008. No. 29. P. 86–89.

3. Korzenkova E.V., Dzhabatyrova B.K. Determinants of professional burnout of young teachers // Nauka. Education. Youth: collection of articles of the XIX All-Russian scientific conference of young scientists and graduate students. Maikop: ASU, 2022. P. 61–66.

4. Begidova S.N., Dzhabatyrova B.K., Begidov V.S. Designing educational technologies // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2020. No. 8 (151). P. 4–8.

5. Boyko V.V. Syndrome of emotional burnout in professional communication. SPb., 2009. 278 p.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-85-94>
УДК 338.48:004

Панина Е.А.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО КУРСА В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ РАБОТНИКОВ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ

Панина Елена Александровна,

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник управления научной деятельностью ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

e-mail: len_le@mail.ru

тел.: + 7 (903) 466 02 44

Аннотация

Ключевыми факторами экономики нового уклада являются электронные технологии и услуги, а также представленные в цифровом виде образовательные услуги. Сегодня очевидна общепризнанная роль цифровой экономики как драйвера прогрессивных изменений и инструмента качественной модернизации института образования. В условиях цифровой перестройки всех сфер жизнедеятельности человека важнейшее место принадлежит формированию цифровой образовательной среды как инструменту гибкой адаптации учебных заведений к перманентно меняющимся условиям внешней среды (требования федеральных государственных образовательных стандартов, конкурентная борьба вузов в образовательном пространстве, запросы работодателей и пр.). Одним из путей цифровизации образования является внедрение в учебный процесс электронных учебных курсов как инновационного контента организации учебной деятельности. В связи с этим проблема данного исследования может быть сформулирована следующим образом: какова технология проектирования и содержание электронного учебного курса?

Цель работы: раскрыть технологию проектирования электронного учебного курса в контексте профессиональной подготовки будущих работников туристской индустрии. Для достижения указанной цели применялся комплекс научных методов: изучение научной и методической литературы, анализ, проектирование, обобщение.

Результаты исследования: раскрыто понятие «электронный учебный курс», представлены виды электронных учебных курсов; описан алгоритм разработки электронного учебного курса; приведен пример электронного учебного курса по дисциплине «Программный туризм и безопасность туризма»; описаны преимущества использования в учебном процессе подготовки будущих работников индустрии туризма предложенного автором электронного учебного курса.

Ключевые выводы: электронный учебный курс представляет собой самостоятельную учебную единицу, контент электронного обучения, ориентированный преимущественно на самообучение; существует три вида электронных учебных курсов, отличающихся степенью представления материалов рабочих программ – от полного соответствия содержанию рабочей

программы дисциплины до частичного, фрагментарного представления отдельных ее элементов по усмотрению преподавателя; алгоритм проектирования электронного учебного курса представлен определением его структуры в соответствии с установленными каждым вузом требованиями, подготовкой соответствующих дидактических материалов, составлением информационной карты, представлением в системе управления электронным обучением, процедурами утверждения и согласования соответствующими структурами вуза; предложенный автором электронный учебный курс по дисциплине «Программный туризм и безопасность туризма» имеет блочную структуру, содержит параметры представления материала по каждому элементу блока; собственный опыт внедрения в профессиональную подготовку будущих работников индустрии туризма электронного учебного курса показал его востребованность образовательной практикой.

Ключевые слова: электронный учебный курс, учебная дисциплина, вуз, туризм, будущие работники туристской индустрии, образование, профессиональная подготовка, цифровизация образования, безопасность туризма

Для цитирования: Панина Е.А. Проектирование электронного учебного курса в контексте профессиональной подготовки будущих работников туристской индустрии // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 85-94. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-85-94>.

Panina E. A.

DESIGNING AN ELECTRONIC LEARNING COURSE IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE EMPLOYEES IN THE TOURIST INDUSTRY

Panina Elena Alexandrovna,

Candidate of Sociology, an associate professor, a senior researcher of the Department of Scientific Activities of FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, Russia

e-mail: len_le@mail.ru

tel.: + 7 (903) 466 02 44

Abstract

Electronic technologies and services, as well as digital educational services, are the key factors of the new economy. Today the generally recognized role of the digital economy as a driver of progressive changes and a tool for the qualitative modernization of the institution of education is obvious. In the context of digital restructuring of all spheres of human life, the most important place belongs to the formation of a digital educational environment as a tool for the flexible adaptation of educational institutions to permanently changing environmental conditions (requirements of Federal state educational standards, competitive struggle of universities in the educational space, requests from employers, etc.). One of the ways of education digitalization is the introduction of e-learning courses into the educational process as an innovative content for the organization of educational activities. In this regard, the problem of the research can be formulated as follows: what is the design technology and content of the e-learning course?

The purpose of the research is to reveal the technology of designing an electronic training course in the context of professional training of future workers in the tourism industry. To achieve this goal,

a complex of scientific methods has been used: the study of scientific and methodological literature, analysis, design, generalization.

The research results are as follows: the concept of «electronic training course» has been disclosed, types of electronic training courses presented; the algorithm for developing an electronic training course described; an example of an electronic training course on the discipline «Program tourism and tourism safety» given; the advantages of using the e-learning course proposed by the author in the educational process of training future workers in the tourism industry described.

Key findings are e-learning course is an independent learning unit, e-learning content is focused primarily on self-learning; there are three types of e-learning courses, differing in the degree of presentation of the materials of the work programs – from full compliance with the content of the work program of the discipline to a partial, fragmentary presentation of its individual elements at the discretion of the teacher; the algorithm for designing an e-learning course is represented by defining its structure in accordance with the requirements established by each university, preparing the relevant didactic materials, compiling an information map, presenting it in the e-learning management system, approval and coordination procedures by the relevant structures of a university; the electronic training course proposed by the author on the discipline «Program tourism and tourism safety» has a block structure, contains the parameters for presenting the material for each element of the block; own experience of introducing an electronic training course into the professional training of future employees of the tourism industry has showed its relevance in educational practice.

Keywords: e-learning course, academic discipline, university, tourism, future employees of the tourism industry, education, professional training, digitalization of education, tourism safety

For citation: Panina E.A. Designing an e-learning course in the context of professional training of future workers in the tourism industry // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 85-94. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-85-94>.

Цифровизация общества сегодня достигла высокого уровня развития, однако ключевая проблема заключается в недостаточном использовании наиболее прогрессивных достижений в образовательном процессе. Во многом это обусловлено консервативностью части научно-педагогических работников вузов, а порой, и нежеланием использовать в собственной педагогической практике достижения эпохи Индустрии 4.0 [6; 7]. Цифровой сервис сегодня является весьма распространенным явлением, помогающим эргономично организовывать учебный процесс. На законодательном уровне данный феномен закреплён в Национальном проекте «Образование», Федеральном проекте «Цифровая образовательная среда», в которых определены приоритетные ориентиры развития образования в современных условиях цифровизации социума [6].

Исследование различных аспектов цифровизации образования является предметом активного педагогического дискурса. В научных исследованиях активно обсуждаются методологические основы формирования современной цифровой образовательной среды: вопросы дистанционного обучения (Коренева М.В., Поддубная Т.Н., Бирюк Д.В. и др.), модели проектирования и функционирования цифровых образовательных сред (Джум Т.А., Хатит Ф.Р., Леонтьева А.В., Павельев И.Г., Эберт К., Дуарте К.Х.К., Шевцова Ю.В., Полетайкин А.Н., Монастырская Т.И. и др.), технологии онлайн-образования (Балабан Р.А., Грачикова Ю.В., Дорохин Ю.С., Медведев П.Н., Мироненко Е.А., Сергеев А.Н., Малий Д.В., Озерова А.Г., Молчанов Н.Н., Кормильцева М.М. и др.). Как видно из данного обзора, изученность вопроса является довольно-таки достаточной,

однако частные аспекты построения цифровых образовательных сред изучены не в полной мере. На наш взгляд, проблема проектирования электронных учебных курсов в образовательном пространстве вузов практически не рассматривается, несмотря на востребованность электронных учебных курсов в дистанционном образовании, переподготовке и повышении квалификации, в чем и состоит целесообразность разработки данной проблемы.

Анализ исследований, касающихся рассматриваемой проблемы [1–7], позволил заключить, что в современном педагогическом дискурсе применяются понятия «электронный учебный курс», «электронный образовательный курс», «онлайн-курс», которые существенно не отличаются по содержанию.

В «Методических рекомендациях по разработке электронного учебного курса» (Саранск, 2017) под электронным учебным курсом (ЭУК) понимается «...информационная система комплексного назначения, обеспечивающая реализацию дидактических возможностей информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения» [3, с. 2].

Е.А. Мироненко электронным образовательным курсом (ЭОК) называет «программный продукт, включающей в себя теоретические, практические, контролирующие материалы, построенные на принципах интерактивности, информационной открытости, дистанционности и формализованности процедур оценки знаний» [4, с. 344]. По мнению ученого, доминирующей характеристикой ЭОК является интерактивность, которая заключается в поддержании обратной связи между обучающимся и педагогом, за счет чего повышается интенсификация процесса интериоризации, усвоения и творческого решения практико-ориентированных задач.

Существует и определенный пласт работ, касающихся разработки и использования в образовательной деятельности именно онлайн-курсов (О.И. Ваганова, Е.А. Алешугина, К.А. Максимова, Н.В. Гречушкина). Для понимания сущности категории «онлайн-курс» обратимся к статье Н.В. Гречушкина «Онлайн-курс: определение и классификация» (2018), в которой онлайн-курс определен как некая цифровая визуализация логически и структурно завершенной учебной

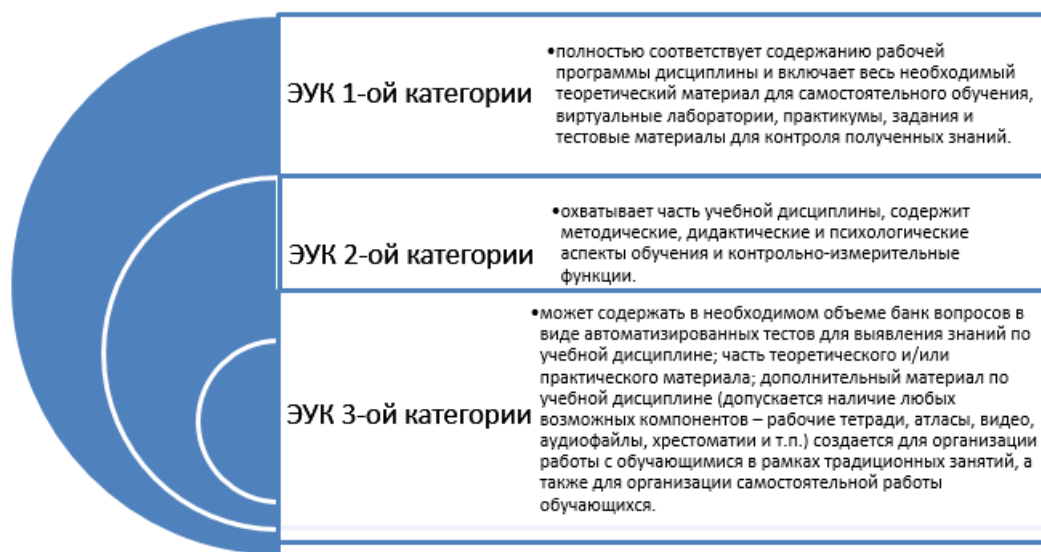

Рис. 1. Виды электронных учебных курсов
(составлено автором по источнику 3)

дисциплины, основанная на совокупности дидактических принципов, актуальных ИКТ-технологий, средств обучения и контроля знаний [2]. Аналогичную интерпретацию дефиниции «онлайн-курс» дают О.И. Ваганова, Е.А. Алешугина, К.А. Максимова. Ученые определяют его некий электронный образовательный ресурс для поддержания учебного процесса в образовательных учреждениях, структура которого четко соответствует рабочей программе [1].

Обратимся к классификации электронных учебных курсов. Традиционно выделяют три вида электронных учебных курсов (рисунок 1).

Следовательно, в ряде исследований ЭУК считается самостоятельной учебной единицей, контентом электронного обучения, используемой преимущественно для самообучения. Эффективность обеспечивается за счет более активного включения обучающихся в процесс не только получения, но и непосредственного использования знаний. В числе основных характеристик электронного учебного курса следует отметить его

тематическую завершенность, логическое структурирование учебного материала, наличие контрольно-измерительных материалов для проверки уровня усвоения материала обучающимися [4].

В настоящее время спектр программного обеспечения для разработки электронных учебных курсов постоянно расширяется, представляя зарубежных и отечественных разработчиков. В число наиболее распространенных программных средств входят Moodle, iSpring Suite, Coursera, CourseLab, Универсариум и др. Выбор программного продукта для разработки электронного учебного курса детерминирован рядом условий, которые зачастую являются прерогативой учебного заведения. Как правило, при выборе программного продукта учитываются следующие его критерии: функциональность, наличие русифицированной версии, методическое сопровождение (поддержка), бесплатная версия или стоимость программы [4].

Для понимания сущности электронного учебного курса рассмотрим алгоритм его разработки (рисунок 2).

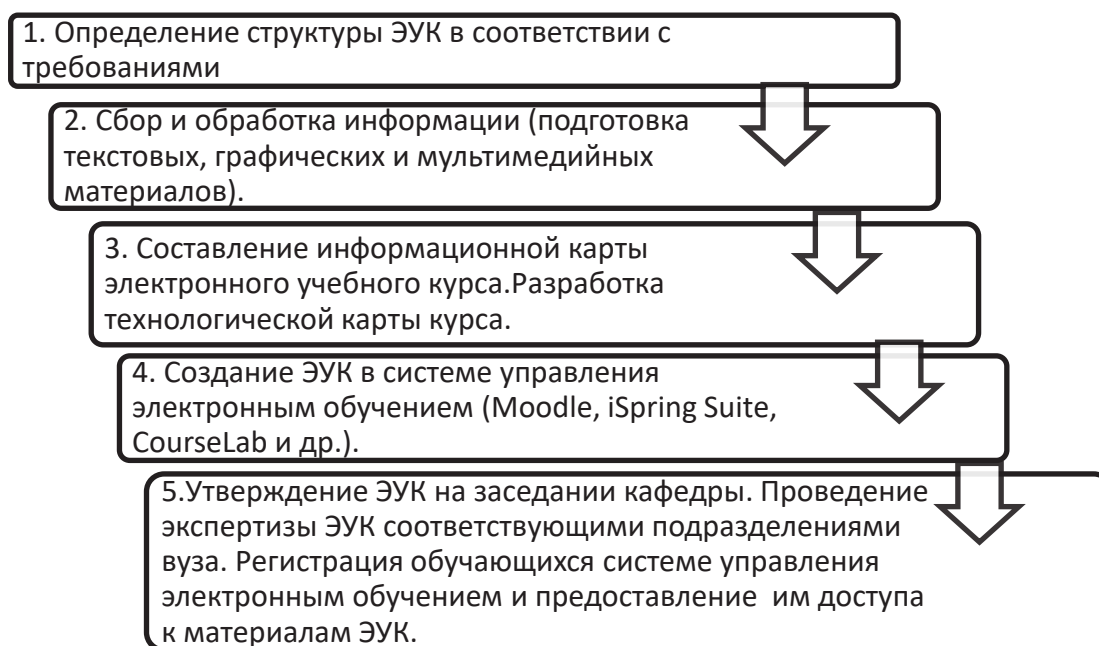

Рис. 2. Алгоритм разработки ЭУК (составлено автором по источнику 3)

К настоящему времени вузами не унифицированы единые требования к структуре и содержанию электронных учебных курсов, что позволяет научно-педагогическими работниками использовать креативный подход к их разработке. Опираясь на рекомендации по разработке ЭУК [3; 5], нами был спроектирован

электронный учебный курс по дисциплине «Программный туризм и безопасность туризма» по направлению подготовки 43.03.02 Туризм, по профилю подготовки (специализации) Технология и организация туроператорских и турагентских услуг. Структура данного ЭУК представлена в таблице 1.

Таблица 1

Электронный учебный курс по дисциплине «Программный туризм и безопасность туризма», направление подготовки 43.03.02 Туризм, профиль подготовки (специализации):

Технология и организация туроператорских и турагентских услуг, квалификация: бакалавр

1. Организационный блок		
Структурные элементы	Краткая информация	Параметры/Примечания
РПД и ФОС	Учебная дисциплина «Программный туризм и безопасность туризма» относится к части, формируемой участниками образовательных отношений Блока 1. Она имеет предшествующие логические и содержательно-методические связи с дисциплинами «Туристско-рекреационное проектирование» и др., а также сопутствующие связи с дисциплинами вариативной части «Практикум по организации работы туристских предприятий», «Модуль получения квалификации и др. Объем дисциплины и виды учебной работы	Формат doc., docx. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://mkgту.ru/sveden/files/Bl.V.13.01_Programmnyy_turizm_i_bezopasnosty_turizma.pdf
Планируемые результаты обучения	Дисциплина направлена на формирование универсальных (УК 8.1–8.3) и профессиональных компетенций, утвержденных вузом (ПКУВ 1.1–1.4) компетенций	Формат doc., docx. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://mkgту.ru/sveden/files/Bl.V.13.01_Programmnyy_turizm_i_bezopasnosty_turizma.pdf (Пункт 3)
Методические рекомендации по изучению дисциплины	Инструкция по работе с ЭУК	Формат doc., docx. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Документ «Файл», «Пояснение».
Информация о преподавателе	Панина Елена Александровна, старший научный сотрудник, доц., канд. социол. наук	Формат doc., docx. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Документ «Файл», «Информация о преподавателе»
2. Информационный блок		
Лекции	Лекции по каждой теме (основной материал). Дополнительный теоретический материал (видеолекции, видеоуроки в соответствии с темами)	Формат PowerPoint Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://...

Продолжение таблицы 1

Практические занятия	Задания по каждой теме. Дополнительные уровневые задания	Формат doc., docx. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://...
Перечень учебно-методического обеспечения для самостоятельной работы обучающихся по дисциплине	Методические указания (собственные разработки). Литература для самостоятельной работы. Учебно-методические материалы для самостоятельной работы обучающихся из числа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)	Формат doc., docx. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://mkgtu.ru/sveden/files/B1.V.13.01_Programmnyy_turizm_i_bezopasnosty_turizma.pdf (Пункт 6)
Дополнительный материал по изучению дисциплины	Презентации, видео, ссылки на учебные издания и научные статьи, справочники и пр.	Мультимедиа, дополнительная информация. Формат doc., docx, pdf. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://...
Глоссарий	Базовые дефиниции по дисциплине	Формат doc., docx. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://...
3. Оценочный блок		
Тестовая база	Тесты для текущего контроля. Тесты для итогового контроля	Формат doc., docx, pdf. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://...
Тематика рефератов	Примерные темы рефератов для текущего контроля знаний	Формат doc., docx, pdf. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://...
Экзамен	Требования и критерии оценивания знаний, умений и навыков на экзамене	Формат doc., docx, pdf. Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://...
Электронный журнал успеваемости	Ведомость результатов выполнения контрольных заданий, ежемесячной аттестации	Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ Ссылка: https://... Документ «Журнал успеваемости»
4. Коммуникативный блок		
Новостной форум	Новости по курсу	Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ «Новостной форум»
Общий форум по курсу	Обратная связь с обучающимися через вопросы, консультирование, обсуждение и пр.	Ресурс ЭИОС&LMS МГТУ «Форум»

В таблице 2 представлена информационная карта по учебному курсу.

Практический опыт внедрения разработанного нами ЭУК по дисциплине «Программный туризм и безопасность туризма» в образовательный процесс вуза позволил выделить ряд задач, которые

были успешно решены с помощью данного электронного курса:

Выработка практических навыков по определенной теме. Например, можно научить проводить инструктаж по технике безопасности, выявлять страховые риски, обеспечивать

Таблица 2

**Информационная карта электронного учебного курса по дисциплине
«Программный туризм и безопасность туризма», направление подготовки
43.03.02 Туризм, профиль подготовки (специализации):
Технология и организация туроператорских и турагентских услуг, квалификация: бакалавр**

Сведения о дисциплине, для которой разработан ЭУК	
Название дисциплины	Программный туризм и безопасность туризма
Шифр, направление подготовки	43.03.02 Туризм Профиль подготовки (специализации): Технология и организация туроператорских и турагентских услуг
Курс, группа, форма обучения	3 курс, 6 семестр, очная форма обучения
Кол-во часов / ЗЕТ	144/4 (лекций – 17 ч., практических занятий – 34 ч.)
Форма контроля	Экзамен (6 семестр)
Характеристика ЭУК	
Аннотация	Ссылка: https://... Документ «Аннотация»
Доступность	Пользователями могут быть только зарегистрированные и включенные пользователи
Язык интерфейса	Русский
URL	Ссылка: https://...
Ключевые слова	Программный туризм, безопасность туризма, туристский продукт, внутренний туризм, международный туризм.
Автор/ы	Панина Елена Александровна
Должность	Старший научный сотрудник, доцент, кандидат <u>социологических наук</u> .
e-mail:	len_le@mail.ru
% от авторства	70%

безопасность туристов во время путешествия.

Адаптация новых обучающихся к учебному процессу. Обучающиеся (вновь прибывшие или пропустившие занятия) благодаря курсу имеют возможность ознакомиться в свободном режиме с дисциплиной, требованиями, предъявляемыми в процессе ее изучения.

Отработка знаний, умений и навыков, полученных на учебных занятиях в офлайн-режиме. ЭУК могут включать разнообразные практикумы, упражнения, кейсы, тестовые задания, тренажеры, ориентированные на закрепление изученного материала.

Удобный формат обучения: предоставляет возможность не прерывать

учебный процесс в силу различных обстоятельств, предоставляя возможность обучения в дистанционном формате независимо от количества обучающихся; содержит дозированную информацию, предоставляя возможность вернуться к учебным материалам в любое время и любом месте; позволяет удерживать внимание за счет включения различных инструментов (видеопрезентаций, интерактивных упражнений, элементов геймификации и пр.).

В работе предпринята попытка представить опыт проектирования электронного учебного курса, показаны преимущества организации такой учебной деятельности. Вполне очевидно, что представленный пример

электронного учебного курса нужно в образовательном процессе вуза, что дается в дополнительной коррективной может стать предметом наших дальнейшей, более тщательной апробации в нейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ваганова О.И., Алешугина Е.А., Максимова К.А. Проектирование электронных учебных курсов [Электронный ресурс] // АНИ: педагогика и психология. 2019. № 3 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-elektronnyh-uchebnyh-kursov> (дата обращения 18.01.2023).
2. Гречушкина Н.В. Онлайн-курс: определение и классификация // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 6. С. 125–134.
3. Методические рекомендации по разработке электронного учебного курса [Электронный документ]. Саранск, 2017. URL: <https://do.mrsu.ru/documents/recomend2.pdf> (дата обращения 17.01.2023).
4. Мироненко Е.А. Применение электронных учебных курсов в обучении // Молодой ученый. 2021. № 18 (360). С. 344–346.
5. Проектирование фондов оценочных средств как условие реализации ФГОС ВО / Т.Н. Поддубная [и др.] // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 1. С. 104–113.
6. Цифровая экономика и сквозные цифровые технологии: современные вызовы и перспективы экономического, социального и культурного развития / О.Ю. Абашева [и др.]. Самара: ПНК, 2020. 297 с.
7. Цифровой сервис: перспективный ориентир современного образования / Павельев И.Г. [и др.] // Компетентность. 2021. № 4. С. 5–9.
8. Effects of online strategies on students' learning performance, self-efficacy, self-regulation and critical thinking in university online courses / C.Y. Chang [et al.] // Educational Technology Research and Development. 2022. Vol. 70, No. 1. P. 185–204.
9. The Potential of The Electronic Information-Educational Environment of A University In Professional Education: Trends And Prospects / E.V. Barashkina [et al.] // Propositos y Representaciones. 2021. Vol. 9, No. S3. P. 1257.

REFERENCES:

1. Vaganova O.I., Aleshugina E.A., Maximova K.A. Designing e-learning courses [Electronic resource] // API: Pedagogy and Psychology. 2019. No. 3 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-elektronnyh-uchebnyh-kursov> (accessed 18/01/2023).
2. Grechushkina N.V. Online course: definition and classification // Higher education in Russia. 2018. V. 27, No. 6. P. 125–134.
3. Guidelines for the development of an electronic training course [Electronic document]. Saransk, 2017. URL: <https://do.mrsu.ru/documents/recomend2.pdf> (Accessed 17/01/2023).
4. Mironenko E.A. The use of e-learning courses in education // Young scientist. 2021. No. 18 (360). P. 344–346.
5. Designing funds for appraisal funds as a condition for the implementation of the Federal State Educational Standards of Higher Education / T.N. Poddubnaya [et al.] // Bulletin of Maikop State Technological University. 2019. Issue. 1. P. 104–113.
6. Digital economy and end-to-end digital technologies: modern challenges and prospects for economic, social and cultural development / O.Yu. Abasheva [et al.]. Samara: PNK, 2020. 297 p.

7. Digital service: a promising landmark of modern education / Pavelyev I.G. [et al.] // Competence. 2021. No. 4. P. 5–9.

8. Effects of online strategies on students' learning performance, self-efficacy, self-regulation and critical thinking in university online courses / C.Y. Chang [et al.] // Educational Technology Research and Development. 2022. Vol. 70, No. 1. P. 185–204.

9. The Potential of the Electronic Information-Educational Environment of a University in Professional Education: Trends and Prospects / E.V. Barashkina [et al.] // Propósitos y Representaciones. 2021 Vol. 9, No. S3. P. 1257.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-95-102>
УДК 338.48-2-056-26

Т.Н. Поддубная

ДОСТУПНЫЙ ТУРИЗМ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС ДЛЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Поддубная Татьяна Николаевна,

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», Краснодар, Россия

e-mail: tpodd@mail.ru

тел.: +7 (928) 468 43 58

Аннотация

Ключевыми факторами экономики нового уклада является формирование доступной среды для людей с инвалидностью, в том числе и детей с ограниченными возможностями, что входит в число приоритетных задач государств, включенных в мировое образовательное пространство, и рассматривается как реализация конституционных прав граждан. Данная деятельность инициирована рядом международных и отечественных документов. В нашей стране формирование доступной среды осуществляется в аспекте реализации Государственной программы РФ «Доступная среда», предусматривающей создание безбарьерной среды для эффективной интеграции в общество граждан с ограниченными возможностями здоровья. Это особым образом инициирует педагогические исследования, посвященные вопросам изучения образовательных возможностей доступного туризма для полноценной интеграции в обществе детей с ограниченными возможностями. Данное обстоятельство подтверждает актуальность нашего исследования и позволило сформулировать проблему исследования, которая заключается в выявлении возможностей доступного туризма как образовательного ресурса для социализации детей с ограниченными возможностями.

Цель исследования: обосновать возможности доступного туризма как образовательного ресурса для социализации детей с ограниченными возможностями. Для реализации указанной цели использовались следующие методы исследования: изучение научной литературы и сведений интернет-источников, анализ, обобщение, описание.

Результаты исследования: раскрыта роль культурно-познавательного туризма как эффективного инструмента социальной реабилитации несовершеннолетних с ограниченными возможностями здоровья в условиях специально организованной доступной среды; на примере безбарьерного инклюзивного туризма описан опыт использования доступной среды как образовательного ресурса для социализации детей с ограниченными возможностями.

Ключевые выводы: культурно-познавательный туризм оказывает влияние на воспитание личности ребенка с инвалидностью, развивая, прежде всего, его эмоционально-ценностное отношение к культурному наследию и создавая условия для духовной сублимации его

потребностей, которые не могут зачастую быть удовлетворены в реальной жизни; создание безбарьерной среды применительно к туристской деятельности включает технологии дополненной реальности (мобильные приложения для музеев, виртуальные экскурсии, экскурсии на жестовом языке, тактильные карты и др.). Сформулирован вывод о том, что развитие доступного туризма выступает мощным фактором социализации детей с ограниченными возможностями в условиях новой образовательной среды.

Ключевые слова: доступная среда, безбарьерная среда, доступный туризм, дети с ограниченными возможностями, технологии дополненной реальности, музейная педагогика, образовательный ресурс, социализация детей с ограниченными возможностями, доступность культурно-исторических ресурсов для детей-инвалидов

Для цитирования: Поддубная Т.Н. Доступный туризм как образовательный ресурс для социализации детей с ограниченными возможностями // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 95-102. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-95-102>.

T.N. Poddubnaya

ACCESSIBLE TOURISM AS AN EDUCATIONAL RESOURCE FOR THE SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES

Poddubnaya Tatyana Nikolaevna,

Doctor of Pedagogy, an associate professor, a professor of the Department of Social and Cultural Service and Tourism of FSBEI HE «Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism», Krasnodar, Russia

e-mail: tpodd@mail.ru

tel.: +7 (928) 468 43 58

Abstract

The key factors in the new economy are formation of an accessible environment for people with disabilities, including disabled children. This issue is one of the priorities of the states included in the world educational space and is considered as the realization of the constitutional rights of citizens. This activity was initiated by a number of international and domestic documents. In our country the formation of an accessible environment is carried out in the aspect of the implementation of the State Program of the Russian Federation «Accessibility», which provides for the creation of a barrier-free environment for the effective integration of citizens with disabilities into society. This initiates pedagogical research devoted to the study of the educational opportunities of accessible tourism for the full integration of children with disabilities in society. This circumstance confirms the relevance of our research and allowed us to formulate the research problem, which is to identify the possibilities of accessible tourism as an educational resource for the socialization of children with disabilities.

The purpose of the research is to substantiate the possibilities of accessible tourism as an educational resource for the socialization of children with disabilities. To achieve this goal, the following research methods were used: the study of scientific literature and information from Internet sources, analysis, generalization, description.

The results of the research are as follows the role of cultural and educational tourism as an effective tool for the social rehabilitation of minors with disabilities in a specially organized accessible

environment has been revealed. Using the example of barrier-free inclusive tourism, the experience of using the accessible environment as an educational resource for the socialization of children with disabilities has been described.

Key conclusions are: cultural and educational tourism has an impact on the education of the personality of a disabled child, developing, first of all, his emotional and value attitude to cultural heritage and creating conditions for the spiritual sublimation of his needs, which can often not be satisfied in real life; the creation of a barrier-free environment in relation to tourism activities includes augmented reality technologies (mobile applications for museums, virtual tours, tours in sign language, tactile maps, etc.). The conclusion is drawn that the development of accessible tourism is a powerful factor in the socialization of children with disabilities in a new educational environment.

Keywords: accessible environment, barrier-free environment, accessible tourism, children with disabilities, augmented reality technologies, Museum Pedagogy, educational resource, socialization of children with disabilities, accessibility of cultural and historical resources for children with disabilities

For citation: Poddubnaya T.N. Accessible tourism as an educational resource for the socialization of children with disabilities // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 95-102. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-95-102>.

По данным Федерального реестра инвалидов, общая численность детей с инвалидностью в России в 2022 году составляла 739 681 человек, что составляет 6,2% от общей численности инвалидов в стране [5] (рисунок 1).

Вполне очевидно, что данная специфическая категория нуждается в формировании специальных условий жизни, которые максимально содействовали бы эффективной их социализации, включая умственное и физиологическое развитие.

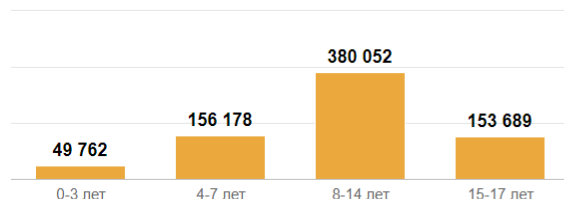
Социализации детей с ограниченными возможностями может способствовать и специально организованная туристская деятельность (например, музейная педагогика, экскурсионная деятельность). Благодаря своей функциональной специфике культурно-познавательный туризм является эффективным инструментом социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья [6]. В нашей стране реализуется Государственная программа Российской

ПО ПОЛУ

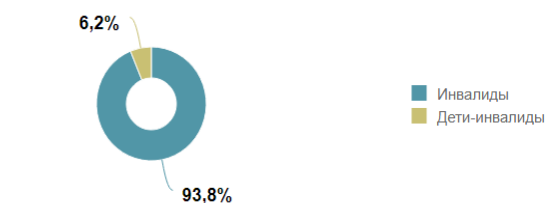

По полу

ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ

ДОЛЯ В ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ ИНВАЛИДОВ

Доля

Рис. 1. Статистика детей-инвалидов в Российской Федерации, 2022 г. [5]

Федерации «Доступная среда», в рамках которой предусмотрено создание безбарьерной среды, а именно оснащение всех культурных организаций, мест отдыха специальными сооружениями: пандусами, автоматическими дверями, лифтами и прочим; организация работы специалистов с инвалидами; создание групп по общению инвалидов и совместной реабилитации и восстановления; просветительская работа по взаимодействию с инвалидами. При этом особое внимание уделено информационно-методическому обеспечению и выработке дополнительных мер по формированию и развитию доступной среды жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения, включая образовательные и культурно-просветительские учреждения [1]. Доступный туризм рассматривается в числе средств реализации указанной государственной программы. Данные обстоятельства актуализируют научно-исследовательские разработки в данном вопросе, а также внедрение их результатов в педагогическую практику.

Формирование доступной среды для детей с ограниченными возможностями входит в число приоритетных задач государств, включенных в мировое образовательное и туристское пространство [9; 10]. Отметим, что рост внимания к потребностям людей с ограниченными возможностями, включая несовершеннолетних, создание условий для их полноценной социализации в обществе являются главными причинами формирования безбарьерной среды для такой категории граждан, включая и туристский сектор. В современном мире безбарьерная среда означает универсальную возможность людей путешествовать и пользоваться услугами туристической индустрии без каких-либо ограничений в контексте реализации прав человека, а доступный туризм определяется как способ сделать туристические места более доступными для всех групп населения.

В настоящее время создание безбарьерной среды во многом фасилицировано цифровой революцией, которая коснулась всех сфер человеческой жизни, что значительно расширило возможности социализации детей с ограничением жизнедеятельности. Технологии дополненной реальности в эпоху Индустрии 4.0 позволяют создавать доступную среду для туристов с ограниченными возможностями, расширяя горизонты для интеграции таких детей в общество. Ниже *остановимся на некоторых современных практиках* развития доступного туризма как актуального образовательного ресурса социализации детей с ограниченными возможностями.

В настоящее время самым распространенным образовательным ресурсом являются мобильные приложения. Мобильные приложения активно внедряются в музейную работу с особыми посетителями и содержат в большинстве виртуальный маршрут по музею. Такие приложения есть у всех крупных музеев мира. В нашей стране, например, в Музее современного искусства «Гараж» (г. Москва) создано для детей с ментальными особенностями мобильное приложение «Я иду в музей», которое на доступном языке позволяет узнать об экспозициях музея, а также пройти в игровой форме интерактивные квесты и викторины [4] (рисунок 2).

В Музее современного искусства «Гараж» работает специальный отдел инклюзивных программ, сотрудники которого ориентируют пространство музея к особым потребностям посетителей. Глухие гиды проводят экскурсии для глухих и слабослышащих, а для незрячих гостей экскурсии проводят с использованием тактильных моделей и сопровождают тифлокомментированием [4]. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (г. Москва) еженедельно проводит экскурсии на русском жестовом языке и с

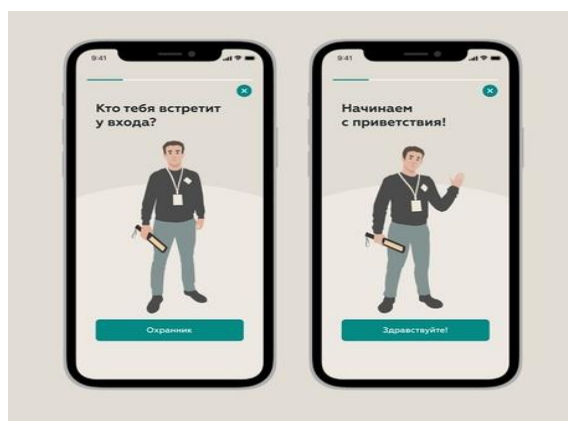

Рис. 2. Мобильное приложение для детей с ментальными особенностями «Я иду в музей» [4]

тифлокомментированием для детей и взрослых с особыми потребностями по постоянной экспозиции и временным выставкам. Для незрячих и слабовидящих создана тактильная экспозиция, а также подкаст «ТифлоМузей», где посетители могут послушать описания знаменитых произведений. В музее работает карта сенсорной безопасности, для создания которой были привлечены нейробиологи, психологи, тьюторы, люди с аутизмом, представители родительских ассоциаций. На сайте можно скачать «социальную историю» – комикс, помогающий ребенку или взрослому с особенностями подготовиться к визиту в музей [2].

Музейный комплекс ВДНХ в Москве реализует для инвалидов по зрению приложение «Говорящий город», которое ориентирует посетителей в пространстве

музейно-выставочных проектов [8]. Некоторые музеи разрабатывают для людей с нарушениями слуха и речи интерактивные программы на родных языках жестов (Видеогиды). В нашей стране такие программы работают в некоторых музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Казани (рисунок 3).

Определенный интерес представляет исследование З.А. Семеновой и Е.С. Масловой, посвященное оценке объектов туристского показа города Санкт-Петербурга в контексте доступной среды как особого образовательного ресурса для детей с ограниченными возможностями. Учеными предложена 5-балльная оценка, где 0 баллов – отсутствие доступной среды, 1 – свободная доступность объекта. Такой подход позволил музеи

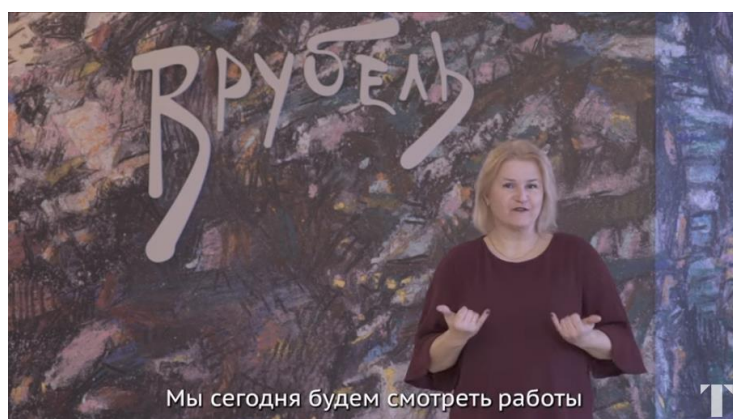

Рис. 3. Видеогид «Третьяковская галерея на русском жестовом языке», г. Москва [7]

Оценка объектов туристского показа проводилась по 5 критериям, описывающим доступность для разных категорий детей с ОВЗ. По каждому параметру начислялось от 0 до 1 балла, где: 0 – отсутствие доступности, 0.5 – частичная доступность, 1 – свободная доступность объекта. По итогам оценки были выведены процентные показатели доступности.	
Высокий показатель доступности	Низкий показатель доступности
ФГБУК «Государственный Эрмитаж» (Главный музейный комплекс и Главный штаб)	Зоологический музей Российской академии наук
Государственный музей политической истории России (Главное здание музея)	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Санкт-Петербургский музей Хлеба	СПб ГУП «Зоопарк»

Рис. 4. Доступность культурно-исторических ресурсов для детей-инвалидов в г. Санкт-Петербурге [6]

города дифференцировать на две группы: культурно-исторические ресурсы с высоким показателем доступности и культурно-исторические ресурсы с низким показателем доступности (рисунок 4) [6].

Интересные инклюзивные программы для детей реализуются не только в столичных музеях. В Астраханской картинной галерее функционируют арт-мастерские для детей с ментальными особенностями, на экспозиции в Омском музее изобразительных искусств имени Михаила Врубеля юные посетители могут попробовать песком изобразить представленные на картинах сюжеты [2].

В Санкт-Петербурге, Новосибирске, Мурманске и других городах в экскурсионной деятельности с незрячими туристами используется тактильная карта города с изображением основных достопримечательностей и поясняющим текстом шрифтом Брайля. В образовательной деятельности используется и тактильно-звуковая 3D-карта России, которая позволяет расширить географические знания детям с нарушением опорно-двигательного аппарата и нарушениями функций зрения и слуха. Она содержит все географические объекты (моря, океаны, крупнейшие реки, горы) в рельефном 3D-исполнении. По всему периметру карта России оборудована звуковыми информационными

кнопками с информацией о географических координатах.

В ряде крупных городов маломобильными гражданами используются онлайн-карты доступности. Одним из таких ресурсов является онлайн-карта Wheelmap. Данный ресурс ориентирован на выбор инвалидами-колясочниками оптимального безопасного маршрута. На карте уровень доступности маршрутов отмечен цветами светофора: зеленым – полностью доступные объекты, желтым – частично доступные, красным – недоступные (рисунок 5).

Таким образом, культурно-познавательный туризм оказывает влияние на воспитание личности ребенка, развивая, прежде всего, его эмоционально-ценностное отношение к культурному наследию, опыту, позволяя извлекать информацию из первоисточника через наблюдение и общение с миром культуры. При этом взаимодействии музейные педагоги, экскурсоводы, гиды создают условия для духовной сублимации тех потребностей, которые не могут зачастую быть удовлетворены в реальной жизни детей с инвалидностью [3]. Создание безбарьерной среды позволяет расширить возможности социокультурного пространства, способствуя расширению представлений об окружающем мире у детей с ограниченными возможностями. Доступный туризм выступает

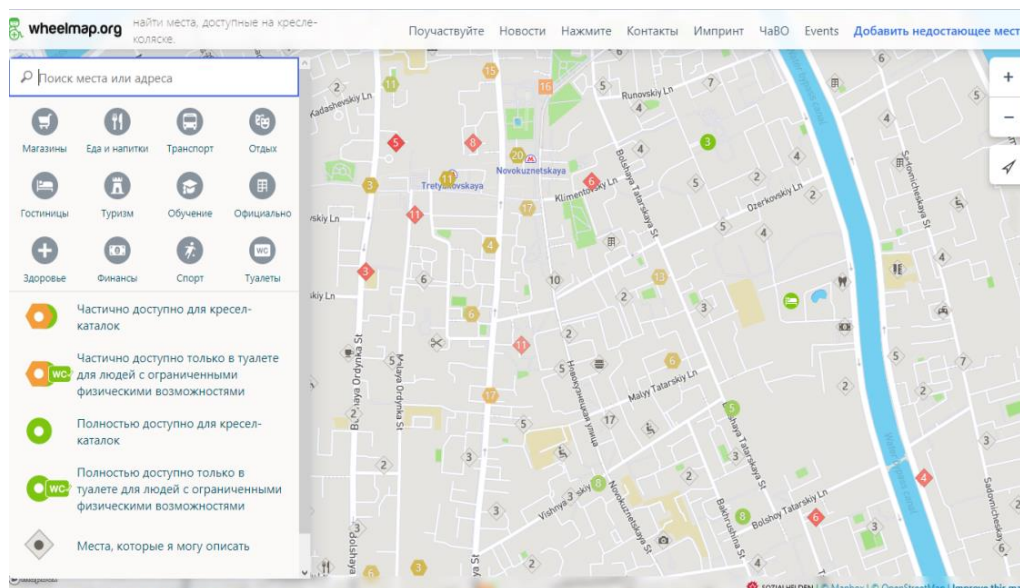

Рис. 5. Онлайн-карта Wheelmap (<https://wheelmap.org/search>)

дополнительным образовательным ресурсом, эффективным способом социальной интеграции в общество несовершеннолетних граждан с инвалидностью, улучшая в целом качество их жизни.

Представленное исследование может представлять интерес для

специалистов при разработке частных методик социализации и социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями, а представленные новые обобщения вносят определенный вклад в развитие теории помогающих профессий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» [Электронный ресурс]: утв. постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 года № 363: URL <https://docs.cntd.ru/document/554102819> (дата обращения 30.11.2022).
2. Инклюзивный музей: как устроены программы для людей с инвалидностью [Электронный документ] / Н. Прохорова. Режим доступа: <https://pro-palliativ.ru/blog/inklyuzivnyj-muzej-kak-ustroeny-programmy-dlya-lyudej-s-invalidnostyu/>.
3. Макеева И.А. Потенциал музея в реабилитационной работе с детьми-сиротами // Молодой ученый. 2011. Т. 2, № 2 (25). С. 96–99.
4. Музей «Гараж» запускает мобильное приложение для детей с ментальными особенностями «Я иду в музей» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://artguide.com/news/8152> (дата обращения 21.11.2022).
5. Пенсионный Фонд Российской Федерации: [сайт]. М., 2022. URL: <https://sfri.ru> (дата обращения 11.11.2022).
6. Семенова З.А., Маслова Е.С. Туризм как средство социализации детей с ограниченными возможностями здоровья // Colloquium-Journal. 2019. № 27-1(51). С. 9–11.
7. Третьяковская галерея. Видеогид [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=hIk-N00hExo&list=PL81xh7hlw3gbrnAM-yTlCkvhWSOJb9SJS>.
8. 15 проектов, которые делают туризм доступным для всех [Электронный ресурс]. URL <https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/615167b89a79470e708872be> (дата обращения 20.07.2022).

9. Dziatkovskaya E.N., Dlimbetova G.K., Dziatkovsky A.D. Accessible education: designing the educational environment for sustainable development // Журнал Белорусского государственного университета. Экология. 2021. № 4. P. 20–27.

10. Lersilp S., Putthinoi S., Lersilp Th. Facilitators and Barriers of Assistive Technology and Learning Environment for Children with Special Needs // Occupational Therapy International. 2018. No. 5. P. 2–9.

REFERENCES:

1. State program of the Russian Federation «Accessibility» [Electronic resource]: approved by Decree of the Government of the Russian Federation of March 29, 2019 No. 363: URL <https://docs.cntd.ru/document/554102819> (date of access 30/11/2022).

2. Inclusive museum: how programs for people with disabilities work [Electronic document] / N. Prokhorova. Access mode: <https://pro-palliativ.ru/blog/inklyuzivnyj-muzej-kak-ustroyeny-programmy-dlya-lyudej-s-invalidnostyu/>.

3. Makeeva I.A. The potential of a museum in the rehabilitation work with orphans // A young scientist. 2011. Vol. 2, No. 2 (25). P. 96–99.

4. The Garage Museum launches a mobile application for children with mental disabilities «I'm going to the museum» [Electronic resource]. Access mode: <https://artguide.com/news/8152> (accessed 21/11/2022).

5. The Pension Fund of the Russian Federation: [website]. M., 2022. URL: <https://sfri.ru> (accessed 11.11.2022).

6. Semenova Z.A., Maslova E.S. Tourism as a means of socialization of children with disabilities // Colloquium-Journal. 2019. No. 27-1(51). P. 9–11.

7. The Tretyakov Gallery. Video guide [Electronic resource]. Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=hIk-N00hExo&list=PL81xh7hlw3gbrnAM-yTlCkvhWSOJb9SJS>.

8. 15 projects that make tourism accessible to all [Electronic resource]. URL <https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/615167b89a79470e708872be> (Accessed 20/07/2022).

9. Dziatkovskaya E.N., Dlimbetova G.K., Dziatkovsky A.D. Accessible education: designing the educational environment for sustainable development // Journal of the Belarusian State University. Ecology. 2021. No. 4. P. 20–27.

10. Lersilp S., Putthinoi S., Lersilp Th. Facilitators and Barriers of Assistive Technology and Learning Environment for Children with Special Needs // Occupational Therapy International. 2018 No. 5. P. 2–9.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-103-109>
УДК 378-054.6

Спичак Н.Г., Фёдорова И.В.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Спичак Николай Григорьевич,

старший преподаватель ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», Сыктывкар, Россия

e-mail: nikolya_spichak@mail.ru

тел.: +7 (912) 557 18 20

Фёдорова Ирина Валерьевна,

старший преподаватель ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», Сыктывкар, Россия

e-mail: irinyodorov@yandex.ru

тел.: +7 (908) 718 64 32

Аннотация

Иностранные граждане обучаются в российских вузах по образовательным программам в соответствии с ФГОС, рассчитанным на довузовскую подготовку российских граждан. Особенно явственно это прослеживается при формировании универсальных компетенций (УК). Выявление и поиск решения возникающих при этом проблем определяют актуальность предпринятого исследования.

Мы поставили целью определить, насколько существенны различия между содержанием довузовского российского и иностранного образования, необходимым для формирования УК-11 – гражданская позиция и сопряженной с ней УК-9 – инклюзивная культура, применив для этого метод сравнительного анализа. Материалом послужили документы об иностранном образовании.

При разработке образовательной программы в части формирования УК-11 вузы учитывают преемственность с общеобразовательным предметом обществознание, который российские школьники изучают на базовом или углубленном уровне. В связи с этим содержание иностранного образования оценивалось с позиции присутствия в нем дисциплин предметной области «общественные науки». Проведенный анализ показал полное или частичное их отсутствие в довузовском иностранном образовании. Между тем оказалось, что инклюзивная позиция многих иностранных студентов, в отличие от российских, практически сформирована.

Таким образом, вузу необходимо разрабатывать индивидуальные образовательные программы для иностранных обучающихся, предусматривающие расширение перечня вариативных и факультативных дисциплин, изменение соотношения контактной работы с преподавателем и самостоятельной работы обучающегося. Оптимальной формой остается

предшествующее или параллельное освоение специально разработанной дополнительной образовательной программы.

Ключевые слова: довузовское образование, предметная область, универсальные компетенции, преемственность уровней образования, иностранное образование, инклюзия, инклюзивная культура, федеральный государственный образовательный стандарт, образовательная программа

Для цитирования: Спичак Н.Г., Фёдорова И.В. К вопросу о формировании универсальных компетенций иностранных студентов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 103-109. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-103-109>.

Spichak N.G., Fedorova I.V.

REVISITING THE FORMATION OF UNIVERSAL COMPETENCES OF FOREIGN STUDENTS

Spichak Nikolay Grigorievich,

a senior lecturer of FSBEI HE «Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin», Syktyvkar, Russia

e-mail: nikolya_spichak@mail.ru

tel.: +7 (912) 557 18 20

Fedorova Irina Valerievna,

a senior lecturer of FSBEI HE «Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin», Syktyvkar, Russia

e-mail: irinfyodorov@yandex.ru

tel.: +7 (908) 718 64 32

Abstract

Foreign citizens study at Russian universities according to educational programs in accordance with the Federal State Educational Standard, designed for pre-university training of Russian citizens. This is especially evident in the formation of universal competencies (UC). The identification and search for the solution to the problems that arise in this case determine the relevance of the research.

We set a goal to determine how significant the differences were between the content of pre-university Russian and foreign education, which is necessary for the formation of UC-11 – citizenship and UC-9 associated with it – inclusive culture, using the method of comparative analysis. Documents on foreign education served as the material.

When developing an educational program in terms of the formation of UC-11, universities take into account continuity with the general educational subject of social science, which Russian students study at a basic or advanced level. In this regard, the content of foreign education was assessed from the standpoint of the presence of the disciplines of the subject area «Social sciences». The analysis carried out showed their complete or partial absence in pre-university foreign education. Meanwhile, it turned out that the inclusive position of many foreign students, unlike Russian students, was practically formed.

Thus, the university needs to develop individual educational programs for foreign students, providing for the expansion of the list of variable and optional disciplines, changing the ratio of contact work with a teacher and student's independent work. The optimal form remains the previous or parallel development of a specially designed additional educational program.

Keywords: pre-university education, subject area, universal competencies, continuity of education levels, foreign education, inclusion, inclusive culture, Federal state educational standard, educational program

For citation: Spichak N.G., Fedorova I.V. Revisiting the formation of universal competencies of foreign students // Vestnik Majkopskogo gosudarstvenno-go tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 103-109. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-103-109>.

За последнее десятилетие процесс интернационализации высшего образования, проявившийся в том числе в увеличении количества иностранных студентов в региональных вузах, существенно активизировался. Иностранные граждане либо обучаются по тем же профессиональным образовательным программам, что и российские студенты (могут варьироваться лишь способы обучения, например, с частичной или полной реализацией на иностранном языке), либо по специально разработанной образовательной программе, но в обоих случаях сформированных на основе соответствующего федерального государственного образовательного стандарта (далее – ФГОС). ФГОС в свою очередь объективно рассчитан на определенную довузовскую подготовку российских граждан; при этом предполагается, что на начальном этапе освоения образовательных программ иностранные студенты имеют равные позиции с российскими студентами. Между тем такой подход чаще всего не оправдан; особенно явственно это прослеживается в реализации требований ФГОС к формированию ряда универсальных компетенций (УК) [9].

Как справедливо утверждают исследователи, «преемственность в образовании выступает важнейшим условием его непрерывного развития, с одной стороны, и стабильности – с другой». [3, с. 23–24]. Очевидно, что содержание довузовского образования в зарубежных странах и в России не соотносится (частично соотносится). Вузы сосредоточивают внимание

главным образом на языковой подготовке иностранных студентов, в том числе в области будущей профессиональной деятельности (медицина, инженерное дело и др.), что, безусловно, имеет важное значение. Между тем этих усилий недостаточно и необходимо провести ряд мероприятий, обеспечивающих иностранным студентам равные с российскими студентами условия для освоения образовательных программ с целью сформировать у них не только профессиональные (hard skills), но и универсальные (soft skills) компетенции.

Напомним, что в последнем поколении ФГОС (так называемый ФГОС 3++) сформулировано 11 групп (категорий) УК. Термин «универсальные компетенции» используется здесь «для обозначения непредметных компетентностей, которые способствуют достижению успеха в самых разных сферах профессиональной деятельности» [3, с. 7]. Вне всякого сомнения, УК могут быть сформированы только в системе, то есть и «в ходе освоения предметного содержания дисциплин», и «во внеурочной деятельности, в ходе производственных практик и научно-исследовательской работы» [7, с. 6]. Между тем, предметная составляющая (перечень учебных предметов и их содержание) приобретает принципиальную значимость. Покажем это на примере УК-11 – гражданская позиция, характеризующей результат как способность формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению.

Наименование самой категории – *гражданская позиция* – гораздо шире, чем

формулируемый результат (оценка) ее формирования. В попытках определить суть понятия «гражданская позиция» исследователи прежде всего обращаются к Всеобщей декларации прав человека, в которой данное понятие трактуется как «ответственное выполнение гражданского долга», и развивают его с разных (философской, социологической, психологической, педагогической) позиций [5; 8 и др.]. Гражданская позиция, таким образом, есть интегративное качество личности, аккумулирующее в системе отношение данной личности к окружающей действительности.

Очевидно, что формирование гражданской позиции начинается задолго до поступления в вуз, и из этого понимания складывается несколько важных положений: 1) зачисленный на обучение российский или иностранный гражданин уже обладает некой гражданской позицией; 2) дальнейшее ее формирование в рамках предметной составляющей должно происходить на основе довузовского образования; 3) определение содержания предметной составляющей должно удовлетворять закреплённому в ФГОС результату, а также в необходимой и достаточной степени соотноситься с содержанием учебных дисциплин (модулей), направленных на формирование профессиональных компетенций.

Анализ содержания довузовского образования российских студентов позволяет с уверенностью утверждать, что при разработке учебного плана образовательной программы в части учебных дисциплин (модулей) для формирования УК-11 необходимо учитывать преемственность с общеобразовательным предметом *обществознание*, который «охватывает различные сферы (подсистемы) жизни общества и человека... и включает базовые знания из социально-гуманитарных наук (философии, психологии, в том числе социальной, этики,

социологии, истории, политологии, правоведения, экономики)» [6].

Мы попытались выяснить, как предметная область «общественные науки», соотносимая с содержанием обществознания, представлена в довузовском образовании иностранных граждан, в том числе принятых на обучение в Сыктывкарский университет, и с этой целью проанализировали утвержденные в ряде стран образовательные стандарты (например, в Киргизии, Узбекистане и др.) и имеющиеся в нашем распоряжении документы об иностранном образовании. Такая экспертная оценка проведена в отношении документов об образовании 200 граждан ближнего зарубежья (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Украина, Таджикистан) и дальнего зарубежья (Алжир, Бангладеш, Египет, Индия, Иордания, Ирак, Кувейт, Непал, Палестина, Саудовская Аравия, Судан, Тунис, Эсватини).

В документах об образовании, полученных в странах ближнего зарубежья, как правило, зафиксированы такие предметы, как история, конституция страны; документы могут содержать сведения об освоении учебных предметов *человек и общество, история религий, основы духовности, культура семьи, национальная идея, этика, чувство Родины* и др. В документах об образовании Египта интересующая нас предметная область представлена не одним вариантом. Как правило, здесь имеются сведения об изучении учебных дисциплин (модулей): *философия и логика / философия; психология и социология / психология и обществознание (обществоведение) / психология и общество / психология; гражданское воспитание / национальное воспитание / патриотическое воспитание; религиозное воспитание*. Ряд документов об образовании содержит сведения об ином перечне учебных предметов, построенном на изучении *исламской религии и культуры*. Имеются документы,

в которых, кроме *исламских наук*, зафиксированы *конституция и права человека*. Документы из Иордании отражают те же варианты довузовского образования. Документы, представленные абитуриентами из Ирака, либо не содержат учебные дисциплины интересующей нас предметной области, либо включают сведения об учебном модуле *исламское образование*; в единичных случаях может быть также указана *экономика*. Документы об образовании Кувейта, как правило, включают учебные предметы, связанные с изучением *ислама и исламской культуры*. В документах из Саудовской Аравии наряду с модулем религиозных предметов встречаются учебные предметы *юриспруденция; социальные и общественные науки / обществознание и страноведение*. Документы о довузовском образовании, представленные абитуриентами из Индии, Алжира, Бангладеш, Непала, Эсватини не содержат учебные дисциплины анализируемой предметной области, в единичных случаях зафиксированы *этика; религиоведение; социология*.

Добавим, что в ФГОС закреплена еще одна группа (категория) компетенций – УК-9 – *инклюзивная компетентность*, которую, исходя из указанного выше определения понятия *гражданская позиция*, можно определить как ее составную часть. Объем понятия инклюзивная компетентность также шире, чем закрепленный в ФГОС результат (оценка) ее формирования, предполагающий способность использовать базовые дефектологические знания в социальной и профессиональной сферах. Обучающиеся по программам высшего образования должны знать значение понятия *инклюзия*, его содержание и применение, то есть должна быть сформирована *инклюзивная позиция*, которая, безусловно, является одной из составляющей гражданской позиции, поскольку проявляется в общественной морали и реализуется в государственной (прежде всего социальной) политике

(см. об этом, например: [1, 2 и др.]). В связи с этим в Сыктывкарском университете все обучающиеся бакалавриата осваивают учебную дисциплину *инклюзивная культура*.

Учитывая цель нашего исследования, следует констатировать, что учет довузовского образования при освоении обучающимися вуза указанной учебной дисциплины или иных дисциплин, направленных на формирование у них инклюзивной компетенции, имеет принципиальную значимость. Так, как было показано выше, немалое количество иностранных студентов изучали предметы (модули) по исламу и исламской культуре, то есть сформировали определенную позицию в отношении культурных, религиозных и лингвистических аспектов многообразия и инклюзии, при этом в целом не противоречащую содержанию реализуемой вузом учебной дисциплины. Другая часть иностранных студентов (как и российских студентов) лишь при освоении вузовской дисциплины получает первичные знания об инклюзии. В данном случае вряд ли уместно вести речь о создании неких равных условий для российских и иностранных обучающихся, поскольку сама студенческая аудитория представляет собой объект культурного, религиозного и лингвистического многообразия. В процессе обучения инклюзивной культуре требуется учет этого многообразия, в том числе сформированной на уровне довузовского образования инклюзивной позиции обучающихся.

Итак, при экспертизе документов об образовании, безусловно, следует учитывать реализуемые в тех или иных странах системы образования, разнообразие типов образовательных организаций и видов образовательных программ и др. Однако и предпринятый нами анализ обнаруживает, например, отсутствие дисциплин предметной области «общественные науки» либо их объективную несоотнесенность с предметом

обществознание, который российские школьники в довузовский период изучают на базовом или углубленном уровне. Довузовское образование может свидетельствовать и о сформированной инклюзивной позиции иностранных обучающихся, которая должна быть учтена при обучении в вузе.

Следовательно, для иностранных студентов необходимо выстроить индивидуальную образовательную траекторию, реализуемую разными способами: путем формирования соответствующего перечня вариативных и факультативных дисциплин учебного плана, путем изменения соотношения контактной работы с преподавателем и самостоятельной работой студента при освоении определенных дисциплин учебного плана. Однако оптимальным способом, на наш

взгляд, остается реализация параллельной с программой высшего образования дополнительной образовательной программы, если до поступления в вуз иностранный гражданин такую программу не осваивал.

Таким образом, вуз, принявший на обучение иностранных граждан, должен обеспечить организационно-педагогические условия, которые позволят сформировать у них закрепленные в ФГОС универсальные компетенции. При этом организационные задачи могут быть решены посредством экспертизы документов об иностранном образовании, в том числе путем анализа его содержания, а решение педагогических задач обеспечивается разработкой индивидуальных образовательных траекторий и программ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреева Е.Е. О сущности понятия инклюзивной культуры // Вестник социально-гуманитарного образования. 2021. № 1. С. 4–9.
2. Гох А.Ф., Шестакова Н.Н., Юрков Д.В. Инклюзивная культура: от образовательного к социокультурному контексту // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2019. № 2 (48). С. 189–198.
3. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета: коллективная монография / под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. 383 с.
4. Концепция преподавания учебного предмета «Обществознание» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы (утв. Коллегией Минпросвещения России от 24.12.2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.edu.gov.ru/document/9906056a57059c4266eaa78bff1f0bbe>.
5. Николаева Е.В. Теоретические аспекты понятия «гражданская позиция» // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста: материалы XI Международной научно-практической конференции (Тамбов, 25 мая – 01 июня 2015 г.). Тамбов: Бизнес – Наука – Общество, 2015. С. 450–453.
6. Обществознание: примерная рабочая программа среднего общего образования. Базовый уровень (для 10–11 классов образовательных организаций) [Электронный ресурс]: одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол 7/22 от 29.09.2022) / Ин-т стратегии развития образования Рос. академии образования // Реестр примерных основных общеобразовательных программ. Режим доступа: <https://fgosreestr.ru/uploads/files/721c33c4ee41714ale3a56e19f310878.pdf>.
7. Оценка универсальных компетентностей как результатов высшего образования / С.М. Авдеева [и др.] // Аналитический доклад к XXII Апрельской международной научной

конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 13–30 апреля 2021 г.). М.: НИУ ВШЭ, 2021. № 3. 52 с.

8. Плотникова Е.Ю. Понятие и сущность гражданской позиции в педагогике и психологии // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 6 (28). С. 218–224.

9. Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fgosvo.ru/>

REFERENCES:

1. Andreeva E.E. On the essence of the concept of inclusive culture // Bulletin of Social and Humanitarian Education. 2021. No. 1. P. 4–9.

2. Gokh A.F., Shestakova N.N., Yurkov D.V. Inclusive culture: from an educational to a socio-cultural context // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. 2019. No. 2 (48). P. 189–198.

3. Measurement and assessment of the formation of universal competencies of students in the development of educational programs of Bachelor's, Master's, specialist's degree: a collective monograph / under scientific ed. of I.Yu. Tarkhanova. Yaroslavl: RIO YAGPU, 2018. 383 p.

4. The concept of teaching the subject «Social Science» in educational institutions of the Russian Federation implementing the main general educational programs (approved by the Collegium of the Ministry of Education of Russia on December 24, 2018) [Electronic resource]. Access mode: <https://docs.edu.gov.ru/document/9906056a57059c4266eaa78bff1f0bbe>

5. Nikolaeva E.V. Theoretical aspects of the concept of «civic position» // Personal and professional development of a future specialist: materials of the XI International Scientific and Practical Conference (Tambov, May 25–June 01, 2015). Tambov: Business-Science-Society, 2015. P. 450–453.

6. Social studies: an exemplary work program of secondary general education. Basic level (for grades 10–11 of educational organizations) [Electronic resource]: approved by the decision of the Federal educational and methodological association for general education, protocol 7/22 of 29/09/2022) / Institute of Education Development Strategy Ros. academy of education // Register of exemplary basic general education programs. Access mode: <https://fgosreestr.ru/uploads/files/721c33c4ee41714ale3a56e19f310878.pdf>

7. Evaluation of universal competencies as results of higher education / S.M. Avdeeva [et al.] // Analytical report for the XXII April International Scientific Conference on the Development of the Economy and Society (Moscow, April 13–30, 2021). М.: NRU HSE, 2021. No. 3. 52 p.

8. Plotnikova E.Yu. The concept and essence of citizenship in Pedagogy and Psychology // Scientific and Pedagogical Review. 2019. No. 6 (28). P. 218–224.

9. Portal of Federal state educational standards of higher education [Electronic resource]. Access mode: <https://fgosvo.ru/>

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-110-116>
УДК 378.016:340

Суетина Н.М.

**ПРОЕКТНЫЙ ПРАКТИКУМ
КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ БАКАЛАВРИАТА
ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ
40.03.01 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ)**

*Суетина Наталья Михайловна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры административного и уголовного права факультета информационных систем в экономике и юриспруденции ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия
e-mail: na-ri@bk.ru.*

Аннотация

В настоящее время федеральные государственные стандарты высшего образования программы бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция предусматривают использование в образовательной деятельности вуза технологий проектного обучения. Данные технологии выступают методическими основаниями образовательной деятельности в высших учебных заведениях. Применение новых образовательных технологий актуализировало целесообразность появления в учебных планах вузов такой учебной дисциплины как «Проектный практикум».

Проблема исследования заключается в следующем: каким образом проектный практикум как учебная дисциплина формирует универсальные и общепрофессиональные компетенции будущих юристов?

Целью данной работы является исследование структуры содержания учебного курса «Проектный практикум» и формирования у обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» универсальных и профессиональных компетенций.

Методология и методы исследования. Теоретическую базу исследования составили разработки по технологии проектного обучения. Основной метод исследования: анализ.

В статье были рассмотрены основные универсальные и общепрофессиональные компетенции, формируемые в рамках изучения курса «Проектный практикум», а также основное содержание курса, способствующее формированию данных компетенций. Автор выделяет два типа образовательного результата учебной дисциплины «Проектный практикум»: приобретение и развитие компетенций, необходимых для решения профессиональных задач и приобретение опыта в самоорганизации и самообразовании.

Сделаны выводы о том, что использование технологии проектного обучения в рамках учебного курса «Проектный практикум» способствует успешному формированию

универсальных и общепрофессиональных компетенций будущих юристов, активизирует учебную деятельность.

Ключевые слова: проектный практикум, универсальные и общепрофессиональные компетенции, проектное обучение, профессиональная компетентность, технология проектного обучения, активные методы обучения

Для цитирования: Суетина Н.М. Проектный практикум как учебная дисциплина в образовательной деятельности вуза (на примере программы бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 110-116. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-110-116>.

Suetina N.M.

PROJECT WORKSHOP AS AN EDUCATIONAL SUBJECT IN THE EDUCATIONAL ACTIVITY OF A UNIVERSITY (THE CASE OF THE BACHELOR'S TRAINING PROGRAM 40.03.01 LEGAL STUDIES)

Suetina Natalya Mikhailovna,

*Candidate of Sociology, an associate professor of the Department of Administrative and Criminal Law of FSBEI HE «Maikop State Technological University»,
Maikop, Russia
e-mail: na-ri@bk.ru.*

Abstract

Currently, the Federal state standards of higher education of the undergraduate program in training program 40.03.01 Legal studies provide for the use of project-based learning technologies in the educational activities of a university. These technologies are the methodological foundations of educational activities in higher educational institutions. The use of new educational technologies has actualized the expediency of the appearance in the curricula of universities of such an academic discipline as «Project Workshop».

The research problem is as follows: how does the project workshop as an academic discipline form the universal and general professional competencies of future lawyers?

The purpose of the research is to study the structure of the content of the training course «Project Workshop» and the formation of universal and professional competencies among students in the training program «Legal studies».

The methodology and research methods. The theoretical basis of the research was the development of project-based learning technology. The main research method used is analysis.

The article examined the main universal and general professional competencies formed as part of the course «Project Workshop», as well as the main content of the course, which contributes to the formation of these competencies. The author distinguishes two types of educational results of the discipline «Project Workshop»: the acquisition and development of competencies necessary for solving professional problems and the acquisition of experience in self-organization and self-education.

It has been concluded that the use of project-based learning technology within the framework of the «Project Workshop» training course contributes to the successful formation of universal and general professional competencies of future lawyers, and activates learning activities.

Keywords: project-based workshop, universal and general professional competencies, project-based learning, professional competence, project-based learning technology, active learning methods

For citation: Suetina N.M. *Project workshop as an educational subject in the educational activity of a university (the case of the Bachelor's training program 40.03.01 Legal studies)* // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 1. P. 110-116. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-110-116>.

Подготовка профессиональных кадров в современной России предполагает использование новых образовательных технологий, в том числе проектного обучения. Данные технологии в процессе подготовки квалифицированных кадров рассматриваются учеными (В.А. Капранова, Е.С. Полат, М. Гоял и др.) как метод формирования профессиональной компетентности будущих работников.

Навыки проектирования являются важнейшим условием успешной профессиональной деятельности, в том числе в сфере юриспруденции. Сформированные универсальные общепрофессиональные и профессиональные компетенции в сфере проектирования представляют собой необходимое условие успешной работы юриста [2].

В процессе освоения образовательной программы бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» обучающиеся должны быть готовы к решению проектных задач.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (далее – ФГОС ВО), утвержденный Приказом Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011, устанавливает, что в результате освоения программы бакалавриата у выпускника должна быть сформирована такая категория универсальных компетенций, как «разработка и реализация проектов». В рамках данной категории универсальных компетенций формируется компетенция «УК-2. Способен определять круг задач в рамках поставленной

цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений» [1].

Отметим также, что деятельность современных юристов невозможна без использования новых информационных технологий. ФГОС ВО также регламентирует формирование такой категории общепрофессиональных компетенций как «Информационные технологии». Согласно правовому документу, формирование общепрофессиональных компетенций у обучающихся юристов определяется самостоятельно организацией образования. В результате освоения образовательной программы бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» выпускник должен обладать также следующей компетенцией: «ОПК-8. Способен целенаправленно и эффективно получать юридически значимую информацию из различных источников, включая правовые базы данных, решать задачи профессиональной деятельности с применением информационных технологий и с учетом требований информационной безопасности» [1].

С целью формирования у обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» проектных и информационных компетенций в реализуемую ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» в профессиональную образовательную программу и в рабочие учебные планы включена специальная дисциплина «Проектный практикум». Введение данной учебной дисциплины в образовательную

деятельность связано с тем, что в университете реализуется «Формирование проектного обучения в МГТУ». Цель данного проекта – повышение качества профессионального образования посредством использования проектного обучения. Объем дисциплины – 2 зачетных единицы или 72 академических часа. Основным видом контактной работы с обучающимися являются практические занятия. Учебный курс «Проектный практикум» изучается в четвертом семестре очного, очно-заочного и заочного обучения по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция». Дисциплина является учебным курсом, входящим в часть, формируемую участниками образовательных отношений и является обязательной для изучения. Учебный курс нацелен на последовательное формирование универсальных и профессиональных компетенций в области организации проектной деятельности обучающихся, реализацию технологий проектного обучения будущих юристов. Результатом освоения дисциплины является зачет.

Образовательные задачи, определенные в рабочей программе учебного курса «Проектный практикум», следующие: во-первых, формирование системы знаний в сфере проектной деятельности; во-вторых, формирование навыков определения задач для проектной деятельности; в-третьих, формирование навыков оформления готового проекта для представления. Дисциплина содержит пять разделов. Представим содержание каждого раздела ниже.

Раздел «Основы проектного обучения». В рамках данного раздела учебного курса проектное обучение рассматривается как технология, направленная на формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций юриста, способствующая развитию творческих способностей и познавательного интереса обучающихся. Рассматриваются следующие актуальные

вопросы: проект как совокупность различных видов деятельности; проектный пул ФГБОУ ВО «МГТУ»; типологии проектов; необходимые условия для организации проектной деятельности; порядок внеаудиторной самостоятельной работы обучающихся по поиску информации для обеспечения проекта [6].

Раздел «Разработка документации по проекту: паспорт проекта, дорожная карта, тактический план реализации проекта». В процессе изучения данного раздела обучающиеся знакомятся с порядком формирования, технологией и оформлением паспорта проекта, дорожной карты проекта, тактического плана проекта [6]. Обучающимся предлагается самим сформулировать темы проектов для реализации либо выбрать темы, которые предлагает преподаватель.

Раздел «Бизнес-игра «Имитационная модель производственного процесса». Обучающиеся принимают участие в учебно-имитационном тренинге «Фабрика процессов». Данный тренинг разработан преподавателями ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» и представляет собой имитацию реального производственного процесса, позволяющего участникам сравнить классический и бережливый способы организации производства [6]. Данный тренинг проходит в специальной лаборатории, которая оснащена соответствующими средствами обучения.

Раздел «Инструменты бережливого производства при управлении проектами». В рамках данного раздела обучающиеся выполняют различные кейсы. Отметим, что метод кейсов (кейс-стади) представляет собой технологию активного обучения. Кейс-стади предполагает детальное изучение ситуаций применительно к изучаемой области на основе активного взаимодействия обучающихся для поиска путей решения обозначенной проблемы [3]. Перечислим кейсы, которые

выполняют обучающиеся на проектном практикуме: кейс «Значимая, незначимая работа, определение ценности. Поток создания ценности»; кейс «Назначение и понятие картирования. Картирование потока создания ценности. Методика картирования потока создания ценности текущего и целевого состояния»; кейс «Семь видов потерь»; кейс «Диаграмма В. Парето»; кейс «Диаграмма К. Исикавы («рыбий скелет»)»; кейс «Диаграмма «Спагетти»; кейс «Философия 5С», кейс «Стандартизированная работа» [6].

Раздел «Мастер-классы по тематике проектов». Отметим, что Мастер-класс (от английского masterclass: master – лучший в какой-либо области + class – занятие, урок) – современная форма проведения обучающего тренинга-семинара для отработки практических навыков по различным методикам и технологиям с целью повышения профессионального уровня и обмена передовым опытом участников, расширения кругозора и приобщения к новейшим областям знания [4]. Реализуются специализированные консультации профильных специалистов. Например, традиционными в ФГБОУ ВО «МГТУ» стали встречи обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» и партнеров МГТУ. Так, например, обучающие тренеры компании АПИ «Гарант» на постоянной основе знакомят обучающихся-юристов с возможностями электронной правовой системы «Гарант», предоставляя удаленный доступ в систему по паролям. Данная правовая база данных представляет возможность обучающимся пользоваться современными инструментами для работы с правовой информацией. На практических занятиях обучающиеся имеют возможность получать юридически значимую информацию из различных источников. Также будущие юристы могут решать задачи профессиональной деятельности с применением информационных технологий

(составлять проекты различных правовых документов, в том числе договоров, заявлений, доверенностей и т.д.), решать поставленные правовые задачи. Используя возможности электронной правовой базы «Гарант», будущие юристы имеют возможность самостоятельно выполнять задания в рамках решения проектной задачи, а также пройти тестирование на знание указанной правовой системы. После успешного прохождения тестирования обучающиеся получают сертификат компании «Гарант». В дальнейшем обучающиеся имеют возможность использовать полученные знания по работе с правовой базой «Гарант» для подготовки индивидуальных и групповых проектов, а также для семинарских занятий, самостоятельной работы, написания статей, курсовых работ и выпускной квалификационной работы. Мастер-классы для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» проводят представители уполномоченных по правам человека и по правам ребенка в Республике Адыгея, адвокаты Адвокатской палаты Республики Адыгея. Отметим, что руководители данных органов были заказчиками проектов обучающихся ФГБОУ ВО «МГТУ».

Раздел «Организация, подготовка, реализация и защита индивидуального и группового проекта». Обучающиеся на данном этапе реализации учебного курса окончательно выбирают тему проекта, а также определяют, будут они работать в группе или индивидуально. Определяется круг задач, которые необходимо решить при подготовке и реализации проекта, распределяются роли в группе и объем заданий для каждого участника проекта. Выдается индивидуальное задание каждому обучающемуся для самостоятельной работы. После выполнения проекта он открыто защищается в присутствии заказчиков.

Таким образом, дисциплина «Проектный практикум» формирует проектные

и информационные компетенции будущих юристов, активизирует учебную деятельность. Обучающийся после изучения курса должен обладать знаниями о проектной деятельности и умениями осуществлять ее на профессиональном уровне. Опыт реализации проектного обучения показал, что можно выделить

два типа образовательного результата учебной дисциплины «Проектный практикум»: во-первых, приобретение и развитие компетенций, необходимых для решения профессиональных задач; во-вторых, приобретение опыта в самоорганизации и самообразовании обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция [Электронный ресурс]: Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenciya-1011/> (дата обращения: 06.10.2022).
2. Капранова В.А. Проектное обучение в вузе: исторические и технологические аспекты / В. А. Капранова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. № 3(264). С. 78–80.
3. Поддубная Т.Н. Технологии активного обучения в контексте дистанционного образования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 1. С. 82–87.
4. Рекомендации для педагогов по проведению мастер-классов [Электронный ресурс] URL: https://avtcrtd.ucoz.ru/CRTDIU/metodmat/master-klass_rekomendacii.pdf (дата обращения: 06.10.2022).
5. ГАРАНТ для студентов, аспирантов и преподавателей [Электронный ресурс] URL: <https://edu.garant.ru/garant/study/> (дата обращения: 06.10.2022).
6. Минобрнауки России. mkgtu.ru [Электронный ресурс] URL: https://www.mkgtu.ru/sveden/files/A_40.03.01_Proektnyy_praktikum.pdf (06.10.2022).
7. Goyal M. How lawyers can leverage powerful tools that don't require coding knowledge // Canadian Lawyer. 30 Jan 2022. URL: <https://www.canadianlawyermag.com/news/opinion/how-lawyers-can-leverage-powerful-tools-that-dont-require-coding-knowledge/363551> (дата обращения: 01.02.2022).

REFERENCES:

1. On the approval of the Federal state educational standard of higher education - Bachelor's degree in the training program 40.03.01 Legal studies [Electronic resource]: Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 13.08.2020 No. 1011. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenciya-1011/> (date of access: 06.10.2022).
2. Kapranova V.A. Project-based learning at the university: historical and technological aspects / V. A. Kapranova // Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University. 2014. No. 3(264). P. 78–80.
3. Poddubnaya T.N. Technologies of active learning in the context of distance education // Bulletin of Maikop State Technological University. 2022. V. 14, No. 1. P. 82–87.
4. Recommendations for teachers on conducting master classes [Electronic resource] URL: https://avtcrtd.ucoz.ru/CRTDIU/metodmat/master-klass_rekomendacii.pdf (date of access: 06/10/2022).
5. GARANT for students, graduate students and teachers [Electronic resource] URL: <https://edu.garant.ru/garant/study/> (date of access: 06/10/2022).

6. Ministry of Education and Science of Russia. mkgtu.ru [Electronic resource] URL: https://www.mkgtu.ru/sveden/files/A_40.03.01_Proektnyy_praktikum.pdf (06.10.2022).

7. Goyal M. How lawyers can leverage powerful tools that don't require coding knowledge // Canadian Lawyer. 30 Jan 2022. URL: <https://www.canadianlawyermag.com/news/opinion/how-lawyers-can-leverage-powerful-tools-that-dont-require-coding-knowledge/363551> (accessed 01/02/2022)).

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-117-125>
УДК 378.124:004

Чистобаева Л.В.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РАБОТНИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Чистобаева Людмила Владимировна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический универси-
тет», Майкоп, Россия*

e-mail: ludmila1471@yahoo.com

тел.: +7 (961) 818 64 75

Аннотация

Основополагающими позициями современного образования являются стандартизация и модернизация, ориентированные на решение проблемы повышения конкурентоспособности страны через подготовку компетентных кадров для развития цифровой экономики. Образование, как сектор экономики и социальной деятельности, ориентировано на широкое использование ресурсов интернета, расширение возможностей научно-педагогических работников по использованию цифровых ресурсов, коммуникации в цифровой образовательной среде с учетом реальных экономических тенденций. В ходе теоретического анализа и изучения образовательной практики вузов выявлены объективные противоречия между требованиями нормативно-правовых актов, регулирующих создание в вузах цифровой образовательной среды, и недостаточной разработанностью сущностных характеристик профессиональной деятельности научно-педагогического работника в условиях цифрового образовательного пространства вуза. Поиск решения выявленного противоречия позволяет сформулировать проблему исследования: каковы особенности профессиональной деятельности научно-педагогического работника в условиях цифровой образовательной среды, влияющие на ее результативность?

Цель исследования: теоретически обосновать основные направления профессиональной деятельности научно-педагогического работника в условиях цифровой образовательной среды.

Методология исследования базировалась на изучении научных сведений и опыта педагогической деятельности в зарубежной и отечественной литературе, использовании методов теоретического и эмпирического исследования: анализа, обобщения, дедукции.

Результаты исследования: обоснованы особенности цифровой образовательной среды современного вуза; раскрыта структурно-содержательная характеристика деятельности научно-педагогического работника в цифровом пространстве вуза.

Ключевые выводы: ключевая роль цифровых технологий заключается в инновационном развитии высшего образования, а именно в компетентности современных преподавателей высшей школы работать в цифровой образовательной среде; структурно-содержательная характеристика

деятельности научно-педагогического работника в цифровом пространстве вуза включает ряд направлений: взаимодействие с субъектами образования в электронной информационно-образовательной среде вуза, создание электронного методического инструментария по читаемым дисциплинам, использование различные форм организации учебных занятий в электронной образовательной среде, создание цифрового портфолио и др. Всё это значительно расширяет горизонты организации учебной деятельности в цифровом образовательном пространстве.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, электронная информационно-образовательная среда вуза, цифровые образовательные технологии, научно-педагогический работник, профессиональная деятельность, электронные образовательные ресурсы, личный электронный кабинет, портфолио

Для цитирования: Чистобаева Л.В. Особенности профессиональной деятельности научно-педагогического работника в условиях цифровой образовательной среды // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 117-125. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-117-125>.

Chistobaeva L.V.

FEATURES OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF AN ACADEMIC STAFF IN THE CONDITIONS OF A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Chistobaeva Ludmila Vladimirovna,

Candidate of Philology, an associate professor of the Department of Foreign Language of FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, Russia

e-mail: ludmila1471@yahoo.com

tel.: +7 (961) 818 64 75

Abstract

The fundamental positions of modern education are standardization and modernization, focused on solving the problem of increasing the state competitiveness through the training of competent personnel for the development of the digital economy. Education, as a sector of the economy and social activity, is focused on the widespread use of Internet resources, the expansion of the capabilities of academic staff in the use of digital resources, communication in the digital educational environment, taking into account real economic trends. In the course of theoretical analysis and study of the educational practice of universities, objective contradictions have been revealed between the requirements of legal acts regulating the creation of a digital educational environment in universities, and the insufficient development of essential characteristics of professional activity of academic staff in a university digital educational space. The search for a solution to the identified contradiction allows us to formulate the research problem: what are the features of the professional activity of academic staff in a digital educational environment that affect its effectiveness?

The purpose of the research is to theoretically substantiate the main areas of professional activity of academic staff in a digital educational environment.

The research methodology was based on the study of scientific information and the experience of pedagogical activity in foreign and domestic literature, the use of theoretical and empirical research methods, such as analysis, generalization, deduction.

The results of the research are as follows the features of the digital educational environment of a modern university have been substantiated; the structural and content characteristics of the activities of academic staff in the digital space of the university have been disclosed.

Key conclusions are: the key role of digital technologies lies in the innovative development of a higher education, namely, in the competence of modern university teachers to work in a digital educational environment; structural and content characteristics of the activity of academic staff in the digital space of a university include a number of areas: interaction with the subjects of education in the electronic information and educational environment of a university, creation of electronic methodological tools for readable disciplines, the use of various forms of organizing training sessions in the electronic educational environment, the creation of a digital portfolio, etc. All this significantly expands the horizons of organizing educational activities in the digital educational space.

Keywords: digital educational environment, electronic information and educational environment of a university, digital educational technologies, a scientific and pedagogical worker, professional activity, electronic educational resources, personal electronic account, portfolio

For citation: Chistobaeva L.V. Features of professional activity of an academic staff in the conditions of a digital educational environment// *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 1. P. 117-125. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-117-125>.

Цифровой сервис и электронные ресурсы стали в настоящее время неотъемлемой составляющей повседневной жизни человека. Технический прогресс, обусловленный переходом общества на четвертый этап промышленной революции (Индустрия 4.0), сопровождается и существенными переменами в системе образования, связанными с внесением корректив в технологии обучения, которые должны быть «адаптированы к современным техническим возможностям, способствовать гармоничному вхождению человека в информационное общество» [2, с. 8]. Применение современных электронных образовательных ресурсов в педагогической деятельности является базовым условием развития более эффективных дидактических подходов и совершенствованию методики преподавания. Данное требование содержится в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования и должно выполняться всеми учебными заведениями, реализующими образовательные программы профессиональной подготовки на всех уровнях.

В настоящее время в нашей стране идет активный процесс построения цифрового общества в аспекте реализации ряда инициатив по созданию

необходимых условий развития цифровой экономики – «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», Национального проекта «Образование», государственной программы «Развитие образования» (утверждена постановлением Правительства от 26.12.2017 г. № 1642), национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», нацеленных на создание возможностей получения качественного образования гражданами посредством использования цифровых образовательных ресурсов. «Цифровое образование – это инновационная модель образовательной практики с учетом современных тенденций модернизации социально-экономической сферы в аспекте Индустрии 4.0 как эффективный и комфортный механизм предоставления информационно-коммуникационных услуг, цифровых сервисов субъектам образования» [3, с. 80].

Рядом ученых (С.А. Бибалова, А.В. Леонтьева, А.А. Картукова, Г.В. Лобачева, А.Н. Васин, Б.М. Изнаиров, Т.А. Танцура [1; 2; 4; 7] и др.) отмечается позитивное влияние цифровых образовательных технологий на качество образования, в частности, повышение мотивации к процессу обучения, экономия

учебного времени, эргономичная подача дидактического материала, повышение образовательных результатов, возможность отслеживания образовательных следов и многое другое, что в целом позволяет сделать учебный процесс более интересным и насыщенным. Следовательно, роль цифрового сервиса в образовании неоспорима.

Проникновение цифровых образовательных технологий в высшую школу повлияло и на изменение компетенций, которыми должен обладать научно-педагогический работник для эффективного выполнения своей профессиональной деятельности в условиях электронной образовательной среды. Стал востребованным ряд навыков и умений – *hard skills* (с англ. «жесткие навыки»: знание профессионально ориентированного иностранного языка, навыки работы с компьютером и пр.) и *soft skills* (с англ. «мягкие навыки»: универсальные социально-психологические качества, к которым относят осознание необходимости образования в течение всей жизни, навыки коммуникации в различных образовательных средах, адаптивность, способность творчески решать поставленные задачи, мобильность и др.), реализация которых невозможна без использования современных цифровых технологий. Т.А. Танцура, анализируя положительный потенциал цифровой образовательной среды вуза, выделила объективные и субъективные факторы, детерминирующие возможности использования педагогами высшей школы в профессиональной деятельности электронных образовательных ресурсов:

1) уникальность и инновационность цифровых технологий, что расширяет возможности преподавания;

2) зависимость использования цифровых технологий от создания необходимых условий технической поддержки вуза и создания электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС) учебного заведения;

3) субъективный фактор, а именно личные особенности научно-педагогических работников: позитивный настрой в отношении внедрения цифровых сервисов в учебный процесс, желание использовать цифровые технологии в учебной деятельности с обучающимися, осознание важности повышения цифровых компетенций и пр. [7, с. 91].

Подробное изучение исследований по рассматриваемой в рамках данной статьи проблеме, анализ федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, нормативных документов позволили обозначить основные направления профессиональной деятельности научно-педагогического работника в условиях цифровой образовательной среды.

1. Владение технологиями работы в электронной информационно-образовательной среде вуза. Это широкий пласт профессиональных задач, которые должен выполнять научно-педагогический работник: умение войти в единое окно доступа на официальный сайт вуза; создание личного электронного кабинета; умение пользоваться электронными ресурсами ЭИОС вуза (электронного документооборота «Электронный университет», «Электронный деканат» и пр.; электронной библиотекой (например, АИБС «МегаПро», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», расписанием, автоматизированными WEB-системами сетевого тестирования обучающихся, онлайн-платформами для создания собственных курсов и коммуницирования со студентами). На рисунке представлен образец личного кабинета научно-педагогического работника в электронной информационно-образовательной среде университета.

Личный кабинет преподавателя – это ресурс, который существенно упрощает работу преподавателя, связанную с заполнением и представлением различных форм отчетности, сокращающий

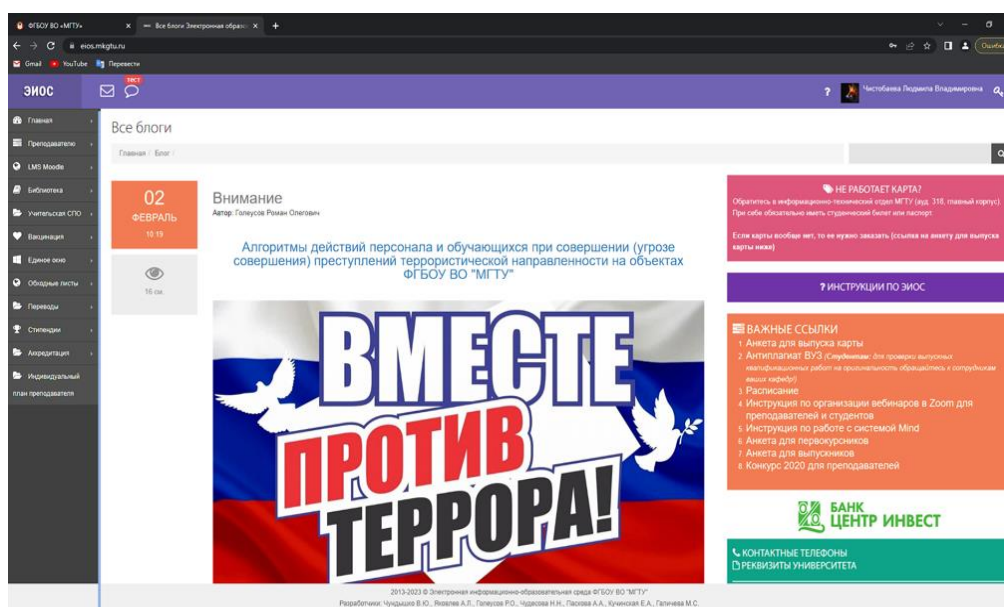

Рис. 1. Скриншот страницы личного кабинета научно-педагогического работника в электронной информационно-образовательной среде университета

количество бумажных форм, которые в настоящее время требуются от преподавателей, поскольку вся необходимая информация аккумулируется и хранится в личном кабинете [4].

2. Навыки создания онлайн-курсов по своим дисциплинам. Сегодня многие вузы практикуют разработку обучающих электронных учебных курсов, которые выставлены в свободном доступе на официальных сайтах вузов. В методической и научной литературе нет единой точки зрения к пониманию онлайн-курса. В отечественных источниках чаще употребляется понятие «электронный учебный курс (ЭУК)». Так, в методических рекомендациях по созданию электронного учебного курса В.П. Короповской и О.К. Мясниковой (Мурманск, 2015) основное назначение электронного учебного курса заключается в предоставлении непрерывного учебного процесса для самообразования обучающихся. Составными компонентами ЭУК являются учебные материалы (учебная информация, глоссарий, рекомендуемая литература и электронные ресурсы), тесты (контрольно-коммуникативный блок) по определенному

предмету [5]. Каждый вуз сам предъявляет требования к содержанию ЭУК. Например, в Мурманском арктическом государственном университете (филиале в г. Кировске) ЭУК включает пять модулей (рисунок 2) [6].

3. Умение использовать различные формы организации учебных занятий в электронной образовательной среде. На рисунке 2 представлен широкий спектр форм организации учебной деятельности с использованием цифровых сервисов [6].

4. Навыки работы по хранению информации с использованием облачных сервисов («cloud technologies»): SkyDrive, Google Drive, Яндекс.Диск, Облако Mail.ru и др. Преподаватель может загружать в облако большой объем учебной информации (аудиофайлы, презентации, учебные и методические пособия, собственные разработки и пр.), предоставляя обучающимся ссылку на ресурс.

5. Создание цифрового портфолио. Цифровое портфолио может создаваться как обучающимися, так и педагогами и представляет собой средства фиксации индивидуальных достижений: профессиональных (для

Рис. 2. Структурные элементы ЭУК [6]

преподавателя), в учебной и внеучебной деятельности (для студентов) [9]. В нашей стране родоначальником проекта цифрового портфолио для студентов является Санкт-Петербургский государственный университет. Цифровое портфолио успешно применяется в СПбГУ с 2015 года, а в дипломах СПбГУ в 2016 году впервые появились QR-коды, позволяющие работодателям через личный кабинет выпускника узнать о его достижениях. С 2017 года такой же QR-код содержится и в дипломах кандидатов и докторов наук, защитившихся по правилам СПбГУ. Цифровое портфолио педагога может содержать также информацию, необходимую для внесения в эффективный контракт научно-педагогического

работника как показатель его индивидуальных достижений за определенный период времени (календарный или учебный год). В большинстве вузов индивидуальный рейтинг преподавателя уже тоже имеет цифровое выражение [8].

Следовательно, можно говорить о достаточно широком спектре направлений профессиональной деятельности научно-педагогического работника в условиях цифровой образовательной среды. Всё это не только облегчает, но и расширяет горизонты организации учебной деятельности для преподавателя в условиях цифровой трансформации образования. Теоретическая значимость данного исследования заключается в дополнении и расширении научных представлений об

Рис. 3. Формы организации учебной деятельности с использованием цифровых сервисов [6]

особенностях профессиональной деятельности научно-педагогического работника в условиях цифровой трансформации образования, отвечающих современным требованиям общества, что способствует эффективной реализации педагогами высшей школы своей профессиональной

деятельности. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения научно-педагогическими работниками содержащихся в статье сведений в собственной педагогической деятельности, что позволяет повысить ее результативность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бибалова С.А., Леонтьева А.В. Анализ опыта перехода на дистанционное обучение в системе вузовской подготовки в период пандемии (на примере ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» и ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет») // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 4. С. 59–68.
2. Картукова А.А. Цифровая образовательная среда как фактор профессионального развития педагога [Электронный ресурс] // Цифровая образовательная среда: новые компетенции педагога: сборник материалов участников конференции. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1675436774&tld=ru&lang=ru&name=Цифровая%20образовательнаяhttps://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1675436774&tld=ru&lang=ru&name=Цифровая> (дата обращения 03.02.2023).
3. Киселева Е.В. Теоретические подходы к определению понятия «Цифровое образование» // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 1. С. 75–81.
4. Лобачева Г.В., Васин А.Н., Изнаиров Б.М. Электронный личный кабинет преподавателя, как инструмент управления образовательным процессом // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22, № 2 (114). С. 116–125.
5. Методические основы создания электронного учебного курса: М54 методические рекомендации / Короповская В.П., Мясникова О.К. Мурманск: Институт развития образования, 2015. 39 с.
6. Методические указания по созданию дистанционного курса на сайте 4Portfolio (по общеобразовательным дисциплинам) [Электронный ресурс]. Кировск, 2018. 29 с. URL: <https://fk.masu.edu.ru/sveden/doc/metodicheskie/metodicheskie-ukazaniya-po-sozdaniyu-distancionnogo-kursa-na-sajte-4portfolio.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).
7. Танцура Т.А. Особенности профессиональной деятельности педагога в условиях цифровой образовательной среды // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4(89). С. 90–92.
8. An effective contract as an innovative contour for evaluating the results of a teacher's professional activity in higher school [Electronic resuors] / A.V. Leontieva [et al.] // Laplage em Revista. 2021. Vol. 7. URL: https://www.researchgate.net/publication/355240129_An_effective_contract_as_an_innovative_contour_for_evaluating_the_results_of_a_teacher's_professional_activity_in_higher_school(дата обращения 03.02.2023).
9. 360-Degree Feedback for Teacher's Portfolio Development: Research in Quality Assurance at the University Level / E.N. Shchhaveleva, A. Iatcenko, A.N. Kuznetsov // EDULEARN18 Proceedings: Conference Proceedings, Palma, Spain (02–04 июля 2018 г.). Palma, Spain: IATED Academy, 2018. P. 2995–3000.

REFERENCES:

1. Bibalova S.A., Leontieva A.V. Analysis of the experience of transition to distance learning in the system of higher education during the pandemic (the case of FSBEI HE «Maikop State Technological University» and FSBEI HE «Adyghe State University») // Bulletin of Maikop State Technological University. 2021. V. 13, No. 4. P. 59–68.
2. Kartukova A.A. Digital educational environment as a factor in the professional development of a teacher [Electronic resource] // Digital educational environment: new competencies of a teacher: a collection of materials from the conference participants. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1675436774&tld=ru&lang=ru&name=Digital%20educationalhttps://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1675436774&tld=ru&lang=ru&name=Digital> (date of access 03.02.2023).

3. Kiseleva E.V. Theoretical approaches to the definition of the concept of «Digital Education» // Bulletin of Maikop State Technological University. 2022. V. 14, No. 1. P. 75–81.
4. Lobacheva G.V., Vasin A.N., Iznairov B.M. Electronic personal account of a teacher as a tool for managing the educational process // University management: practice and analysis. 2018. V. 22, No. 2 (114). P. 116–125.
5. Methodological bases for creating an electronic training course: M54 methodological recommendations / Koropovskaya V.P., Myasnikova O.K. Murmansk: Institute for the Development of Education, 2015. 39 p.
6. Guidelines for creating a distance course on the 4Portfolio website (for general education disciplines) [Electronic resource]. Kirovsk, 2018. 29 p. URL: <https://fk.masu.edu.ru/sveden/doc/metodicheskie/metodicheskie-ukazaniya-po-sozdaniyu-distancionnogo-kursa-na-sajte-4portfolio.pdf> (date of access: 04.02.2023).
7. Tantsura T.A. Features of the professional activity of a teacher in a digital educational environment // World of science, culture, education. 2021. No. 4(89). P. 90–92.
8. An effective contract as an innovative contour for evaluating the results of a teacher's professional activity in a higher school [Electronic resource] / A.V. Leontieva [et al.] // Laplage em Revista. 2021 Vol. 7. URL: https://www.researchgate.net/publication/355240129_An_effective_contract_as_an_innovative_contour_for_evaluating_the_results_of_a_teacher's_professional_activity_in_higher_school (date of access 03.02.2023).
9. 360-Degree Feedback for Teacher's Portfolio Development: Research in Quality Assurance at the University Level / E.N. Shchaveleva, A. Iatcenko, A.N. Kuznetsov // EDULEARN18 Proceedings: Conference Proceedings, Palma, Spain (02–04 July 2018). Palma, Spain: IATED Academy, 2018. P. 2995–3000.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-126-133>
УДК 378.016:811

Шадже З.М.

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Шадже Зариет Мухамчериевна,
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностран-
ных языков ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический
университет», Майкоп, Россия
e-mail: kaf_inyaz@mkgtu.ru
тел.: +7 (8772) 57-12-39

Аннотация

В условиях постоянного обновления современного образования приобретает актуальность разработка методов повышения эффективности развития профессиональных компетенций в обучении иностранному языку в неязыковом вузе.

Необходимо разрешить противоречие, вызванное исключением перевода из современных методов обучения и резервами методов с применением перевода. Проблема состоит в выявлении способов внедрения заданий с использованием родного языка в современные методы обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

Цель статьи – уточнение роли перевода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Выявляется сущность перевода в иноязычном обучении в неязыковом вузе, раскрывается психологический механизм овладения иностранным языком и место перевода в этом процессе, оценивается степень необходимости использования двуязычных упражнений в профессиональном обучении иностранному языку.

Методологической основой явились положения о природосообразности процесса обучения. В работе были использованы методы сравнения, анализа, наблюдения, проведен педагогический эксперимент. Опытнo-экспериментальной базой выступил Майкопский государственный технологический университет.

Определена сущность понятия «перевод» в методике иноязычного обучения, разработана модель обучения иностранному языку в неязыковом вузе, составлено учебное пособие, сделан вывод: развитие профессиональной компетенции обучаемых неязыкового вуза в части «иноязычной деловой коммуникации» будет более эффективным, если внедрить в систему иноязычного обучения в неязыковом вузе модель обучения иностранному языку в неязыковом вузе с применением перевода как способа и цели обучения.

Ключевые слова: учебный перевод, коммуникативная методика, грамматико-переводный метод, прямой и обратный перевод, чистый перевод, двуязычные упражнения, контекст обучения, ситуативное использование перевода, социальное взаимодействие, алгоритм действий, языковая деятельность, языковая компетентность

Для цитирования: Шадже З.М. Роль перевода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 126-133. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-126-133>.

Shadzhe Z.M.

THE ROLE OF TRANSLATION IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Shadzhe Zariet Mukhamcherievna,

Candidate of Philology, an associate professor, head of the Department of Foreign Languages of FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, Russia

e-mail: kaf_inyaz@mkgtu.ru

tel.: +7 (8772) 57-12-39

Abstract

In the conditions of constant renewal of the modern education, the development of methods for increasing the efficiency of developing professional competencies in teaching a foreign language in a non-linguistic university becomes relevant.

It is necessary to resolve the contradiction caused by the exclusion of translation from modern teaching methods and the reserves of methods using translation. The problem of the research is to introduce tasks using the native language into modern methods of teaching a foreign language in a non-linguistic university.

The purpose of the research is to clarify the role of translation in teaching a foreign language in a non-linguistic university. The article reveals the essence of translation in foreign language teaching in a non-linguistic university, reveals the psychological mechanism of mastering a foreign language and the place of translation in this process, assesses the degree of necessity of using bilingual exercises in professional teaching of a foreign language.

The provisions on the natural conformity of the learning process made up the methodological basis of the research. The methods of comparison, analysis, observation were used in the work, a pedagogical experiment was carried out. Maikop State Technological University acted as an experimental base.

The essence of the concept of «translation» in the methodology of foreign language teaching has been determined; a model of teaching a foreign language in a non-linguistic university developed; a textbook has been compiled. It has been concluded that the development of professional competence of students of a non-linguistic university in terms of «foreign language business communication» will be more effective if introduced into the system of foreign language teaching in a non-linguistic university, a model of teaching a foreign language in a non-linguistic university using translation as a method and purpose of teaching.

Keywords: educational translation, communicative methodology, grammar-translation method, direct and reverse translation, pure translation, bilingual exercises, learning context, situational use of translation, social interaction, algorithm of actions, language activity, language competence

For citation: Shadzhe Z.M. The role of translation in teaching a foreign language in a non-linguistic university // Vestnik Majkopskogo gosudarstvenno-go tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 126-133. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-126-133>.

Несмотря на наличие большого количества работ по методике обучения иностранному языку в неязыковом вузе, остается малоизученной проблема осознанного обучения иностранному языку в неязыковом вузе и места перевода в этом процессе. Обучение переводу освещается чаще в аспекте подготовки профессионалов-переводчиков (Комиссаров В.Н., Алексеева И.С., Латышев Л.К., Семенов А.Л., Carreres A.). Существующие методы обучения иностранному языку, исключая перевод из системы обучения, не в полной мере способствуют достижению цели развития профессиональной компетенции выпускников вузов.

Перевод определяется как «межъязыковая трансформация, то есть преобразование текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке» [1, с. 3]. Он же является «отождествлением созданного отрезка речи с соответствующей частью оригинала» [3, с. 5].

Содержание дебатов «за» и «против» перевода в обучении иностранному языку свидетельствует о разных трактовках смысла самого термина. Перевод – результат языковой деятельности или средство достижения языковой компетентности.

Для определения места и роли перевода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе следует:

- изучить современное состояние методики обучения иностранному языку в неязыковом вузе;
- обнаружить противоречия, связанные с исключением использования родного языка и перевода из коммуникативной методики;
- оценить возможности использования перевода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе и разработать модель иноязычного обучения с интенсивным применением перевода;
- подтвердить в педагогическом эксперименте выявленные положения о роли перевода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе.

Противники использования перевода в обучении иностранному языку уподобляют его грамматико-переводному методу. В рамках данного метода перевод является главной целью обучения. Для грамматико-переводного метода характерно сосредоточение на грамматической стороне иностранного языка. Основным недостаток метода – исключение коммуникации из контекста обучения. Задания по переводу носят искусственный характер: не связаны с реальной ситуацией использования языка. В грамматико-переводном методе акцент делался на содержании обучения. Этот метод формирует представление о том, что иностранный язык является системой соответствий знаков, «используемых в любых контекстах» [2, с. 87].

На современном этапе методики обучения иностранному языку перевод получает статус «запрещенного метода» по той причине, что он является скучным, «авторитарным», «не связан с реальным контекстом употребления языка, опирается на родной язык, не развивает виды речевой деятельности» [7, с. 5]. В иноязычном обучении предпочтение отдается интенсивным коммуникативным методам. В этих методах особое внимание уделяется обучению на подсознательном уровне. Это ускоряет обучение, но в них принцип сознательности и прочности знаний остается вопросом второго плана.

Педагоги-практики указывают на то, что преимущественное обучение иностранному языку по коммуникативной методике отрицательно сказывается на качестве осознанного владения иностранным языком. В вуз поступают обучаемые, «не владеющие умениями и навыками перевода» [5, с. 81].

Несмотря на множество аргументов «против», перевод продолжает использоваться в коммуникативно-направленных методах в качестве средства обучения. «Перевод выполняет коммуникативную функцию, поэтому является речевой

деятельностью, при помощи которой осуществляется акт общения» [3, с. 172]. Восприятие иноязычной речи происходит только после ее перевода (сначала подсознательно переводится текст и только затем реагируют на иноязычную реплику). Сформулированные на иностранном языке коммуникативные задания в учебниках выполняются только после их предварительного перевода.

Обучение иностранному языку с использованием перевода в качестве средства обучения может быть более реалистичным, осмысленным, природосообразным в отличие от интенсивных методик, отрывающих обучаемых от реальной жизненной ситуации. «Владение иностранным языком, не предполагающее обращение к переводу, является умением «зоны ближайшего развития» [6, с. 81].

Родной язык – это базис, на который надстраивается иностранный язык. При изучении иностранного языка обучаемый не погружается в неизвестность, он реконструирует навыки и умения родного языка. Для этого он обращается к переводу. «Важной частью при обучении переводу является работа со словарями, и в частности с терминологическими словарями» [6, с. 83].

В современных условиях вполне закономерно максимальное использование коммуникативных технологий в обучении иностранному языку [5, с. 100]. Внедрение перевода в коммуникативные технологии создает условия для реального социального взаимодействия в режимах: обучаемый – обучаемый, преподаватель – обучаемый, обучаемый – преподаватель.

Считаем, что опора на опыт родного языка при обучении иностранному языку способствует более осознанному овладению иностранным языком. Сами методы, включающие перевод в качестве средства обучения, являются более реальными и приближают обучение к жизненной реальной ситуации. Регулярное

использование перевода как средства обучения способствует осознанию иноязычных реплик и текста, их структуры, а в будущем спонтанному восприятию иноязычной речи (текста).

Официальное использование перевода в обучении иностранному языку делает обучаемого более автономным и активным, а сам процесс обучения более осмысленным, что повышает мотивационный уровень обучаемых, развиваются навыки понимания и анализа текста. Перевод на родной язык, как средство обучения и проверки понимания иноязычных реплик и текстов, становится эффективным средством обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

Актуальная ситуация, связанная с недостаточным владением иностранным языком выпускниками вуза в рамках профессиональной компетенции, обусловила необходимость определения роли перевода в процессе иноязычного обучения и разработки эффективных заданий, оптимизирующих процесс обучения.

С этой целью мы разработали модель обучения иностранному языку в неязыковом вузе, интегрирующую принципы и подходы коммуникативного обучения и грамматико-переводного метода (рис. 1).

Формирование навыков перевода с иностранного на родной и с родного на иностранный язык является одной из промежуточных целей развития иноязычной профессиональной компетенции в рамках обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Поскольку перевод как цель обучения уже применяется на занятиях, следует расширить диапазон его использования. Поэтому мы отделили переводную роль средства обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Говоря о средстве обучения, считаем не оптимальным вариантом использование в заданиях по учебному переводу ссылок на перевод. При формулировании заданий мы стараемся вносить коммуникативный контекст в задания на нахождение языковых

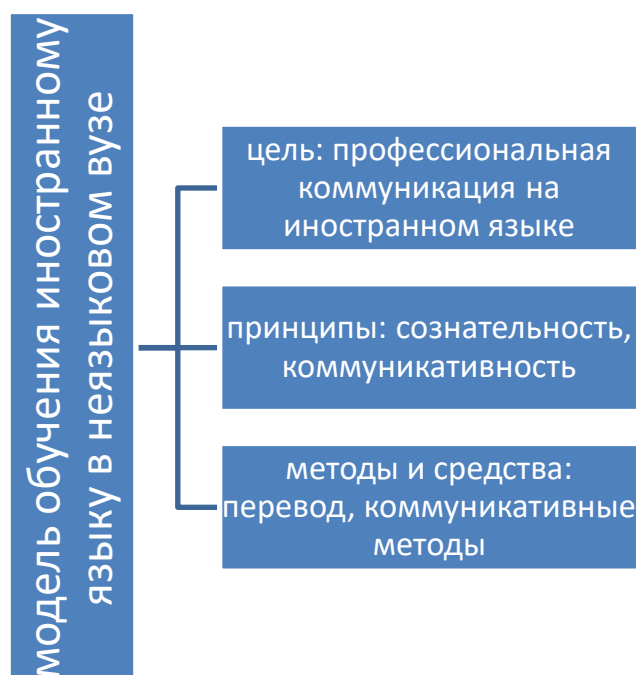

Рис. 1. Модель обучения иностранному языку в неязыковом вузе

эквивалентов, исходим из необходимости ситуативного использования перевода на занятиях по иностранному языку.

Целью овладения иностранным языком в неязыковом вузе является профессиональная коммуникация на иностранном языке. Перевод и подбор эквивалентов не является конечной целью. Для того чтобы не терялся коммуникативный характер обучения, исключаются из формулировки заданий выражения типа «переведите», «подберите эквиваленты», так как в них теряется учебный характер и формируется мнение о том, что перевод является конечной целью овладения иностранным языком. Эти упражнения предлагают называть «двуязычными» или «упражнениями с использованием родного языка» [2, с. 88].

Предпочтительнее формулировки заданий, включающих коммуникативный контекст. Например: «Ваша фирма купила новые аппараты, инструкция написана на английском языке. Прочтите инструкцию на английском языке и расскажите вашим сотрудникам, как они работают». В данном задании речь идет

о реферативном переводе, но коммуникативный контекст его формулировки делает его более интересным, обучаемого – более мотивированным, а сам процесс обучения практикоориентированным.

Использование перевода в процессе обучения может помочь в развитии профессиональной компетенции. Так, переводя письма (деловые), инструкции (технические) и соответственно реагируя, обучаемый расширяет коммуникативную компетенцию. Формулировка таких заданий должна быть коммуникативно направленной. Например: прочтите деловое письмо и ответьте по телефону партнерам по бизнесу.

Очевидной является связь степени владения родным языком и процессом усвоения иностранного языка. «Двуязычные упражнения» на уровне словосочетания практикуются при изучении лексики: подбираются эквиваленты на родном и иностранном языках. При выполнении «двуязычных» упражнений на уровне предложения формируются навыки сопоставления моделей предложений на родном и иностранном языках. Необходимо

обращать особое внимание на изучаемые языковые средства.

При разработке заданий на уровне текста исключается дословный перевод и идет концентрация на передаче содержания текста, перефразировании. Использование данного типа упражнений позволяет совершенствовать знания о структуре двух языков, уяснить их сходства и различия.

В обучении иностранному языку используются прямой перевод с иностранного языка на родной язык и обратный – с русского языка на иностранный язык. При прямом переводе раскрывается смысл текста, иноязычный текст формулируется по правилам и нормам родного языка, в результате развиваются языковая догадка и навык анализа контекста.

Обратный перевод является более сложным и может использоваться только на более продвинутых этапах обучения. Он требует прочных знаний о языковых средствах и системе иностранного языка. Данное направление перевода выявляет проблемы во владении навыками передачи языковых соответствий и поэтому может применяться в основном для контроля знаний обучаемых.

Прямой и обратный перевод находят применение на всех трех уровнях перевода (словосочетание, предложение, текст). Преподаватель дополняет «двуязычные» задания коммуникативным компонентом с учетом сущности и специфики направлений перевода.

Профессиональный подход к организации двуязычных упражнений заключается в учете принципов двуязычных соответствий, типичных ошибок обучаемых, интерференции родного языка, правил составления инструкций по выполнению заданий, исходя из цели и задач дисциплины.

Исключая перевод из контекста обучения иностранному языку, следует учитывать психологический механизм восприятия иноязычной речи, компонентом

которого является перевод про себя. Иноязычная речь не воспринимается автоматически: сначала подсознательно происходит передача текста на родной язык. Поэтому применение перевода в процессе обучения иностранному языку является природосообразным, натуральным обучением.

Процесс перевода включает три этапа: восприятие речи (текста), расшифровка (анализ, грамматический, лексический разбор), передача речи, текста на родном языке. Те же этапы проходят в процессе понимания иноязычного текста (речи). Следовательно, контроль понимания иноязычного текста возможен в большинстве случаев с использованием родного языка.

Часто используемым видом перевода в неязыковом вузе является технический перевод. Для технического перевода требуется знание специфики данного вида текста на родном языке, узкоспециальной лексики в своей отрасли и специфичной для технических текстов грамматики.

Внедрение в практику обучения иностранному языку в неязыковом вузе перевода как средства обучения способствует оптимизации иноязычного профессионального обучения, процесса овладения обучаемыми навыками перевода и развитию профессиональной компетенции выпускников вузов.

По результатам исследования роли перевода в процессе иноязычного профессионального обучения и обобщения опыта работы кафедры иностранных языков Майкопского государственного технологического университета в аспекте применения методов, включающих перевод в качестве средства и цели обучения, было составлено и апробировано учебное пособие: English for Petroleum Industry Professionals: Vocational English Coursebook. Part 1 / сост. Чистобаева Л.В., Шадже З.М. Майкоп: Магарин О.Г., 2018. 275 р. [8], в котором была реализована модель профессионального иноязычного обучения, интегрирующая принципы

коммуникативного и грамматико-переводного методов. Цель: профессиональная коммуникация на иностранном языке с деловыми партнерами, включающая понимание и умение оперировать с деловыми бумагами и профессиональными текстами. Принципы обучения: природосообразность, сознательность, коммуникативность обучения. В качестве средств обучения выступают перевод и коммуникация.

Для подтверждения выводов о роли перевода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе нами был проведен педагогический эксперимент на базе Майкопского государственного технологического университета в группах специальности «Нефтегазовое дело» в течение первого семестра 2021/22 учебного года. Были созданы контрольная и экспериментальная группы. В контрольной группе занятия проводились традиционно. В экспериментальной группе преподавание велось по разработанной модели иноязычного обучения иностранному языку в неязыковом вузе. В качестве материала обучения

использовалось вышеупомянутое учебное пособие [8].

На занятиях обучаемые сравнивали свои переводы с переводами других обучаемых, рефлексировали, выбирали лучшие. Получившийся результат сравнивали с авторскими переводами высокого качества. Здесь перевод выступает и средством обучения, и средством коммуникации.

Наш опыт показал, что официальное использование перевода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе активизирует иноязычные умения обучаемых и способствует более эффективному сознательному формированию профессиональной компетенции.

Результаты обучения в экспериментальной группе оказались существенно выше, чем в контрольной группе. В экспериментальной группе обучаемые по итоговому тесту показали результат 100%, а в контрольной группе – 82%. Было доказано, что система обучения иностранному языку в неязыковом вузе с использованием перевода делает обучение более осознанным, а получаемые знания более прочными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 2020. 239 с.
2. Емельянова Я.Б. Роль и место двуязычных упражнений в процессе иноязычной подготовки переводчиков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 86–90.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТОС, 2014. 424 с.
4. Трубина З.И. Письменный перевод как средство обучения иностранному языку в средней общеобразовательной школе // Педагогическое образование в России. 2006. № 3. С. 171–175.
5. Чистобаева Л.В., Шадже З.М. Инновационные педагогические технологии обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. Вып. 4. С. 98–101.
6. Шадже З.М. Обучение переводу иноязычной литературы в неязыковом вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. Вып. 2. С. 80–86.
7. Carreres A. Strange bedfellows: Translation and Language teaching. The teaching of translation into L2 in modern language degrees; uses and limitations [Electronic resource]: paper presented at the 6th Symposium on Translation, Terminology and Interpretation in Cuba and Canada. Havana, Cuba: Canadian Translators, Terminologists and Interpreters Council, 2006. Access mode: http://www.ctic.org/publications_06Symposium.asp.

8. English for Petroleum Industry Professionals: Vocational English Coursebook. Part 1 / сост. Чистобаева Л.В., Шадже З.М. Майкоп: Магарин О.Г., 2018. 275 p.

REFERENCES:

1. Barkhudarov L.S. Language and translation. Moscow: International relations, 2020. 239 p.
2. Emelyanova Ya.B. The role and place of bilingual exercises in the process of foreign language training of translators // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2016. No. 3. P. 86–90.
3. Komissarov V.N. Modern translation studies: a textbook. M.: ETOS, 2014. 424 p.
4. Trubina Z.I. Written translation as a means of teaching a foreign language in a secondary school. Pedagogical education in Russia. 2006. No. 3. P. 171–175.
5. Chistobaeva L.V., Shadzhe Z.M. Innovative pedagogical technologies for teaching a foreign language in a non-linguistic university // Bulletin of Maikop State Technological University. 2015. Issue. 4. P. 98-101.
6. Shadzhe Z.M. Teaching translation of foreign literature in a non-linguistic university // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2016. Issue. 2. P. 80–86.
7. Carreres A. Strange bedfellows: Translation and Language teaching. The teaching of translation into L2 in modern language degrees; uses and limitations [Electronic resource]: paper presented at the 6th Symposium on Translation, Terminology and Interpretation in Cuba and Canada. Havana, Cuba: Canadian Translators, Terminologists and Interpreters Council, 2006. Access mode: http://www.cttic.org/publications_06Symposium.asp.
8. English for Petroleum Industry Professionals: Vocational English Coursebook. Part 1 / comp. by Chistobaeva L.V., Shadzhe Z.M. Maikop: Magarin O.G., 2018. 275 p.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-134-140>

УДК 316.354.4(470)

Зимин А.Э.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Зимин Алексей Эдуардович,

аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Северо-Кавказский социальный институт», Ставрополь, Россия

e-mail: zimin.science@yandex.ru

Аннотация

В России волонтерство стало чрезвычайно популярно в последнее десятилетие. Целью данного исследования является выявление основных этапов становления волонтерства в России, влияние истории и культуры страны на специфику добровольческой деятельности.

Изучением вопросов деятельности добровольческих объединений занимаются различные науки, например, такие как: социология, психология, история и др. В волонтерских сообществах принимают участие представители разных слоев общества. Несмотря на то что волонтерство как явление появилось относительно недавно, оно приобрело немаловажную общественную значимость. Волонтерское движение в последние годы приобрело массовый характер.

В статье предпринята попытка выделить основные этапы развития волонтерского движения в России. Представлена историко-культурная характеристика каждого из этапов: религиозного, дореволюционного, советского и современного. Определена специфика этапов – изменение отношения общества к волонтерской деятельности. Автор показывает, как расширялась сфера деятельности волонтеров. Обращено внимание на формирование нормативно-правовой базы волонтерской деятельности на современном этапе. Раскрыта специфика международного волонтерства.

Автором сделан вывод, что постепенно формируется культура волонтерства, но как и все новые явления она еще не сложилась окончательно. Тем не менее, можно отметить, что волонтерская деятельность в настоящий момент является социально значимым направлением для общества и государства.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, незащищенные слои населения, организация, помощь, нуждающиеся, благотворительная деятельность

Для цитирования: Зимин А.Э. Этапы становления волонтерства в России: историко-культурный аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 134-140. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-134-140>.

Zimin A.E.

GENESIS OF VOLUNTEERING IN RUSSIA: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS

Zimin Alexey Eduardovich,

A postgraduate student of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Autonomous non-profit organization of higher education «The North Caucasian Social Institute», Stavropol, Russia

e-mail: zimin.science@yandex.ru

Abstract

In Russia volunteering has become extremely popular in the last decade. The purpose of the research is to identify the stages of the formation of volunteering, the influence of the history and culture of the country on the specifics of volunteering.

Various sciences are engaged in the study of the activities of volunteer associations, for example, such as: sociology, psychology, history, etc. Representatives of different strata of society take part in volunteer communities. Despite the fact that volunteering as a phenomenon appeared relatively recently, it has acquired an important social significance. The volunteer movement has become massive in recent years.

Gradually, a culture of volunteering is being formed, but, like all new phenomena, it has not yet fully developed. Nevertheless, it can be noted that volunteering is currently a socially significant area for society and the state.

The article attempts to single out the main stages in the development of volunteer movement in Russia, and gives a description of each stage.

Keywords: volunteering, voluntary service, vulnerable groups of the population, organization, assistance, needy, charitable activities

For citation: Zimin A.E. Genesis of volunteering in Russia: historical and cultural aspects // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 134-140. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-134-140>.

Для определения понятия «культура волонтерства» нам необходимо рассмотреть первоначальное значение слова «волонтер». Изначально данный термин обозначал солдата-добровольца, появившись от французского слова *volontaire*, которое в свою очередь произошло от латинского *voluntaries*. С течением времени смысловое содержание данного термина претерпело изменения и стало обозначать всех людей, которые

участвуют в различных делах по доброй воле.

«Всемирной декларацией добровольчества» волонтерство (добровольчество) определяется как деятельность, способствующая реализации права каждого человека на служение общественному благу [1, с. 10].

Волонтерство в России как вид деятельности очень отличается от функционирования таких же организаций за

рубежом. Это связано со сложившимися традициями добровольчества, деятельностью государственных органов, спецификой законодательства в Российской Федерации. Кроме того, можно видеть в российском волонтерстве некоторое противоречие между бескорыстной помощью нуждающимся, взаимопомощью, присущей россиянам (религиозная культура, традиции православия) и в то же время отсутствие инициативы большей части граждан.

Самые яркие проявления добровольческой инициативы чаще всего связаны с различными кризисными ситуациями (стихийные бедствия, техногенные катастрофы и др.). В течение многих веков понятие «добро» меняло свое значение в зависимости от страны, народа и культуры. Как общечеловеческая ценность «добро» в любом обществе воспринимается как нечто положительное и благоприятное для людей. Сложные внешние условия жизни, исторические реалии России способствовали выработке сплоченности и взаимной поддержке.

Существует множество причин, препятствующих развитию культуры волонтерства. Например, пробелы в законодательной базе, отсутствие системного подхода и современных методов подготовки волонтеров и т.д.

Прошлое нашей страны изобилует многочисленными примерами оказания помощи нуждающимся. «Сострадание и милосердие лежало в основе добровольного служения обществу и поддерживалось церковью, поскольку являлось воплощением священных заповедей и составляло органичную часть религиозной культуры» [1, с. 11].

Особенности национального менталитета и характера несут в себе определенные культурные коды, которые складывались столетиями и формировали культуру добровольчества в России.

Выделим этапы развития культуры добровольчества в России, в основу

которых положено ценностно-смысловое содержание понимания волонтерства как вида деятельности и проявления общественной помощи.

Первый этап – религиозный. Если рассматривать в исторической ретроспективе процесс формирования культуры волонтерства, можно отметить, что традиции взаимовыручки и взаимопомощи были широко распространены среди русского народа. Чаще всего помогали представителям малозащищенных слоев населения: нищим, старикам, вдовам, инвалидам и т.д.

Добровольчество в России начинается с момента христианизации Руси, когда при активной деятельности церкви формируется православная традиция помощи нуждающимся. Так, при монастырях широко используется безвозмездная помощь трудников – людей, которые пришли помогать на добровольной и бескорыстной основе во славу Божию.

При Ярославе Мудром все талантливые дети независимо от сословной принадлежности обучались грамоте в сиротских училищах, пожертвования на которые собирали с жителей деревень.

Особенность волонтерской деятельности на религиозном этапе: зарождение и фиксация понятия «доброволец», появление волонтерских (добровольческих) практик, появление понимания ценности для общества помощи нуждающимся, волонтерская деятельность имеет локальный характер, формируются основы культуры волонтерства.

Второй этап – дореволюционный. Государственные институты включились в процесс добровольчества не сразу. В дореволюционной России на казенные средства и благотворительные пожертвования существовала социальная политика государства.

Большой вклад в развитие и популяризацию добровольчества внесла императорская семья, которая вкладывала большие средства в строительство и

оснащение сиротских домов, больниц, богаделен и т.д. Представители знати следовали примеру императорской семьи.

Для незаконнорожденных и детей-сирот в екатерининские времена были открыты воспитательные дома. В начале XIX века была основана крупнейшая благотворительная организация в России – Императорское человеколюбивое общество. Инициатором создания общества был император Александр I. Деятельность общества быстро распространилось по всей территории страны, поскольку помощь нуждающимся оказывалась не только материальная, но и в натуральной форме (продукты, некоторые виды работ и др.).

Были созданы специальные комитеты, деятельность которых направлена на помощь нуждающимся по определенному профилю (направлению). Медико-филантропический комитет занимался безвозмездной помощью неимущим больным. Комитет попечительства бедных занимался предоставлением материальной помощи нуждающимся. Сотрудники комитета работали безвозмездно, оплачивая лишь услуги приглашенных специалистов.

Массовый характер помощи больным и нуждающимся приобретает вследствие проведенных императором Александром II реформ. В тот период особую важность в жизни государства приобрела деятельность добровольцев. После отмены крепостного права крестьяне столкнулись с рядом серьезных социальных проблем, решить которые они не могли, у государства также не было отработанных механизмов их решения. Благотворительной деятельностью занимались разные люди, независимо от сословной принадлежности. Земские врачи и учителя работали в школах и больницах на безвозмездной основе. Организованный и отраслевой характер был отличительной чертой волонтерской деятельности того периода [3, с. 828].

К концу XIX века в Москве собирали сведения о семьях, находящихся в бедственном положении, создавались городские попечительства о бедных. Волонтеры занимались не только помощью нуждающимся, но и активно собирали пожертвования.

В начале XX века в Санкт-Петербурге была создана система участковых попечительств о бедных, благодаря которой нуждающееся население получало необходимую материальную помощь и иные виды содействия. Население города периодически опрашивали, выявляя насущные потребности людей для использования в дальнейшей работе по оказанию помощи и поддержки.

В данном случае работа волонтеров была построена таким образом, что информация, полученная в ходе опроса, помогала понять волонтерам, в какой именно помощи нуждается человек, что делало ее практически индивидуальной.

Одной из особенностей добровольчества в России дореволюционного периода была слабая организация совместной деятельности граждан. Многие деятельные люди, не состоявшие в организациях и обществах, самостоятельно помогали обездоленным и угнетенным. Не оставляли без внимания добровольцы и заключенных. Их навещали по праздникам, приносили еду, лекарства.

Работа добровольных помощников нашла отражение в литературных произведениях, например, Алеша Карамазов, создавший целую «волонтерскую команду» в «Братьях Карамазовых» у Ф.М. Достоевского [2, с. 75].

Показательной была также помощь бездомным животным, некоторые общества выступали за внедрение идей гуманного обращения с животными.

Как показывает история, добровольчество и потребность в нем возрастают в периоды сильных социальных потрясений. В конце XIX века добровольцы принимали активное участие в борьбе

с голодом. Люди разных профессий, социальных слоев активно включились в сбор продовольствия, денег. Для голодающих открывались столовые, больницы. Периодически в помощь голодающим организовывались общественные работы.

Участие России в войнах также способствовало привлечению в добровольческие организации неравнодушных людей, денежных средств. Например, именно в России появились первые в мире сестры милосердия. Это были монахини московской Свято-Никольской обители. Они добровольно отправились на фронт для помощи раненым бойцам. Первая мировая война способствовала широкому распространению этого движения по всему миру, положив таким образом начало движению «Красного креста».

Большую роль сыграло участие женщин-добровольцев в различных военных кампаниях. «Красный крест» готовил сотни женщин-медсестер.

Таким образом, ограниченность ресурсов государства создала предпосылки для широкого развития добровольческого движения в дореволюционной России. В добровольчестве были задействованы широкие слои населения, которые занимались решением разных социальных проблем нуждающихся при одобрении властей, осознающих, что без помощи общественности эти трудности невозможно решить.

Особенность волонтерской деятельности на дореволюционном этапе: слабая организация деятельности добровольцев, появление общественных организаций, основной деятельностью которых выступала добровольческая деятельность, привлечение к добровольческой деятельности широких масс населения, появление государственного интереса к работе добровольцев, ограниченность помощи самим добровольцам (волонтерам), расширение социального пространства волонтерской деятельности. В российском

обществе идет принятие культуры волонтерства.

Третий этап – советский. После Октябрьской революции 1917 года волонтерство в России приобрело «добровольно-принудительный» характер. Государство взяло под свой контроль всю добровольческую деятельность. В 1930 году был закрыт российский филиал международного «Красного креста». Несмотря на эти условия, добровольчество в СССР не перестало существовать. Следует сказать, что волонтерская деятельность претерпела некоторую трансформацию. В народном сознании постепенно сложился образ комсомольца-добровольца, который сражался на войне, восстанавливал сельское хозяйство, участвовал в комсомольских стройках и т.д.

В 40-е годы под влиянием повести А.П. Гайдара «Тимур и его команда» появилось и широко распространилось среди школьников «тимуровское движение», главной задачей которого было оказание помощи семьям военнослужащих, престарелым людям, детским садам, больницам и т.д. [3, с. 107].

Деятельность участников этого движения имела большое общественно-политическое и социальное значение. У детей формировались и развивались нравственные качества, патриотические и духовные ценности. Средства массовой информации широко освещали дела тимуровских команд, побуждая школьников совершать благородные поступки [5, с. 112].

Особенность волонтерской деятельности на советском этапе: широкая общественная поддержка, одобрение, нацеленность на формирование нравственных качеств самих добровольцев, государственная поддержка добровольческих инициатив, принятие ценностей культуры волонтерства, формируется нормативно-ценностное ядро культуры волонтерства как общественного явления.

Четвертый этап – современный. В России в современном понимании

добровольчество или волонтерство оформилось в 80-е – 90-е годы XX века. У бывших советских граждан под воздействием большого количества различных факторов стало меняться мировоззрение. Каждому было необходимо найти свое место в новых общественных реалиях. В этот период появляются первые некоммерческие организации (НКО), которые были основаны наиболее активными людьми. НКО занимались решением самых насущных проблем в жизни людей вне зависимости от государственного и политического управления. Благодаря волонтерской деятельности люди сообща преодолевали жизненные трудности: оказание медицинской помощи больным, старикам, малообеспеченным, помощь беженцам, вынужденным переселенцам и т.д. Ни один социально незащищенный слой населения не оказался обойденным вниманием НКО.

Принятый в 1990 году закон «Об общественных объединениях» стал правовой базой для реализации гражданской активности в организованных формах (волонтерство, общественные объединения).

В 90-е годы XX века в России происходили бурные перемены, которые затронули все слои общества. Большая часть населения была поставлена в условия, когда появилась жизненная необходимость искать пути выживания в этой непростой ситуации. Социальные катаклизмы привели к необходимости возникновения добровольческих групп взаимопомощи. Благодаря им у социально незащищенных слоев населения появилась возможность решить наиболее серьезные социально-экономические проблемы, связанные с выживанием людей в изменившихся условиях.

Благодаря деятельности волонтерских организаций осуществлялась помощь людям в трудоустройстве, прохождении переквалификации.

Достаточно часто лидеры волонтерских объединений были вынуждены использовать свой личный опыт по привлечению добровольцев к работе в общественных объединениях. Практически все организации того периода работали в сфере социальной помощи. В это время добровольцев стали называть «волонтерами».

Стали появляться профильные (специализированные) направления волонтерской деятельности: медицинское, культурное, спортивное, социальное. Широкое распространение и популярность получили различные волонтерские акции, выросшие до масштабных благотворительных мероприятий, в которых принимали участие представители общественности, культуры, политики и многие другие.

Новый виток в развитии волонтерства начался после принятия комплекса федеральных правовых актов, регулирующих общественную, некоммерческую и благотворительную деятельность. В этот период появляются международные центры поддержки волонтерской деятельности. В России разворачивается сеть крупных волонтерских центров (Мосволонтер, Ассоциации волонтерских центров и др.), также объединения волонтеров появляются в вузах страны.

Особенность волонтерской деятельности на современном этапе: развитие нормативно-правовой базы добровольческой (волонтерской) деятельности, расширение сферы деятельности волонтерских объединений, спецификация направлений работы волонтеров, развитие международного волонтерства, широкая просветительская работа в молодежной среде, реализуется система подготовки волонтеров, волонтерская деятельность принимает глобальный характер, культура волонтерского движения отражает ценности общества.

Заключение.

Социальная значимость волонтерства выражается в функционировании

его в качестве социального института, направленного на организацию общественной активности граждан. В волонтерской деятельности объединяются различные социальные группы, что способствует развитию гражданского общества и социальных инициатив.

Выделяются четыре этапа развития волонтерского движения и добровольческих инициатив в России: религиозный, дореволюционный, советский и современный. На протяжении всех этапов постепенно формируется ценностное ядро волонтерства, как общественного феномена.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Купцова И.А. Культура волонтерства: определение понятия и основные характеристики феномена // Педагогика искусства. 2018. № 4. С. 9–15.
2. Горлова Н.И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Ин-т наследия, 2019. 290 с.
3. Паршина Ю.В. Волонтерское движение и его истоки в России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 9 (43). С. 106–109.
4. Беляева Л.А., Зеленев И.А., Прохода В.А. Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. № 4. С. 825–828.
5. Паклина Е.А. Волонтерское движение как социально-культурный феномен российского общества // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39) С. 111–115.

REFERENCES:

1. Kuptsova I.A. Culture of volunteering: definition of the concept and main characteristics of the phenomenon // Pedagogy of art. 2018. No. 4. P. 9–15.
2. Gorlova N.I. Formation and development of the institution of volunteering in Russia: history and modernity. M.: Institute of Heritage, 2019. 290 p.
3. Parshina Yu.V. Volunteer movement and its origins in Russia // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2009. No. 9(43). P. 106–109.
4. Belyaeva L.A., Zelenev I.A., Prokhoda V.A. Volunteering in Russia: the history of development and modern attitudes of youth // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2021. No. 4. P. 825-828.
5. Paklina E. A. Volunteer movement as a social and cultural phenomenon of the Russian society // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2019. No. 2 (39). P. 111–115.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-141-148>
УДК 351/354:338.2

Продиблох Н.Е., Болокова М.А.

ИННОВАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Продиблох Надежда Евгеньевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры конституционного строительства и государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

e-mail: nadezhdap@yandex.ru

Болокова Мариэтта Аскарбиевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры конституционного строительства и государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

e-mail: bolokova@rambler.ru

Аннотация

На сегодняшний день не подлежит сомнению тот факт, что традиционные роли правительства и государственного управления должны адаптироваться к возникающим и будущим потребностям общества. В данном контексте необходимо отметить, что инновационные технологии могут привнести новые возможности в государственный сектор, улучшить взаимодействие между органами управления и гражданами за счет упрощения процедур, а также способствовать открытости и прозрачности действий. Перепроектирование политических институтов и переосмысление принципов их работы в более широком смысле может сделать государственный сектор более интерактивным и эффективным. С учетом вышеизложенного цель статьи заключается в проведении исследования отличительных черт внедрения и реализации инновации в системе государственного и муниципального управления России на пути обеспечения социально-экономического развития страны. Методы исследования включают в себя общетеоретические и специальные приемы познания, а именно, анализ, синтез, сравнение, обобщение, систематизация, прогнозирование, экстраполяция. В процессе исследования отдельное внимание уделено влиянию инноваций на социально-экономическое развитие страны на государственном уровне, которое детерминировано на примере трех основных плоскостей их реализации, охватывающих практически все сферы общественной жизни. На местном уровне преимущества использования инноваций в деятельности публичной власти проанализированы в разрезе граждан, бизнес-структур и некоммерческих организаций, а также самих органов местного самоуправления. По результатам исследования сформулированы предложения,

касающиеся развития научно-методического обеспечения инновационной деятельности органов власти в России и активизации использования прогрессивных финансовых инструментов, способствующих появлению управленческих инноваций.

Ключевые слова: инновации, публичное управление, граждане, бизнес, социально-экономическое развитие, инновационная деятельность

Для цитирования: Продиblokh Н.Е., Болокова М.А. Инновации в государственном и муниципальном управлении как необходимое условие социально-экономического развития страны // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 141-148. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-141-148>.

Prodiblokh N.E., Bolokova M.A.

INNOVATIONS IN STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT AS A NECESSARY CONDITION FOR THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE STATE

Prodiblokh Nadezhda Evgenievna,

*Candidate of Sociology, an associate professor, an assistant professor of the Department of Constitutional Building and State and Municipal Administration of FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, Russia
e-mail: nadezhdap@yandex.ru*

Bolokova Marietta Askarbievna,

*Candidate of Philosophy, an associate professor, an assistant professor of the Department of Constitutional Building and State and Municipal Administration of FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, Russia
e-mail: bolokova@rambler.ru*

Abstract

There is no doubt that at present the traditional roles of government and public administration must adapt to the emerging and future needs of the society. In this context, it should be noted that innovative technologies can bring new possibilities to the public sector, improve the interaction between government and citizens by simplifying procedures, and promote government openness. Redesigning political institutions and rethinking government can make political institutions more interactive and effective. All considered, the aim of the article is to study distinctive features of the introduction and implementation of innovation in the system of state and municipal government in Russia to ensure the socio-economic development of the country. The research methods include general theoretical and special methods of knowledge, namely analysis, synthesis, comparison, generalization, systematization, prediction, extrapolation. In the process of the research special attention is paid to the influence of innovations on the social and economic development of the country at the state level, which is determined by the example of three main levels of their implementation, covering almost all spheres of social life. At the local level, the advantages of using innovations in the activities of public authorities have been analyzed in the context of citizens, business structures and non-profit organizations, as well as the local authorities themselves. According to the results of the research, proposals have been formulated concerning the development of scientific and methodological support of innovative activities of public authorities in

Russia and intensifying the use of progressive financial instruments that contribute to the emergence of managerial innovations.

Keywords: innovations, public administration, citizens, business, social AND economic development, innovation activity

For citation: *Prodiblokh N.E., Bolokova M.A. Innovations in state and municipal management as a necessary condition for the social and economic development of the state // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 141-148. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-141-148>.*

В последние десятилетия в мире произошла существенная трансформация потребностей, интересов, индивидуальных ценностей и ключевых установок сообществ людей в целом, кроме того, кардинальным образом трансформировались социальные, экономические и управленческие отношения. Урбанизация, виртуализация большинства сфер жизни, увеличение количества проблем со здоровьем, стремительное развитие потребления, маргинализация, пессимизм, новое качество преступности, истощение природных ресурсов, ухудшение состояния окружающей среды, развитие сферы услуг как альтернативы промышленности, нестандартная конкуренция, новая инфраструктура – это лишь некоторые характеристики изменений, которые происходят в современном мире, и в том числе в России [1].

Не подлежит сомнению тот факт, что в обозначенных условиях динамичных социокультурных сдвигов становление национальной государственности, развитие современной социально-ориентированной рыночной экономики и демократии связано с модернизационными изменениями в системе управления страной по всей вертикали власти, которые опираются на внедрение комплексных инноваций, подчиненных общим целям реформирования общества и отдельных его сфер.

Актуальность исследования проблематики, связанной с инновационными трансформациями системы публичной власти, обусловлена внутренними

потребностями государственного аппарата по обеспечению эффективности деятельности органов власти, программированию и прогнозированию развития государственного управления.

Сегодня задача разработки и применения инновационных инструментов и технологий в деятельности государственных органов власти является новым вектором научных исследований и изысканий. Ее решение направлено на усовершенствование механизма публичного управления, рациональное использование социально-экономического потенциала территорий, организационное упорядочение управленческой деятельности, создание благоприятной инновационной среды в системе органов власти всех уровней [2].

Можно отметить, вполне реальные осязаемые эффекты внедрения инноваций в сферу государственного управления. Например, в Германии внедрение инновационных технологий позволяет сэкономить более 160 млн евро в год бюджетных средств, а бизнес может получить дополнительно около 65 млн евро прибыли в годовом исчислении. В целом по всем странам Евросоюза экономия достигает 70 млрд евро [3].

В соответствии с рейтингом Глобального инновационного индекса 2022 года, отслеживающего показатели инновационной эффективности 132 экономик и актуальные тенденции в области инноваций, в Европе насчитывается максимальное число лидеров в области инноваций – 15 из 25 ведущих экономик. Россия,

заняв 47 место, оказалась в группе стран, где показатели экономики соответствуют уровню дохода выше среднего. Для сравнения, в 2020 году этот показатель составил 64 место. Глобальными лидерами в области инноваций среди европейских стран признаны Швейцария (1-е место), Швеция (2-е место), Соединенное Королевство (3-е место) [4].

Также, особое значение приобретает обоснование концептуальных положений осуществления инновационной деятельности в публичном секторе России и разработка направлений внедрения передовых достижений и технологий в работу государственных и муниципальных структур как залога устойчивого развития страны и ее регионов, что и обуславливает выбор темы данной статьи.

Развитие темы получило освещение во многих трудах социологов прошлого и настоящего. Особый интерес вызывают труды отечественных и зарубежных исследователей в области социологии управления: М. Вебера, Э. Мэйо, К. Маркса, Ф. Тейлора, А.А. Богданова, Н. Кондратьева, Н. Витке [5].

Проблемы социального управления, в частности публичного управления и администрирования, на разных этапах общественных трансформаций были проанализированы в трудах отечественных и зарубежных ученых, из числа которых можно отметить Иваненко Л.В., Киселеву О.Н., Уразову К.А., Жежерову Ю.А., Conteh, Charles; Harding, Brittany [6].

Некоторые технологические аспекты инновационной трансформации органов государственной власти исследованы в работах Васильевой Е.А., Рубцовой М.В., Мудровой Е.Б., Муравьевой Н.Н., Khalid, Saba; Sarker, Abu Elias; Roberts N.C.; Frederickson H.G.; Johnston J.M.

Особенности механизмов становления инновационного государственного управления входят в круг научных интересов Безруковой А.А., Мирошниченко

И.В., Морозовой Е.В., Audenaert, Mieke; Decramer, Adeliën; George, Bert.

Однако, несмотря на имеющиеся труды и публикации, вопросы инновационного развития системы публичного управления государством являются сравнительно мало исследованной научной проблемой, поскольку основное внимание в существующих разработках уделяется только отдельным аспектам изучаемой проблематики в контексте конкретных управленческих практик. Также отдельного внимания заслуживают проблемы реализации кадровой политики для обеспечения полноценной инновационной деятельности органами власти как основы устойчивого социально-экономического развития страны.

Итак, принимая во внимание обозначенное выше, цель статьи может быть сформулирована следующим образом – исследовать отличительные черты внедрения и реализации инноваций в системе государственного и муниципального управления России на пути обеспечения социально-экономического развития страны.

Инновации в государственном и муниципальном управлении представляют собой прогрессивные методы и способы работы органов власти, а также новые подходы и инструменты, передовые управленческие технологии, применяемые для решения задач, которые с одной стороны связаны с улучшением самой системы публичного управления, а с другой – с обеспечением развития территорий и повышением благосостояния населения. Эти инновации подразумевают идентификацию и использование скрытого потенциала системы публичного управления государством вследствие внедрения передовых достижений науки и техники [7].

В рамках деятельности органов государственной власти обязательной характеристикой управленческих инноваций является ориентация на рост

благополучия людей и общества, этой цели обычно и подчиняется производство новых управленческих, социальных или технологических процессов.

Инновации в самых разных типах и формах проявления уже достаточно широко используются правительственными органами России, но при этом они являются не просто инструментами (электронным документооборотом, использованием автоматизированных систем обработки обращения граждан и т.д.), которые облегчают или ускоряют некоторые процессы и процедуры. Они подразумевают пересмотр парадигмы и процессов управления, изменение сложившихся паттернов поведения с целью повышения качества предоставления публичных услуг. Рационально разработанные и эффективно реализованные инновации в системе государственного управления дают возможность гражданам и предпринимательским структурам организовывать контакты с правительством гораздо легче и быстрее и с меньшими расходами.

Особенности влияния инноваций в государственном управлении на социально-экономическое развитие страны наглядно можно проследить на примере трех основных уровней их реализации, которые охватывают практически все сферы общественной жизни (см. рис. 1).

Рассмотрим обозначенные на рис. 1 уровни более подробно.

Государство/правительство и граждане (Government 2 Citizens или G2C).

Взаимодействие между государством и гражданами благодаря инновациям становится проще. Это позволяет избежать излишних бюрократических процедур, повышает уровень удовлетворенности публичными услугами и сокращает расходы государства. К примеру, при потере паспорта гражданину достаточно способом одного клика запросить через ресурс восстановление документа и получить его в указанный срок. То же касается регистрации автомобиля и жилья, получения субсидий и социальной помощи.

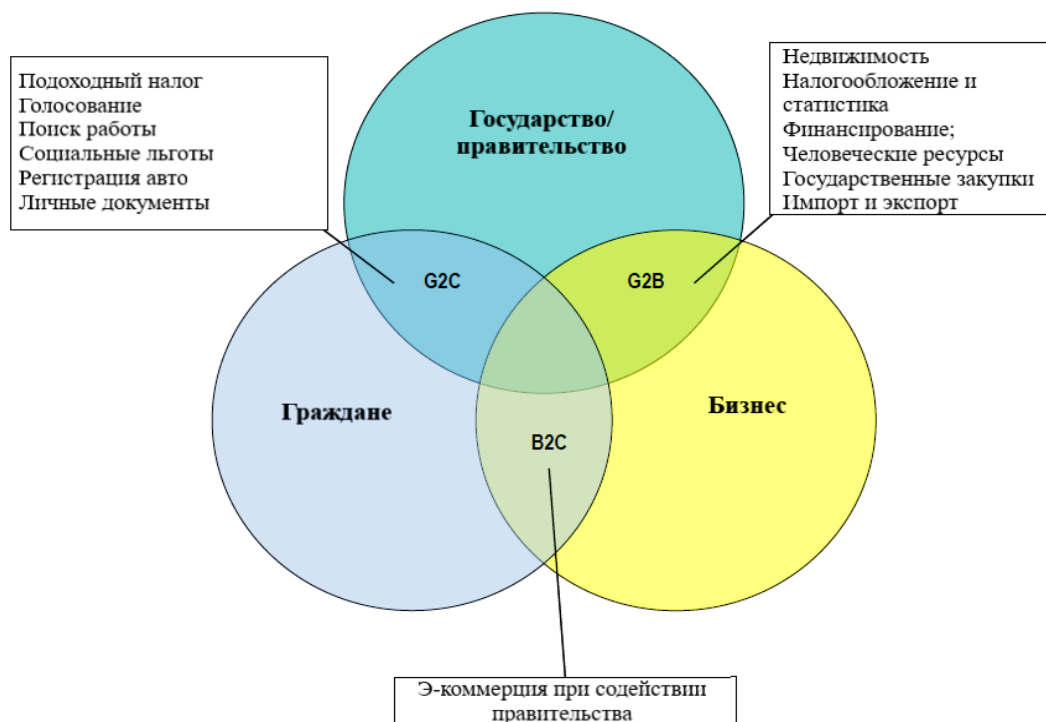

Рис. 1. Уровни реализации инноваций в государственном управлении России

Государство/правительство и бизнес (Government 2 Business или G2B).

Инновации в этой сфере упрощают процедуры регистрации бизнеса и взаимодействия с налоговой для предпринимателей. Участие в тендерах автоматизируется и становится более прозрачным. Внедрение сервисов G2B позволяет уменьшить процент теневой экономики, а также снизить препятствия, возникающие в ходе становления и развития предпринимательства в стране.

Правительство и правительство (Government 2 Government или G2G).

Отлаживает и ускоряет документооборот между ведомствами, помогает улучшить эффективность работы госаппарата, упростить кооперацию региональных управлений и территориальных подразделений.

По нашему мнению, значительный потенциал эффективности внедрения инноваций в сферу государственного управления заложен в сфере противодействия коррупции. Этот потенциал можно рассматривать как результат общего повышения прозрачности и удаленности онлайн-взаимодействий между гражданами и чиновниками, что обеспечивается передовыми инструментами, которые основаны на информационных технологиях и цифровых инновациях [8]. Противодействие коррупции в данном формате можно объяснить четырьмя факторами:

1. Увеличение объема открытой информации – электронное управление дает возможность предотвратить злоупотребление властью и коррупцией, а также удовлетворить право людей на получение достоверных данных.

2. Контроль дискреционной работы – инновационные технологии уменьшают возможность государственных служащих толковать законы по своему усмотрению, привлекая внимание к раскрытию информации и общественному контролю.

3. Уменьшение возможностей достижения договоренностей лицом к лицу – следовательно, уменьшение возможности несправедливого отношения государственных служащих к гражданам в рамках прямых встреч, то есть возможность коррупции.

4. Расширение конкуренции – инновации позволяют технологически реализовать среду, в которой все частные операторы могут участвовать в открытой конкуренции по договорам.

Инновации в управлении на муниципальном уровне – это способ организации работы органов местного самоуправления, в рамках которого реализуется активное взаимодействие по всей горизонтали власти, а также оптимизируется сотрудничество с бизнесом, населением, некоммерческими организациями с помощью ИКТ, цифровых инноваций и других достижений научно-технического прогресса. Поэтому внедряя инновации в управление на местном уровне, необходимо учитывать преимущества для ключевых субъектов этих отношений, отмеченных выше (рис. 2).

Чтоб получить максимальный эффект всем этим институциональным субъектам необходимо взаимодействовать между собой, а модель муниципального управления должна быть направлена на достижение и удовлетворение интересов каждого из них. Существенное препятствие в процессе внедрения и развития инноваций в публичном управлении заключается в дефиците информации о передовых наработках и практиках.

Несмотря на имеющиеся достижения, следует отметить, что на сегодняшний день в России обобщенная информация о состоянии научно-методического обеспечения деятельности органов публичной власти находится в достаточно фрагментарном и несистемном виде.

Этот вопрос особенно актуален, поскольку в последние годы количество инноваций, используемых органами власти

Рис. 2. Преимущества использования инноваций на уровне муниципальных органов власти России

на всех уровнях увеличивается, особенно это касается местного самоуправления.

Государственными и муниципальными финансовыми инструментами, способствующими появлению управленческих инноваций, являются конкурсы и гранты. Благодаря им можно стимулировать не только новые инновационные подходы в сфере обеспечения развития отраслей и территорий, но и формировать новую управленческую культуру, которая может создать предпосылки для непрерывного повышения эффективности. На сегодняшний день многие органы местного самоуправления России проводят соревнования между идеями для развития своих территорий, принимают участие в конкурсах на получение финансирования проектов от донорских организаций, применяют инновационные проекты по решению местных проблем. Эта практика свидетельствует о том, что для этих органов сложились благоприятные условия, в которых они

имеют стимул и мотивацию действовать по-новому.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Обеспечение высокой эффективности и результативности публичного управления, повышение ответственности органов власти за предоставление качественных услуг всё в большей степени определяются развитием инновационной составляющей. Это в свою очередь приводит к необходимости применения широкого спектра передовых технологий и методов управления.

Активное внедрение инноваций в систему общественно-политических отношений в России значительно расширяет возможности всех заинтересованных субъектов в процессах государственного управления, позитивно влияет на принятие управленческих решений, создает условия для формирования качественно нового уровня взаимодействия органов власти, бизнеса и граждан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Никаева Р.М., Шардан С.К. Инновации государственного и муниципального управления // ФГУ Science. 2022. № 1 (25). С. 89–94.
2. Innovations in Governance: Political Theory, Liberal State and Active Democracy // Indian journal of public administration. 2022. Vol. 68, No. 3. P. 473–485.
3. Loeber Anne. Implementing Responsible Research and Innovation: From New Public Management to New Public Governance // Library of ethics and applied philosophy. 2023. Vol. 40. P. 211–228.
4. Global Innovation Index 2022: What is the future of innovation-driven growth? // World Intellectual Property Organization (WIPO). 2022.
5. Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренкова. М.: МГУ, 1994. 496 с.
6. Иваненко Л.В., Киселева О.Н. Применение метода управления проектами как инновация в государственном и муниципальном секторе // Вестник Самарского университета. Серия: Экономика и управление. 2021. Т. 12, № 1. С. 75–83.
7. Покидов А.А. Применение инновационных технологий в государственном и муниципальном управлении в контексте европейских стандартов // Экономика и социум. 2020. № 4 (71). С. 757–759.
8. Wirtz Bernd W. Business model innovation in the public sector: an integrative framework // Public management review. 2023. No. 2. P. 340–375.

REFERENCES:

1. Nikaeva R.M., Shardan S.K. Innovations of state and municipal management // FSI Science. 2022. No. 1 (25). P. 89–94.
2. Innovations in Governance: Political Theory, Liberal State and Active Democracy // Indian journal of public administration. 2022. Vol. 68, No. 3. P. 473–485.
3. Loeber Anne. Implementing Responsible Research and Innovation: From New Public Management to New Public Governance // Library of ethics and applied philosophy. 2023 Vol. 40. P. 211–228.
4. Global Innovation Index 2022: What is the future of innovation-driven growth? // World Intellectual Property Organization (WIPO). 2022.
5. American Sociological Thought: Texts / ed. by V.I. Dobrenkov. M.: MSU, 1994. 496 p.
6. Ivanenko L.V., Kiseleva O.N. Application of the project management method as an innovation in the state and municipal sector // Bulletin of the Samara University. Series: Economics and Management. 2021. V. 12, No. 1. P. 75–83.
7. Pokidov A.A. Application of innovative technologies in state and municipal management in the context of European standards // Economics and Society. 2020. No. 4 (71). P. 757–759.
8. Wirtz Bernd W. Business model innovation in the public sector: an integrative framework // Public management review. 2023. No. 2. P. 340–375.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-149-154>
УДК 001.18:004

Салова Т.Л.

КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Салова Тамара Львовна,

кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», Сочи, Россия
e-mail: salova@mail.ru
тел.: +7 (900) 244 73 40

Аннотация

Начало XXI века можно охарактеризовать как качественно новый этап развития человеческой цивилизации, для которого центральным понятием становится конвергенция – объединение, сближение и взаимопроникновение наук и технологий.

Особое внимание в статье уделяется конвергенции четырех ведущих научных направлений: нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивных технологий (НБИК- конвергенции). Подчеркивается, что присоединение к этому блоку социально-гуманитарных технологий – еще более усиливает их взаимный синергетический эффект.

Исследование конвергенции наук и технологий как нового этапа интеграции научного знания является целью данной работы.

В качестве методологической основы исследования выступают общие методы научного познания, такие как анализ, синтез, обобщение; системный подход, связанный с представлением об объекте как целостной системе, с выявлением многообразных типов связей сложного объекта и сведением их в единую теоретическую картину.

Актуальность затронутой темы и ее практическая значимость связана с усилением в последнее время позиций фундаментальных исследований, для которых конвергенция становится основным методом и источником будущих знаний.

Ключевым выводом можно считать обоснование плотного вхождения понятия «конвергенция» в общую структуру современного научного знания в процессе перехода к этапу направленной осознанной эволюции человека.

Ключевые слова: конвергенция, информационная цивилизация, НБИК-конвергенция как объединение нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий, эволюция человека, трансгуманизм

Для цитирования: Салова Т.Л. Конвергенция как центральное понятие современного научного знания // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 149-154. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-149-154>.

Salova T.L.

CONVERGENCE AS THE CENTRAL CONCEPT OF MODERN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Salova Tamara Lvovna,

Candidate of Technical Sciences, an associate professor of the Department of Information Technologies of FSBEI HE «Sochi State University», Sochi, Russia

e-mail: salova@mail.ru

tel.: +7 (900) 244 73 40

Abstract

The beginning of the 21st century can be characterized as a qualitatively new stage in the development of human civilization, for which the central concept is convergence, unification, rapprochement and interpenetration of sciences and technologies.

Particular attention is paid to the convergence of four leading scientific areas: Nanotechnologies, Biotechnologies, Information technologies and Cognitive technologies (NBIC-convergences). It has been emphasized that joining this block of social and humanitarian technologies enhances their mutual synergistic effect.

The study of the convergence of sciences and technologies as a new stage in the integration of scientific knowledge is the purpose of this research.

The methodological basis of the research is general methods of scientific knowledge, such as analysis, synthesis, generalization; a systematic approach associated with the idea of an object as an integral system, with the identification of diverse types of connections of a complex object and their reduction into a single theoretical picture.

The relevance of the topic and its practical significance is associated with the recent strengthening of the positions of fundamental research, for which convergence is becoming the main method and source of future knowledge.

Substantiation of the tight entry of the concept of «convergence» into the general structure of modern scientific knowledge in the process of transition to the stage of directed conscious human evolution can be considered as the key conclusion.

Keywords: convergence, information civilization, NBIC convergence as a combination of nanotechnologies, biotechnologies, information and cognitive technologies, human evolution, transhumanism

For citation: Salova T.L. *Convergence as the central concept of modern scientific knowledge* // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 1. P. 149-154. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-149-154>.

В истории развития цивилизации произошло несколько информационных революций, связанных с кардинальными изменениями в сфере обработки информации и, как следствие, с изменениями всей социальной структуры общества. Информационная революция – это метафора, которая отражает революционное воздействие информационных технологий на все сферы

жизни общества: на способ производства, стиль жизни, системы ценностей, на культуру в целом.

Появление письменности, изобретение книгопечатания, открытие электричества, бурное развитие микропроцессорной техники, а также глобальных сетей и телекоммуникаций – все эти информационные революции шаг за шагом выстроили новую цивилизацию

с условным названием – «информационное общество».

В фундаментальных трудах крупных ученых-футурологов Д. Белла [1], Э. Тоффлера [2], М. Кастельса [3], а также их последователей – русских ученых А.И. Ракитова [4], В.Л. Иноземцева [5], А.Д. Урсула [6] и других прослеживаются общие тенденции и закономерности грядущей информационной цивилизации:

- выделяется роль теоретического знания как стратегического ресурса;
- возрастает значение наукоемких технологий и производств;
- изменяется характер труда в сторону увеличения интеллектоемкости;
- подчеркивается положение ученого-интеллектуала как центральной фигуры нового общества;
- прогнозируется появление интеллектуальной элиты;
- интеллекту отводится центральное место при формировании человека нового типа – *Homo intellectualis* (человека интеллектуального) [7].

Завершающим этапом всех этих процессов следует считать появление интеллектуальной экономики [8; 9] – высшей фазы развития экономики цифровой [10; 11].

Существенная часть разработок концепции информационной цивилизации приходится на конец XX века. Два десятилетия века нового ознаменовались столь стремительным развитием наук и технологий, что формирование устойчивого понятийного аппарата становится практически невозможным.

Но одно понятие заслуживает особого внимания и с точки зрения автора является центральным, ключевым, системообразующим как для наук и технологий, так и для человека и общества в целом. Это понятие «конвергенция». Изначальный смысл данного понятия – объединение, сближение, взаимопроникновение. Рассмотрим основные моменты изменения статуса этого понятия,

плотного вхождения его в структуру современного знания.

К середине XX столетия сформировалась узкоспециализированная система науки и образования, включающая сотни научных направлений, в каждом из которых были достигнуты глубокие научные результаты. Узкая специализация наук привела и к отраслевому принципу организации промышленности и экономики.

Однако, следует подчеркнуть, что наука, по своей сути, является целостным системным образованием, для которого проявление междисциплинарности, влияние отдельных дисциплин друг на друга, взаимопроникновение за счет использования общих принципов и методов исследования – это естественный процесс развития. Он проявляется в появлении так называемых смежных интегрированных дисциплин, таких, например, как биохимия, биофизика, геофизика, биогеохимия и других. Кроме этого, наблюдается сближение, взаимопроникновение наук о природе и наук об обществе и человеке. Как следствие, появление кибернетики, генной инженерии, бионики, когнитивной науки.

И это объединение, сближение, взаимопроникновение, другими словами, конвергенция наук, происходит особенно бурно в настоящее время.

Заметно усилились позиции конвергенции наук при появлении и стремительном развитии информационной технологии, которая впервые заявила о себе как о технологии, имеющей наддисциплинарный характер [12]. На сегодняшний день является очевидным, что ни одна из отраслей промышленности не обходится без информационной технологии: это и робототехнические системы управления, и телемедицина, и АСУТП с числовым программным управлением, и автоматические системы пилотирования и многое другое.

Отраслевая экономика трансформируется в цифровую и далее в

интеллектуальную экономику [9], исключительно благодаря информационной технологии, которая, являясь по своему характеру конвергентной технологией, выступает в роли единой методологической основы всех научных направлений.

И наконец, появление нанотехнологий – новой области фундаментальной и прикладной науки, включающей теоретическое обоснование, практические методы исследования, анализа и синтеза материалов, устройств и технических систем с заданной атомарной структурой, не превышающих размера 100 нанометров хотя бы в одном измерении и обладающих качественно новыми свойствами вследствие наномасштабных размеров [13].

Один из основоположников развития нанотехнологий в России директор РНЦ «Курчатовский институт» (г. Москва) М.В. Ковальчук подчеркивает, что «нанотехнологии – это надотраслевая область исследований и технологий, интегрирующая специализированные естественнонаучные дисциплины в новое естествознание XXI в. В любой отрасли прогресс будет связан, прежде всего, с атомно-молекулярными построениями». И еще, «нанотехнологии оказываются единственным общим фундаментом для всех областей, что фактически возвращает нас к восстановлению целостной картины мира» [13, с. 158].

Еще большим синергетическим эффектом обладает конвергенция четырех ведущих научных направлений: нанотехнологий (Н), биотехнологий (Б), информационных технологий (И), когнитивных технологий (К). Появляется понятие: НБИК-конвергенция.

Само понятие введено в научный оборот в 2002 году М. Рико и У. Бейнбиджем, авторами отчета «Converging Technologies for Improving Human Performance», подготовленного во Всемирном центре оценки технологий (WTEC) [14, с. 97]. В отчете акцент делается на интегративном

эффекте развития НБИК-технологий, с которым связывается прорыв в развитии современной науки.

НБИК-конвергенция прежде всего это:

- атомно-молекулярное конструирование материалов с заданными свойствами;
- создание нанобиоструктур (т.н. гибридных систем), встроенных, например, в организм для улучшения его функциональности;
- объединение теории познания, нейрофизиологии, когнитивной психологии и искусственного интеллекта с целью «одушевления» создаваемых гибридных систем;
- прогресс в сфере наук, изучающих мозг: молекулярной и эволюционной биологии, нейрофармакологии, популяционной генетики, когнитивной неврологии и других;
- конструирование человека с определенными генетическими данными;
- развитие универсального искусственного интеллекта (называемого «сильным ИИ» или «ИИ человеческого уровня»), обладающего способностями к самообучению, творчеству и свободному общению с человеком.

Рядом ученых [15; 16] предлагается добавить социально-гуманитарную составляющую (С), т.е. использовать аббревиатуру НБИКС-конвергенция, поскольку актуальными становятся вопросы пересмотра таких понятий, как человек, разум, жизнь, природа, особенно при переходе к этапу направленной осознанной эволюции человека [14, с. 108]. Возрастают запросы на социальные технологии, имеющие гуманитарные ориентиры. НБИКС-конвергенция касается не только социума, но и самого человека, особенно в концепции трансгуманизма [17], признающего возможность и даже желательность изменения человеческой природы под действием генной инженерии с целью существенного улучшения физических

и умственных способностей, а также замедления старения и удлинения жизни.

В условиях трансформации ценностей и норм есть надежда, что конвергенция социальных и информационных технологий даст новый импульс в исследовании человеческой природы и разработке новых критериев человечности [18].

Конвергенция обнаруживает себя в различных аспектах человеческой жизни. Можно перечислить еще целый ряд ее проявлений:

– экономическая конвергенция;

– коммуникативная конвергенция;
– конвергенция телевидения и интернета;
– конвергенция физической, дополненной и виртуальной реальности;
– конвергентная журналистика и многое другое.

Несмотря на то что феномен конвергенции пока еще не осмыслен как целостный социокультурный феномен, конвергенцию можно рассматривать как модель развития принципиально нового научного знания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции М.: Политическая литература, 1990.
5. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: ЛОГОС, 2000.
6. Урсул Д.А. Ноосферная стратегия перехода России к устойчивому развитию. М.: Гомель, 1997.
7. Салова Т.Л. Интеллектуальная элита и Homo intellectualis информационной цивилизации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 1. С. 131–137.
8. Интеллектуальная экономика – технологические вызовы XXI века / Глазьев С.Ю. [и др.]. Алматы: Эксклюзив. 2009.
9. Клейнер Г.Б. Интеллектуальная экономика цифрового века // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56, № 1. С. 18–33.
10. Блануца В.И. Цифровая экономика Российской Федерации: концептуальный анализ национальной программы // Вестник Пермского университета экономики. Серия: Экономика. 2020. Т. 15, № 4. С. 463–493.
11. Днепров М.Ю., Михайлюк О.В. Цифровая экономика как новая экономическая категория // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9, № 4. С. 1279–1294.
12. Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 3–11.
13. Ковальчук М.В. Нанотехнологии – фундамент новой наукоемкой экономики XXI века // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2008. С. 143–158.
14. Прайд В., Медведев Д.А. Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания // Философские науки. 2008. № 1. С. 97–117.
15. Хмелевская С.А. Человек как био-социо-техническое существо: влияние новых технологий на природу человека // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. сборник научных статей / под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: ГСГУ, 2018. С. 407–412.

16. Фидченко Е.В. НБИКС-конвергенция: от функционального агрегатора к философскому феномену // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8. С. 74–77.
17. Луков В.А. Трансгуманизм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 245–252.
18. Добродородный Д.Г., Белокрылова В.А. Конвергенция информационных и социальных технологий в цифровую эпоху // Философские науки. 2021. Т. 64, № 5. С. 71–92.

REFERENCES:

1. Bell D. The coming post-industrial society: the experience of social forecasting. Moscow: Academia, 2004.
2. Toffler E. Metamorphoses of power. M.: AST, 2003.
3. Castells M. Information Age: Economics, Society and Culture. M.: GU HSE, 2000.
4. Rakitov A.I. Philosophy of the computer revolution, Moscow: Political Literature, 1990.
5. Inozemtsev V.L. Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects. M.: LOGOS, 2000.
6. Ursul D.A. Noospheric strategy of Russia's transition to sustainable development. Moscow: Gomel, 1997.
7. Salova T.L. Intellectual elite and Homo intellectualis of the information civilization // Bulletin of Maikop State Technological University. 2022. V. 14, No. 1. P. 131–137.
8. Intelligent economy – technological challenges of the XXI century / Glazyev S.Yu. [et al.]. Almaty: Exclusive. 2009.
9. Kleiner G.B. Intellectual economy of the digital age // Economics and Mathematical Methods. 2020. V. 56, No. 1. P. 18–33.
10. Blanutsa V.I. Digital economy of the Russian Federation: a conceptual analysis of the national program // Bulletin of the Perm University of Economics. Series: Economy. 2020. V. 15, No. 4. P. 463–493.
11. Dneprov M.Yu., Mikhailyuk O.V. Digital economy as a new economic category // Questions of innovation economy. 2019. V. 9, No. 4. P. 1279–1294.
12. Kovalchuk M.V., Naraykin O.S., Yatsishina E.B. Convergence of sciences and technologies as a new stage of scientific and technical development // Questions of Philosophy. 2013. No. 3. P. 3–11.
13. Kovalchuk M.V. Nanotechnologies as the foundation of a new science-intensive economy of the XXI century // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2008. P. 143–158.
14. Pride V., Medvedev D.A. The phenomenon of NBIC convergence. Reality and expectations // Philosophical sciences. 2008. No. 1. P. 97–117.
15. Khmelevskaya S.A. A man as a bio-socio-technical being: the impact of new technologies on human nature // Digital society as a cultural and historical context of human development. Collection of scientific articles / ed. by R.V. Ershova. Kolomna: GSGU, 2018. P. 407–412.
16. Fidchenko E.V. NBICS convergence: from a functional aggregator to a philosophical phenomenon // Society: Philosophy, History, Culture. 2018. No. 8. P. 74–77.
17. Lukov V.A. Transhumanism // Knowledge. Understanding. Skill. 2017. No. 1. P. 245–252.
18. Dobrodordniy D.G., Belokrylova V.A. Convergence of information and social technologies in the digital age // Philosophical sciences. 2021. V. 64, No. 5. P. 71–92.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-155-162>
УДК 316.6.001.361(470.67)

Шахбанова М.М.

ФАКТОР ДОВЕРИЯ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна,

*доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу, Махачкала, Россия
e-mail: madina2405@mail.ru*

Аннотация

В настоящее время существенно выросла потребность в укреплении позиций российской идентичности при одновременном формировании патриотизма и патриотических принципов в обществе. Одним из существенных факторов в формировании российской самоидентификации является существование доверия к разным социальным группам, в данном контексте – к официальной власти и ее представителям. В этой связи актуальным является изучение отражения института доверия на формирование российской идентичности, а также на межличностное общение. Цель исследования заключается в установлении роли фактора «доверие» на формирование российской идентичности молодого поколения дагестанцев, а также на характер и интенсивность межнационального общения. Методом исследования является массовый стандартизированный опрос. Аналитика показывает, что в массовом сознании опрошенной дагестанской молодежи превалирует суждение «скорее доверяю», причем можно констатировать уменьшение уровня доверия с повышением образовательного статуса опрошенной дагестанской молодежи. Существование институциональной формы доверия в общественном сознании молодого поколения дагестанцев играет важнейшую роль во взаимосвязанном процессе – с одной стороны, формирует и укрепляет позиции российской идентичности, с другой – способствует выработке принципов толерантности, взаимопонимания. Данные факторы являются важнейшими в рамках развития позитивного межнационального климата и сохранения стабильности в российском социуме. Глубинный анализ и сопоставление ряда вопросов между собой свидетельствует, что подмассив испытывающих доверие органам власти положительно оценивает межэтническую сферу на территории своего проживания, причем с акцентированием внимания на отсутствии почвы для межнационального противостояния и конфликтов. Аналитический материал показывает, что важнейшим фактором оказывающим влияние на формирование доверия и межнациональную стабильность оказывает межличностная коммуникация. На основе авторского исследования установлено, что опрошенная молодежь ориентирована на тесные этноконтакты, причем их респонденты оценивают позитивно.

Ключевые слова: дагестанская молодежь, доверие, институциональное доверие, многонациональность, межнациональное общение, межнациональный климат, межнациональная стабильность, недоверие, российская идентичность, формы доверия, толерантность, межнациональное взаимодействие, полиэтничность, этноконтакты

Для цитирования: Шахбанова М.М. Фактор доверия в формировании российской идентичности и межнационального общения дагестанской молодежи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 1. С. 155-162. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-155-162>.

Shakhbanova M.M.

TRUST FACTOR IN THE FORMATION OF THE RUSSIAN IDENTITY AND INTERETHNIC COMMUNICATION OF THE DAGESTAN YOUTH

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna,

*Doctor of Sociology, a leading researcher of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Department of the UNESCO Department for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specifics of their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus, Makhachkala, Russia
e-mail: madina2405@mail.ru*

Abstract

At present, the need to strengthen the positions of Russian identity has grown significantly, while at the same time forming patriotism and patriotic principles in society. One of the essential factors in the formation of Russian self-identification is the existence of trust in various social groups, in the official government and its representatives. In this regard, it is relevant to study the reflection of the institution of trust on the formation of the Russian identity, as well as on interpersonal communication. The purpose of the research is to establish the role of the «trust» factor in the formation of the Russian identity of the young generation of Dagestanis, as well as the nature and intensity of interethnic communication. The research method is a mass standardized survey. The analytics show that in the mass consciousness of the surveyed Dagestan youth, the judgment «I rather trust» prevails; and one can state a decrease in the level of trust with an increase in the educational status of the surveyed Dagestan youth. The existence of an institutional form of trust in the public consciousness of the young generation of Dagestanis plays a crucial role in an interconnected process – on the one hand, it forms and strengthens the position of the Russian identity, on the other hand, it contributes to the development of the principles of tolerance and mutual understanding. These factors are the most important in the development of a positive international climate and maintaining stability in the Russian society. An in-depth analysis and comparison of a number of issues with each other indicates that a sub-array of trusted authorities positively assesses the interethnic sphere in the territory of their residence, with an emphasis on the absence of grounds for interethnic confrontation and conflicts. Analytical material shows that the most important factor influencing the formation of trust and interethnic stability is interpersonal communication. On the basis of the author's research, it has been found that the young people are focused on close ethnic contacts, and their respondents evaluate them positively.

Keywords: the Dagestan youth, trust, institutional trust, multinationality, interethnic communication, interethnic climate, interethnic stability, mistrust, the Russian identity, forms of trust, tolerance, interethnic interaction, polyethnicity, ethnocontacts

For citation: *Shakhbanova M.M. Trust factor in the formation of the Russian identity and interethnic communication of the Dagestan youth // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 1. P. 155-162. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-1-155-162>.*

Введение. При исследовании типов социальной идентичности закономерно возникает потребность в установлении, во-первых, почвы формирования интолерантности, во-вторых, факторов обострения межнациональной ситуации, в-третьих, основы появления враждебности и агрессии в отношении иных этнических образований. А что позволяет предотвратить этноконфликт, и при его возникновении в кратчайшие сроки его урегулировать? По мнению автора, институт доверия способен выполнить ключевую роль в недопущении появления в обществе межнационального противостояния, а также в формировании в общественном сознании населения принципов толерантности и позитивных установок. Следовательно, отсутствие доверия, то есть недоверие, естественно выполняет деструктивную функцию в данном процессе, поэтому «доверие можно рассматривать в ряду важнейших социокультурных источников, питающих и поддерживающих российскую идентичность» [1, с. 38]. Не менее важным при рассмотрении феномена доверия является существование позиции «мы – они», которая определяет его формирование, более того, «доверие тождественно принадлежности обоих участников данного акта или отношения к одному «мы»» [2, с. 123]. Таким образом, можно утверждать, что экономическое неравенство напрямую отражается на характере межнационального общения, поэтому данный фактор оказывает непосредственное влияние на существование доверия и недоверия к представителям инонациональной

и иноконфессиональной принадлежности. Само по себе доверие очень сложное явление и попытка его универсальной концептуализации представляет определенные трудности, ибо «под доверием скрываются многообразные компоненты осознанного и бессознательного, связанные с отношением к людям и социальным объектам, их оценка в контексте «надежности»» [3, с. 111]. П. Штомпка выделяет три уровня формирования культуры доверия: первый – индивидуальный, и на его базе формируется среда доверия, и «когда такого типа мышление будет повсеместным, доверие перейдет с индивидуального уровня через массовый уровень на культурный, тогда мы можем говорить о культуре доверия» [4, с. 292].

В рамках исследования межнационального согласия и причин его деформации Л.М. Дробижева отмечает значение доверия «в способности людей жить в сложном многообразном мире, взаимодействовать друг с другом на принципах доверия, равенства и справедливости» [5, с. 81]. Поэтому «доверия не может быть, если между людьми нет доброжелательных или хотя бы нейтральных отношений и готовности к взаимодействию» [6, с. 20]. К сожалению, в России культура доверия находится в стадии формирования и психологическим источником ее выступают доверительные отношения, складывающиеся в семейном и дружеском кругах, трудовых коллективах и среди соседского окружения. Несмотря на то что в России пока невысока гражданская активность, которая проявлялась бы в стихийном формировании

добровольных горизонтальных ассоциаций, тем не менее, высокий уровень доверия к друзьям (практически такой же, как членам семьи) позволяет предположить, что при благоприятном социально-экономическом и политическом развитии тесные дружеские связи найдут выход в создании более широких гражданских союзов [7, с. 42]. Следует отметить, что доверие и межэтническая толерантность, как «феномены социального взаимодействия, тесно связаны между собой», ибо «толерантность... в своем формировании опирается на механизмы межличностного и институционального доверия, а доверие, возникающее в культурно неоднородной социальной среде, предполагает, в свою очередь, наличие определенного уровня межэтнической толерантности» [8, с. 28].

Исследователи выделяют разные формы существования доверия – обобщенное, межличностное и институциональное. Их характер определяет стабильность и бесконфликтное развитие социума, особенно многонационального и полирелигиозного.

Социальная дистанцированность в многонациональном сообществе зависит от предпочтительности или избегания этноконтактирования, более того, критерием зрелости этнической идентичности выступает частотность межнациональных контактов. Кроме того, наличие или отсутствие межличностного диалога свидетельствует о состоянии межнациональной толерантности, а степень интенсивности этноконтактов показывает вектор развития межэтнической сферы в целом. Как же выглядит ситуация в сфере личностной коммуникации дагестанской молодежи? При анализе межнационального общения необходимо учитывать, что его частотность и характер выступают важными индикаторами измерения этнического поведения населения. Эмпирический материал на вопрос «Как часто Вы общаетесь с представителями других

народов?» показывает, что подавляющая часть опрошенного молодого поколения дагестанцев поддерживает интенсивное межличностное взаимодействие (78,5%). По национальному разрезу можно выделить даргинцев (85,7%), кумыков (84,7%) и русских (81,8%), в других подгруппах доля таковых чуть меньше 80% за исключением респондентов-чеченцев (63,6%). С возрастом и уровнем образования опрошенных наблюдается увеличение числа вступающих в коммуникацию: с 77,4% в разрезе 0–20 лет до 82,8% в когорте 31–35 лет, с 81,2% со средним образованием до 83,6% с высшим образованием. Дальнейший анализ показывает, что 13,0% опрошенных по всему массиву редко общается с представителями других этнических общностей и в сравнении не вступающих в этноконтакты больше в подмассах аварцев (20,0%) и русских (18,2%), а также имеющих среднее образование (11,3%). Статистически незначимая часть опрошенной дагестанской молодежи вообще не общается (3,3%) и среди отметивших данное суждение можно выделить кумыков (8,5%) и в случае крайней необходимости вынуждена поддерживать межнациональный диалог чеченская молодежь (12,1%). Результаты исследования не вызывают сомнения, ибо молодое поколение изначально ориентировано на общение, более того, росту коммуникации способствуют социальные сети, в которых молодежь очень активна. Кроме того, молодое поколение имеет собственные мировоззренческие установки и миропонимание, цели, на достижение которых они, как правило, бывают сконцентрированы. К сожалению, в настоящее время многое в воспитании молодого поколения не только дагестанцев, но и российской молодежи в целом упущено, и в данной сфере необходимо кардинально изменить молодежную политику, фокус внимания должен быть направлен на воспитание патриотизма, толерантности, чувства уважения и гордости за свою

Родину. Видимо, ситуацию кардинально может изменить принятие федерального Закона «О российском движении детей и молодежи» (14.07.2022 г.) [9].

Установление частотности этноконтактов требует выявления их характера, потому что наличие плотной коммуникации еще не свидетельствует о его позитивном треке. Порой люди бывают вынуждены поддерживать диалог в силу множества причин, но это общение может носить больше негативный оттенок. Чтобы установить характер межнациональной коммуникации опрошенной дагестанской молодежи в исследовании был задан «контрольный вопрос» «Как Вы описали бы характер межличностного общения?». Полученные ответы показывают, что 75,5% респондентов не испытывает какого-либо дискомфорта, но по сравнению с другими подмассивами процентный показатель по аварскому населению заметно ниже (73,5%), по социально-демографическому разрезу внутригрупповых отличий не выявлено. Далее, 13,9% респондентов по всей выборке поддерживают межнациональную коммуникацию только в случае необходимости: по этнической принадлежности данный вариант отмечен 21,2% чеченцев, 15,0% аварского, 14,3% даргинского, 13,6% кумыкского подмассивов, 15,9% возрастном интервале 21–25 лет и 15,4% 26–30 лет, а также 14,5% имеющих среднее специальное образование. При этом статистически небольшая часть опрошенной дагестанской молодежи сознательно не поддерживает межнациональное общение (5,5%) и по этнической принадлежности отметивших данный вариант ответа больше в подгруппах лакцев и русских (каждый десятый). Таким образом, верификация материала на вопросы «Как часто Вы общаетесь с представителями других народов?» и «Как Вы описали бы характер межличностного общения?» показывает, что существенная часть опрошенной дагестанской

молодежи, во-первых, поддерживает межнациональную коммуникацию, причем очень интенсивно, во-вторых, характеризует ее позитивно; доля респондентов, которая не ориентирована на вступление в межличностный диалог не очень большая. Кроме того, полученный материал является основанием и для другого вывода: чем выше частотность коммуникации, тем теснее общение, а также возможность получения информации о другом народе, его этнокультуре, поведении, ценностно-символической системе – всё это в совокупности способствует формированию в сознании молодого поколения принципов толерантности.

Далее, в исследовании были сопоставлены между собой вопросы «Как часто Вы общаетесь с представителями других народов?» и «Как Вы описали бы характер межличностного общения?». Подгруппа, которая постоянно поддерживает общение, и сам процесс коммуникации описывает позитивно («контактирую с удовольствием») – 87,6%, впрочем, как и подмассив, «редко» вступающий в диалог (43,9%). Эта же когорта («редко») общается с окружающими людьми только в случае необходимости (33,3%), а 16,7% опрошенных стараются избегать межличностного контакта. Далее, подмассив респондентов, никогда не вступающий в межнациональное общение, также контактирует в случае необходимости (22,2%) или по мере возможности стараются его игнорировать (50,0%); когорта, которая частотность этноконтактов обозначает «только в случае крайней необходимости» при характеристике процесса общения логично отметила суждения – «контактирую в случае необходимости» (62,5%), «стараюсь избегать контактов» (12,6%) и «при общении испытываю напряжение, дискомфорт» (12,4%).

Формирование межнационального согласия, поддержание позитивного межэтнического климата, религиозной и национальной толерантности зависит от

выраженности различных форм доверия (обобщенное, институциональное, межличностное) разным социальным сферам. С учетом значимости данного фактора в формировании социального согласия в современном обществе, в анкету исследования был включен блок вопросов, позволяющий выявить уровень доверия и социальные группы, которым опрошенная дагестанская молодежь доверяет. Эмпирический материал на вопрос «Вы доверяете представителям других народов?» показывает, что одна вторая часть опрошенных по всему массиву скорее доверяет представителям иноэтнических общностей (45,3%). Среди выбравших данное суждение по этнической принадлежности можно выделить лезгин (50,5%), русских (72,7%) и чеченцев (57,6%), самую молодую возрастную подгруппу (0–20 лет) – 48,4% и подмассив со средним образованием (54,9%). При этом 23,5% респондентов по всему массиву практически не характерно выражение недоверия представителям других народов, среди них выделяются лакцы (34,4%), лезгины (31,2%) и кумыки (28,8%), а также даргинцы (27,1%). По социально-демографическому признаку можно отметить подгруппы в разрезе 21–25 лет (27,4%) и имеющие высокий образовательный статус (25,3%), которые полностью доверяют представителям иноэтнической общности. Далее, менее 10% опрошенных по всему массиву «вообще не доверяют другим народам», среди них 10,0% в подгруппе аварцев, 10,3% кумыков и 9,1% чеченцев, а также возрастной интервал 26–30 лет (14,6%). Затруднилась обозначить свою позицию 10,6% опрошенных и придерживающихся данной точки зрения больше в подмассивах лакцев (18,7%) и чеченцев (18,2%).

О чем свидетельствуют полученные данные, которые позволяют измерить институциональный уровень доверия? По мнению автора, уровень доверия и его выраженность являются важнейшими

факторами стабилизации и гармонизации межнациональных отношений, ибо отсутствие или слабость доверия между народами при возникновении межнационального противостояния не позволит без потерь разрешить ту или иную конфликтную ситуацию. Поэтому доверие выступает одним из важнейших факторов межэтнической толерантности, в свою очередь, выполняя существенную роль в формировании социального и межэтнического согласия. Так, в массовом сознании испытывающих доверие к людям, важной константой выраженности межэтнической толерантности должно быть признание равноправия всех народов, проживающих на территории Российского государства, ориентированность на неприменение агрессивных действий при разрешении возникшего этноконфликта, отсутствие устойчивых интолерантных установок в поведении. Нельзя исходить из изначально неправильной позиции, что жители многонационального сообщества являются носителями исключительно негативных установок по отношению к представителям иной этнической, культурной, религиозной и расовой принадлежности. Хотя в отношении мигрантов вполне возможно проявление интолерантности, видимо, обусловленной больше социально-экономическими причинами, чем бытовыми.

С целью глубокого анализа института доверия и определения степени его влияния на оценку межнациональной ситуации были сопоставлены между собой вопросы «Вы доверяете представителям других народов?» и «Как Вы оцениваете межнациональную ситуацию в Вашем населенном пункте?». Результаты показывают, что когорта полностью доверяющих представителям других народов положительно оценивают межнациональную ситуацию с существенным уточнением об отсутствии межэтнического противостояния – 76,9% и 29,2%, соответственно; респонденты, которые

«скорее доверяют» представителям другого народа, выбрали позиции «положительно, в моем населенном пункте благоприятные взаимоотношения между представителями разных народов» (63,4 %) и «положительно, в моем населенном пункте не происходят межнациональные столкновения» (27,2%), но здесь уже можно констатировать уменьшение процентных показателей. С понижением степени доверия оценка межнациональной ситуации меняется и наблюдается рост придерживающихся суждений: «отрицательно, в моем населенном пункте напряженные межнациональные отношения» (17,2%) и «в моем населенном пункте редко, но наблюдаются межнациональные столкновения, но мы их быстро регулируем» (10,9%). Далее, подмассив вообще не доверяющих представителям не своего народа отметил варианты ответов «отрицательно, в моем населенном пункте напряженные межнациональные отношения» (11,1%), «отрицательно, в моем населенном пункте нет открытых межнациональных конфликтов, но отношения между представителями разных народов плохие» (11,2%) и «в моем населенном пункте редко, но наблюдаются межнациональные столкновения, но мы их быстро регулируем» (25,0%).

Заключение. Полученная эмпирика свидетельствует о непосредственном отражении испытываемого респондентами чувства доверия и недоверия на оценку состояния межэтнической сферы: чем

выше уровень доверия, тем позитивнее характеристика и установки в массовом сознании, и, наоборот, чем ниже степень доверия, тем выше доля опрошенных, отрицательно характеризующих межнациональную ситуацию на территории своего проживания. Таким образом, превалирование в общественном сознании опрошенной дагестанской молодежи позиции определенной настороженности в отношении представителей другого народа может быть по-разному истолковано: здесь может иметь место существование латентного противостояния, недовольство и определенные претензии (территориальный или кадровый вопрос). Кроме того, можно проследить отражение возраста и уровня образования респондентов на формирование так называемой «осторожной доверительности» (Л.М. Дробижева). Подтверждением данного вывода являются данные по другому варианту «скорее не доверяю» – здесь можно наблюдать отличия практически по всем параметрам социологического анализа. Данные сопряженности показывают, что опрошенная дагестанская молодежь последовательна и демонстрирует активное межнациональное общение при одновременно положительной его характеристике. Данное обстоятельство является важным в формировании позитивного межнационального климата и сохранении стабильности в современном дагестанском обществе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Рыжова С.В. Доверие в формировании российской идентичности [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межнациональные отношения и российская идентичность в сложных условиях пандемии COVID-19. 2021. № 1. С. 37–45. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9456.
2. Там же.
3. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: монография / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.
4. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2014. 440 с.
5. Дробижева Л.М. Потенциал межэтнического согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90.

6. Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2015. 125 с.
7. Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс] / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2014. 124 с.
8. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/76244.html> (Дата обращения: 16.07.2022).

REFERENCES:

1. Ryzhova S.V. Trust in the Formation of the Russian Identity [Electronic resource] // Information and Analytical Bulletin (INAB). Interethnic Relations and the Russian Identity in the Difficult Conditions of the COVID-19 Pandemic. 2021. No. 1. P. 37–45. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9456.
2. Ibid.
3. Interethnic consent as a resource for the Russian society consolidation: a monograph / ed. by L.M. Drobizheva. M.: Institute of Sociology RAS, 2016. 400 p.
4. Sztompka P. Trust is the basis of society. M.: Logos, 2014. 440 p.
5. Drobizheva L.M. The potential of interethnic harmony: understanding the concept and social practice in Moscow // Sociological research. 2015. No. 11. P. 80–90.
6. International consent in the regional context [Electronic resource] / ed. by L.M. Drobizheva. M.: Institute of Sociology RAS, 2015. 125 p.
7. Resource of interethnic harmony in Moscow [Electronic resource] / ed. by L.M. Drobizheva. M.: Institute of Sociology RAS, 2014. 124 p.
8. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/76244.html> (Date of access: 16/07/2022).

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» информирует об издании журнала «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Издание рассчитано на руководящих и научно-педагогических работников вузов, а также аспирантов и докторантов, исследующих проблемы образования и науки.

Научные статьи публикуются на русском языке и имеют обязательные аннотации на английском языке.

В журнале «Вестник Майкопского государственного технологического университета» освещаются следующие научные направления:

5.6. Исторические науки

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

5.8. Педагогика

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

5.4 Социология

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Журнал принимает для публикации статьи по следующим научным направлениям: исторические науки и археология, педагогические и социологические науки.

2. Статьи должны быть посвящены актуальным проблемам науки, содержать четкую постановку цели и задач исследования, строгую научную аргументацию, обобщения и выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью.

3. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, проходят предварительный отбор на предмет их соответствия тематике журнала и формальным критериям, предъявляемым к статьям.

4. Объем статьи должен составлять 8 страниц машинописного текста (на соискание ученой степени кандидата наук) и 10-12 страниц (на соискание ученой степени доктора наук), включая таблицы, рисунки и список литературы.

5. Формат листа – А4 (210x297); шрифт – 14 (TimesNewRoman), интервал – 1,5; красная строка – 1,25. Поля: слева – 30 мм, справа – 15 мм, сверху – 20 мм, снизу – 20 мм. Текст набирается по ширине без автопереносов. Представленные в тексте таблицы и схемы должны иметь сквозную нумерацию. Названия таблиц печатаются обычным шрифтом по центру над таблицей, название рисунка печатается курсивом по центру, под рисунком.

6. Текст статьи должен быть тщательно отредактирован. Перед началом статьи указываются: в левом верхнем углу УДК; сведения об авторе (ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, почтовый адрес, адрес электронной почты, телефон каждого соавтора).

7. Название статьи – заглавными буквами, без переносов, полужирным шрифтом, по центру.

8. Аннотация на русском языке (150–250 слов) включает: актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы.

9. Ключевые слова – курсивом (8–10 слов и словосочетаний) отражают специфику темы, объект и результаты исследования.

10. В тексте ссылки на цитируемую литературу приводятся в квадратных скобках в конце предложения перед точкой, с указанием порядкового номера ссылки и страницы, например [1, с. 15], [2, с. 46], [3, с. 68] и т.д. Библиография должна быть оформлена согласно ГОСТу 7.0.5-2008.

11. Статьи направляются в редакцию по электронной почте на адрес: mgtn_konf@mgtn.ru.

12. Рукописи статей могут также направляться в редакцию в виде почтовых бандеролей с приложением диска с текстом статьи (адрес: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191).

Например:
УДК 37.016:811

Котов Р.А.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Котов Роман Алексеевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

e-mail: mincon@mail.ru,
тел.: +7 (918) 427 88 10

Текст аннотации на русском языке (150–200 слов) должен содержать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы.

Ключевые слова: (8–10 слов и словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Таблица 1. Название таблицы

Рис. 1. Название рисунка

Литература:

1. Филипович И.И. Предметно-языковое интегрированное обучение. Новый шаг в развитии компетенций // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 4. С. 74–78.

Рукописи и электронные варианты статей авторам не возвращаются.

Дополнительную информацию можно получить по электронному адресу: e-mail: mgtu_konf@mkgtu.ru; по тел.: 8 (8772) 52 30 03;

Кушхова Аксана Муратовна

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК МАЙКОПСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки
2. Первичная экспертиза проводится ответственным секретарем редакции журнала «Вестник Майкопского государственного технологического университета». При первичной экспертизе оценивается соответствие научной статьи правилам оформления и требованиям, установленным редакцией журнала.
3. Главный редактор (заместитель) определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование. Авторские статьи не по профилю не возвращаются автору, автор уведомляется о несоответствии статьи профилю журнала.
4. Перед направлением на рецензирование материал проверяется на наличие заимствованной информации в системе «Антиплагиат». Обнаружение высокого уровня заимствования влечет отклонение материала.
5. В журнале используется двусторонне слепое рецензирование (рецензент не знает, кто автор статьи, автор статьи не знает, кто рецензент).
6. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии журнала, так и сторонние рецензенты, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук, публикации по тематике рецензируемых материалов в течение последних трех лет, обладающие достаточным опытом научной работы по заявленному в статье научному направлению. Представленная авторская статья передается на рецензирование членам редколлегии журнала, курирующим соответствующую отрасль науки. При отсутствии члена редколлегии или поступлении статьи от члена редакционной коллегии главный редактор направляет статью для рецензирования внешним рецензентам.
7. Редакция оставляет за собой право (по согласованию с автором) на литературную правку, а также на отказ в публикации (на основании рецензии членов редакционной коллегии журнала или внешних рецензентов), если статья не соответствует профилю журнала или имеет недостаточное качество изложения материала. В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.
8. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий с указанием автора в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
9. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей, копия рецензии предоставляется автору рукописи без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

10. Рецензия должна содержать оценку актуальности проблематики, рассматриваемой в представленной статье, оригинальности, научной новизны исследования. Рецензент должен оценить научно-методический уровень исследования, дать оценку результатам исследования, оценить достоверность представленных в статье научных результатов, оценить практическую значимость и важность результатов исследования для науки и практики. В заключении рецензент делает вывод о целесообразности публикации статьи.

11. Процесс рецензирования в среднем занимает от 1 до 3 месяцев. В этот срок редакция журнала включает время на первичное рассмотрение рукописи, подбор рецензентов, время на подготовку рецензии. Срок рецензирования по просьбе рецензента может быть продлен. Редакция журнала принимает решение о публикации на основании двух рецензий.

12. Рецензия должна быть подписана рецензентом (содержать его контактные данные) и заверена печатью организации.

13. Рецензент может рекомендовать статью к опубликованию; рекомендовать к опубликованию после доработки с учетом замечаний; не рекомендовать статью к опубликованию. Если рецензент рекомендует статью к опубликованию после доработки с учетом замечаний или не рекомендует статью к опубликованию – в рецензии должны быть указаны причины такого решения.

14. Рецензент вправе указать на необходимость внесения дополнений и уточнений в рукопись, которая затем направляется (через редакцию журнала) автору на доработку. В этом случае датой поступления рукописи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Переработанная автором статья направляется на рецензирование повторно.

15. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала. Публикации осуществляются в порядке очередности поступления статей в редакцию. Редколлегия может принимать решение о внеочередной публикации статьи.

16. Непринятые к публикации статьи авторам не высылаются.

17. Заверенные подписями и печатями оригиналы рецензий в течение 5 лет хранятся в редакции журнала «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

The Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» informs about the publication of the journal «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta».

The journal is designed for leading and scientific-pedagogical staff of universities, as well as post-graduate students and doctoral students studying the problems of education and science.

Scientific articles are published in Russian and have compulsory annotations in English.

The journal «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» covers the following research areas:

5.6.

- 5.6.1. – National History (Historical sciences),
- 5.6.2. – World History (Historical sciences),
- 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography (Historical sciences).

5.8.

- 5.8.1. – General Pedagogy, History of Pedagogy and Education (Pedagogical sciences),
- 5.8.2. – Theory and methods of training and education (by areas and levels of education) (Pedagogical sciences),
- 5.8.7. – Methodology and technology of professional education (Pedagogical sciences).

5.4

- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (Sociological sciences),
- 5.4.6. – Sociology of Culture (Sociological sciences),
- 5.4.7. – Sociology of Management (Sociological sciences).

RULES OF DIRECTING AND PUBLISHING SCIENTIFIC ARTICLES IN

1. The journal accepts for publication articles on the following scientific areas: historical sciences and archeology, pedagogical and sociological sciences.

2. The articles should be devoted to the actual problems of science, contain a clear statement of the purpose and objectives of the research, rigorous scientific argumentation, generalizations and conclusions of interest for their novelty, scientific and practical significance.

3. All materials coming to the journal editorial office are pre-screened for their correspondence to the subject of the journal and to the formal criteria for articles.

4. The volume of the article should be 7–8 pages of typewritten text (for the degree of Candidate of Science) and 10–12 pages (for the degree of Doctor of Science), including tables, figures and references.

5. Sheet format – A4 (210x297); font – 14 (Times New Roman), interval – 1.5; the red line is 1.25. Margins: on the left – 30 mm, on the right – 15 mm, on the top – 20 mm, on the bottom – 20 mm. Text is typed in width without hyphenation. The tables and diagrams presented in the text should have continuous numbering. The names of the tables are typed in a standard font centered above the table, the title of the picture is typed in italics centered, below the picture.

6. The text of the article should be carefully edited. Before the beginning of the article the following information should be indicated: the UDC; information about the author (full name), academic degree, academic title, position, place of work, postal address, e-mail address, telephone number of each co-author).

7. The title of the article is typed in capital letters, without hyphenation, in bold, centered.

8. The abstract is in Russian (150–250 words) includes: relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and conclusions).

9. Keywords: (8–10 words and phrases) reflect the specifics of the topic, the object and the results of the research).

10. In the text, references to the literature cited are given in square brackets at the end of the sentence before the point, indicating the ordinal number of the reference and the page, e.g. [1, p. 15], [2, p. 46], [3, p. 68], etc. The bibliography should be made in accordance with GOST 7.0.5-2008.

11. The articles are sent to the editorial office by e-mail at mgtu_konf@mkgtu.ru.

12. Manuscripts of articles may also be sent to the editorial office in the form of postal parcels with a disc containing the text of the article (address: 385000, the Republic of Adygea, Maikop, 191 Pervomayskaya Str.).

An example
UDC 348.516

Kotov R.A.
A SOCIO-CULTURAL COMPONENT IN TEACHING
A FOREIGN LANGUAGE

Kotov Roman Alexeevich, Doctor of Pedagogy, an associate professor, professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy of FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, Russia

e-mail: mincon@mail.ru,

tel.: +7 (918) 427 88 10

The text of the abstract in Russian (150–200 words) should contain the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and conclusions.

Keywords: (8–10 words and phrases) should reflect the specifics of the topic, the object and the results of the study.

THE ARTICLE TEXT

Table 1. Table name

Fig. 1. Name of the figure

Literature:

1. Filipovich I.I. Subject-language integrated learning. A new step in the development of competencies // Scientific Herald of the Southern Institute of Management. 2015. No. 4. P. 74–78.

Manuscripts and electronic versions of the articles are not returned.

Additional information is available by e-mail:

e-mail: mgtu_konf@mkgtu.ru; tel.: (8772) 52 30 03;

Kushkhova Aksana Muratovna

RULES OF SCIENTIFIC ARTICLE REVIEW IN «VESTNIK MAJKOPSKOGO GOSUDARSTVENNOGO TEHNOLOGIČESKOGO UNIVERSITETA»

1. The journal reviews all incoming materials that correspond to its subject matter with the purpose of their expert evaluation.

2. Primary examination is conducted by the responsible secretary of the editorial board of the «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta». At the initial examination the compliance of the scientific article with the rules of article submission guidelines and with the requirements established by the journal's editorial office are assessed.

3. The chief editor (deputy chief editor) determines the correspondence of the article to the journal profile, the requirements for article submission, and directs it for review. Non-profile articles are not returned to the author, the author is notified about the discrepancy of the article to the journal profile.

4. Before sending for review the material is checked for the presence of borrowed information in the «Anti-plagiarism» system. Detection of a high level of borrowing leads to the rejection of the material.

5. The journal uses two-sided blind reviewing (the reviewer does not know who the author of the article is, the author of the article does not know who the reviewer is).

6. Both members of the editorial board of the journal and outside experts holding a scientific degree of a candidate or doctor of science, and having publications on the subject of reviewed materials in the last three years, with sufficient experience of scientific work on the scientific subject stated in the article are involved in the review. The submitted author's article is passed on to the members of the editorial board of the journal overseeing the relevant branch of science for review. In case of absence of a member of the editorial board or in case of receiving an article from a member of the editorial board, the chief editor sends the article for review to external reviewers.

7. The editorial office reserves the right (with the agreement of the author) to make a literary correction, as well as to refuse publication (on the basis of a review by the members of the editorial board of the journal or external reviewers), if the article does not correspond to the journal profile or has insufficient quality of the material. In case of rejection of the article, the editorial office sends a motivated refusal to the author.

8. The editorial office sends copies of the reviews or motivated refusals to the authors of the submitted materials, and also undertakes to send copies of the reviews with the author's indication to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

9. A review is confidential for the authors of the articles, a copy of the review is provided to the author of the manuscript without signing and indicating the name, position, and workplace of the reviewer.

10. A review should contain an assessment of the relevance of the issues considered in the presented article, originality, scientific novelty of the research. A reviewer should evaluate scientific and methodological level of the research, evaluate the results of the study,

evaluate the reliability of the scientific results presented in the article, and assess the practical significance and importance of the research results for science and practice. In conclusion, the reviewer concludes about the expediency of the article publication.

11. The review process takes an average of 1 to 3 months. This period includes the time for the initial review of the manuscript, the selection of reviewers, the time for preparing a review. The review period may be extended at the request of the reviewer. The editorial board makes a decision on publication on the basis of two reviews.

12. A review must be signed by the reviewer (contain his contact details) and certified by the seal of the organization.

13. A reviewer may recommend an article for publication; recommend for publication after revision, taking into account the comments; or may not recommend the article for publication. If the reviewer recommends the article for publication after revision, taking into account the comments or does not recommend the article for publication, the reasons for such a decision should be indicated in the review.

14. A reviewer has the right to point out the need for making additions and clarifications to the manuscript, which is then sent (through the editorial office) to the author for revision. In this case, the date of the revised manuscript return is considered to be the date of its coming to the editorial office is. The revised article is sent for review again.

15. The final decision on the expediency of the publication is taken by the editorial board of the journal. The articles are published in the order of priority of their coming to in the editorial office. The Editorial Board can decide on an unscheduled publication of an article.

16. Rejected articles are not sent to the authors.

17. The originals of the reviews, certified by signatures and seals are stored in the «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» editorial board for 5 years.

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Том 15 № 1 2023

Издательство ФГБОУ ВО «МГТУ»

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191.

Подписано в печать 30.03.2023 г. Бумага Херох Performer. Печать цифровая.

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84¹/₈ Усл. п.л. 17,8. Тираж 500 экз. Заказ 059.

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии ИП Кучеренко В.О.

385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, 403/33.

Тел. для справок 8-928-470-36-87.

E-mail: slv01.maykop.ru@gmail.com